

© Павел Шуф, 1985
Художник Михаил Соркин
Ташкент. Издательство "Ёш гвардия", 1985

Павел Шуф
«Полное собрание приключений юнкора "Игрек"»

*Заключительная повесть
трилогии «Записки Балтабаева-младшего»*

АППЕТИТ ПРИХОДИТ ВО ВРЕМЯ УРОКА

Отзовитесь, отличники! И не говорите, что не слышали!

Глупо спрашивать — знаете ли вы из физики правило правой руки, секрет короткого замыкания, тайны сообщающихся сосудов, загадку броуновского движения и еще сотню хитроумных вещей. Но зато вы и не подозреваете, что лично у нас в школе существуют вовсе неизвестные донныне науке Правило дразнящей среды и Закон разгорания аппетита.

Вот послушайте...

Чтобы в среду на уроке физики не страдать от неизбежных и мучительных галлюцинаций, следует заранее основательно подкрепиться. Это вовсе не означает, что среда — роковой день, когда Николай Алексеич затевает массированный опрос класса по едва проглоченной нами теме. Просто в этот день физика у нас предваряет большую переменную, которую наш учитель издавна — и это хорошо известно всей школе — облюбовал для обеда.

На обед он жарит яичницу. Во время урока. Если быть совсем точным, начинается это тайное священнодействие минут за пять до звонка. Придумав повод, он исчезает «на секундочку» в примыкающую к кабинету со стороны доски подсобку. Отсутствует он не более минуты. Но за это время успевает включить электроплитку, поставить сковородку и погасить ее пыл ушатом диетических яиц, степенно дозревающих в ожидании звонка с урока.

Спросите, откуда такая осведомленность? А попробуйте не смекнуть, в чем тут дело, если вскоре в класс нахально вползает запах яичницы. Он торжествующе порхает над партами, дразнит ноздри, заставляя нас понимающе переглядываться, притворно сглатывать слюну и гадать: не начинает ли яичница переходить в новое агрегатное состояние, или, говоря проще, предательски подгорать?

Честно говоря, тут мы начинаем бить тревогу. Шутка ли: эдак, увлекшись ради нас показом эффектного опыта, Николай Алексеич потом найдет на сковородке не заветную яичницу, а ее обугленные головешки... Легко сказать — «бить тревогу». А как ее, треклятую, бить посреди высоконаучных наших разговоров о тайнах сообщающихся сосудов или о работе двигателя внутреннего сгорания? Не скажешь ведь учителю: «У вас яичница погибает!»

Вот и приходится каждый раз что-нибудь придумывать, дабы навести добряка-физика на мысль наведаться на свой камбуз и спасти трапезу.

Николай Алексеич давно был бы пенсионером. Но живет он совсем один, и работу оставлять не хочет.

И, если хотите знать, физика радуется нас не меньше, чем мультики серии «Ну, погоди!». Мы, как зайцы, хотим иногда улизнуть от заведомо скучной темы, как от волка... Но тут Николай Алексеич живо настигает нас очередной выдумкой, как бы говоря: «Ну, погодите! Я вам сейчас та-а-кое покажу». И тут же — бах нас по голове фантастическим опытом с нагреваемой прямо на наших глазах водой в пробирке. Водой, которую лижет огонь, но которая почему-то остается холодной... «Ну, погодите!» — это еще и когда наэлектризованная стеклянная палочка в его руках умеет, как факир в цирке, укрощать струйку воды из крана и заставлять ее извиваться виртуознее дрессированной кобры.

Мудрено ли тут учителю, видя изумленные глаза наши, не позабыть, что в подсобке безвинно погибает никому не сделавшая плохого, но всеми покинутая яичница?..

Мой брат Акрам, а он — моряк, говорит по похожему поводу так: «Если ловится кальмар — и про вахту позабудешь».

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ГОРОЖАНИН

Про испытания, которые ждут теперь и меня по средам на физике, я узнал сразу же, как познакомился с Борькой Самохваловым — моим соседом и будущим одноклассником.

Мало сказать — соседом. Живем мы в девятиэтажке, и оба на первом этаже. Правда, в соседних подъездах, но зато у нас общая стена и даже балконы на одну сторону выходят. Это обстоятельство, возможно, и не стоило бы упоминания, если бы вскоре не сыграло во всей этой истории неожиданной роли. Но об этом — позже...

Борька Самохвалов — первый, кого я увидел во дворе, когда мы переехали в Ташкент. Жаль было, конечно, расставаться с ребятами из поселка Катта-Караван, где мы так весело жили до самого моего восьмого класса. Но после нового года папу вдруг перевели на новую работу, и — прощай, поселок... Вещи погрузили на грузовик, за рулем был Билял Гиреевич — отец Сервера Мамбетова. Да и сам Сервер вызвался поехать с нами провожать.

— Вещи помогу разгрузать! — веско сказал он.

Когда машина, ведомая Билялом Гиреевичем, подъехала к массиву Юнусабад, где отныне нам предстояло жить, Сервер, восседавший вместе со мной в кузове, вздохнул:

— Теперь вообще не будем видеться...

Вот еще! — перебил я. — Глупости какие. Ездить будем друг к другу. Сяду на свою «Каму» в воскресенье — и прикачу. Трудно, что ли? Ты вспомни — мы ведь даже в Чирчик, в Газалкент на великах гоняли.

Погляжу, как ты приезжать будешь! — с сомнением вздохнул Сервер.

Спорить я не стал. Вот докажу делом — и будет знать, как вздыхать. Все свои вздохи возьмет обратно.

Наконец машина закатилась во двор, образованный высоченными утесами трех домов. Двор меж ними лежал как лощина, выходящая в большой мир лишь узким асфальтированным ущельем. Папа с мамой вышли из кабины. Папа был весел. Похоже, бетонно-панельные утесы ему нравились. Оно и понятно. Он вообще у нас любит все прочное, основательное, надежное. Мама говорит, это потому, что он и сам такой.

Но все равно было ужасно жалко, что там, в поселке, оставались теперь и наш двор, и огород, и виноградник. Вот если бы можно было перевезти сюда и их. А заодно — и Сервера, и Ваську Кулакова, и всех других ребят.

А разве нельзя? Сам читал: в Москве не то что виноградник — целые дома перекатывают с места на место, чтобы улицу расширить.

Ладно уж. Горю моему теперь ничем не поможешь. Прощай, Катта-Караван! Здравствуй, Ташкент! Привет, Юнусабад!

Стали разгружаться. Папа, Алишер и Билял Гиреевич засучили рукава, Сервер подал мне «Каму», я прислонил велосипед к дереву, и тут откуда ни возьмись подбежал незнакомый мальчишка, и, оглядывая «Каму», спросил:

— Велосипед? Дай покататься.

Я повел плечами — бери, мол. Но меня сердито остановил Сервер, крикнув мальчишке с машины:

Эх, ты! А еще сосед! Неужели не понятно: сначала пацанов знакомых собери, вещички соседям помоги занести, а потом только велик чужой проси покурочить.

Вот еще, покурочить... — сконфуженно пролепетал мальчишка, — Я осторожно... А пацанов собрать — это можно. Я сейчас... — и он мигом испарился.

Билял Гиреевич, придерживавший диван, явно заинтересовался нашим спором с мальчишкой.

— А ведь Сервер-то прав! — сердито выдохнул он. — Покататься любой мастак. А вот заметить, что рядом с велосипедом, — это не всякому по зубам.

Папа усмехнулся:

— Вижу, Билял-ака, пофилософствовать захотелось?

— Вот еще! — обиделся Билял Гиреевич. — Не место и не время. Только припомнился мне такой случай. Это когда я, так сказать, в первый раз женат был. В байский дом попал — не иначе. Кругом хрусталь, мебель, ковры. Ходить по дому страшно. И вот что там со мной приключилось в первый же день...

— И что же? — наострил уши Алишер.

Билял Гиреевич усмехнулся:

— Чудеса, да и только. Посреди свадебного торжества наступил я на валявшуюся на полу бутылку — ее будто кто специально подбросил — и, ясное дело, полетел головой вперед и прямоком протаранил ею югославскую стенку.

— Наверно, больно было? — воскликнул Сервер, слушая историю, о которой, похоже, и не подозревал.

Билял Гиреевич сердито погрозил пальцем:

— А это, между прочим, не ваших ушей дело! Взрослым рассказываю. А вы вон стулья выгружайте. И всякую другую мелочовку.

Сервер сердито засопел, а Билял Гиреевич продолжал уже вполголоса:

— Конечно, было больно. И голове, братцы мои, а больше — душе. Душе... Потому что все они, не исключая невесты, бросились оттаскивать меня от стенки, чтобы проверить — не сильно ли я ее поранил головой.

Папа захохотал:

— Стенку, говоришь, поранил? Великолепно! А что же ты?

— Ясно что, — развел руками рассказчик. — Пока они стенку свою драгоценную жалели да охали по поводу ее увечий, — унес я ноги подобру-поздорову. Наверное, уже без меня они мебель зеленкой обработали, забинтовали а, в придачу, еще и укол от столбняка сообразили. В мягкое место.

— Вряд ли! — усмехнулся Алишер. — Это ведь была стенка, а не венский стул. Куда ее, бедняжку, колоть-то?..

Трудно было понять, к чему клонит Билял Гиреевич этой своей историей про мебель, которой, если его послушать — так впору было чуть ли не скорую помощь вызывать и шкафы в травматологию везти... У взрослых вообще мало что поймешь... Хорошо, что размышлять по этому поводу было некогда. А тут еще и орава пацанов прибежала. Их привел — не обманул ведь! — тот самый мальчишка.

— А вот и мы! — воскликнул он. — Чего носить?..

Когда машина вынырнула из ущелья и тотчас же исчезла, мальчишка, собравший на хашар-подмогу всю горластую ораву грузчиков, тронул меня за плечо:

— Давай знакомиться... Самохвалов. Борис Самохвалов.

— Балтабаев, — отозвался я. — Володя.

— А ты в каком классе?

— В восьмом.

Борис просиял:

— Слушай, а давай к нам!

— К кому? — не понял я.

— К нам, говорю. В восьмой «в».

— А почему к вам?

— Да ты что! И не раздумывай! — напирал Самохвалов. — Мы ведь с тобой совсем соседи. Вон мой балкон, тоже на первом этаже. Знаешь, как удобно, когда в одном классе, и живешь рядом.

Я пожал плечами. Наверное, мне трудно было понять логику Самохвалова потому, что в Катта-Караване все ребята из нашего класса жили в общем-то рядом, да и школа была только одна. Впрочем, я вовсе ничего не имел против того, чтобы учиться с Борей в одном классе. Да и насчет удобств, которые дарит одноклассникам соседство, наверное, он был прав. Ему, собственно, виднее. Профессиональный горожанин!

Но тут я спохватился.

— Велосипед возьми, — сказал я. — Катайся, сколько влезет, если не боишься на льду шмякнуться. Это ведь тебе велосипед, а не мотосани. Бери!..

Как говорит Акрам — «Океану износа нет, его всем хватит». Еще он говорит — «На воде царапину и ледокол не оставит».

КОГДА ЗАХРАПИТ БДИТЕЛЬНОСТЬ

Вечером того же дня Борька Самохвалов, с которым мы уже успели порядком сдружиться, таинственно спросил:

— Ты про сообщающиеся сосуды знаешь?

— Это в которых всегда один уровень жидкости? — заскучал я.

— Знаешь! — возликовал Борька. — Ну так слушай. В вашей квартире еще до вас жильцы сделали подвал под балконом. Такой же и у нас. Нас там сейчас только земляная перегородка разделяет, я проверял.

— Ну и что же? — спросил я. — Предлагаешь заменить земляную на золотую? Извини, золотишка не имеется.

— Вот чудак! — хохотал Борька. — Неужели не понял? Я предлагаю убрать ее!

— Совсем?

— Нет, конечно. Лучше сделать так, чтобы родители ничего не заметили. Пророем маленький лазик и прикроем чем-нибудь — фанеркой хотя бы. Вот и получатся у нас сообщающиеся подвалы. Совсем как по физике. Понял теперь?

— Лихо! — похвалил я. — Но только скажи: ты это сам придумал? Про подвалы эти...

— А то кто же! — обиженно протянул он. — Как показал нам на уроке Николай Алексеич свои сообщающиеся пробирки, так я сразу и придумал подвалы сообщить.

— Николай Алексеич?

— Ну да. Это наш физик. Знаешь, как у него интересно!

И тут Самохвалов вдруг захохотал.

— Интересно и... и... — и его душил смех. — И вкусно...

— Вкусно? — переспросил я, уже не сомневаясь, что он меня попросту дурачит. Виданное ли дело — чтобы на уроке физики было вкусно? Это ведь не домоводство все-таки, а физика.

— Вкусно. Именно вкусно! — подтвердил Борька. — Сам убедишься. Он в конце урока яичницу жарит.

— Для всех? — переспросил я. — Это с какой-такой радости? Или, может, у вас за хороший ответ на физике вместо пятерок награждают яичницей?.. Догадываюсь... — усмехнулся я. — Наверное, на английском вы лакомитесь отбивной, на узбекском — шашлыком, а на труде печете в золе картошку. Угадал?

Поняв, что я над ним потешаюсь и ни слову его не верю, Самохвалов надул губы и отвернулся. Пришлось идти на попятный. Ладно уж, яичница так яичница. Разберемся еще, что к чему. И я предложил:

— Айда, что ли, в подвал? Поглядим, что там.

Самохвалов тотчас же повеселел. Тень обиды спрыгнула с его лица, как кот с остывшей печи.

— Только давай лучше ко мне пойдем, — предложил он, — Мы ведь уже договорились, что будем все держать в тайне.

— А у тебя сейчас никого нет дома?

— Не-а! Мама в театре, она у меня актриса. В ТЮЗе играет. Знаешь, как здорово! Я тебя бесплатно проведу. Хочешь?

— ТЮЗ — это хорошо, — согласился я, и мы поспешили к Самохвалову. Выйти на балкон, открыть люк и спуститься по лестенке вниз — все это было делом одной минуты. Борька щелкнул выключателем, и лампочка осветила бетонные стены огромного подвала, который занимал все пространство под балконом.

— Идем сюда! — заторопил меня Борька, и мы приблизились к земляной перемычке.

— Давай сюда лопату! — сказал я. — Тут дел минут на десять. Сейчас увидишь, как это делается.

— Не спеши! — успокоил меня Борька. — Не сейчас. Пускай сначала твои родители вещи в подвале расставят и успокоятся. Тогда все и сделаем. А так — сразу ведь заметят... Надо нам сперва их бдительность усыпить...

Самохвалов был прав. Да и идея его — сделать подвалы сообщающимися — мне начинала нравиться уже всерьез.

— Только — чур, не забывать закрывать в доме краны и не затапливать подвал, — с заговорщицкой улыбкой предупредил я. — Не то у нас и впрямь получится совсем по физике...

Оставалась самая малость — подождать, когда всхрапнет бдительность моих родителей.

Как говорит Акрам: «Капитан шторму дорогу уступает не потому, что воспитанный, а потому, что умный».

СОЮЗНИК СОСУЛЬКИ — ИСААК НЬЮТОН

Ясно, что, согласившись разделить с Самохваловым тайну сообщающихся подвалов, я связал себя необходимостью проситься в его восьмой «в». Наутро мы с мамой стояли у двери с табличкой:

**ДИРЕКТОР ШКОЛЫ
МАНТЮШ-БАБАЙКИН
ЛЕОПАРД САМСОНОВИЧ**

Уговаривать Леопарда Самсоновича и вовсе не пришлось.

— Не возражаю, — сразу же сказал он. — У них контингент неполный. Давайте определять парня в «в», раз у него там друг учится.

Узнав, что мама — учительница, Леопард Самсонович предложил ей работать у себя, и она, конечно же, сразу согласилась.

— Вот и хорошо! — обрадовался директор и добавил еще что-то, повторив несколько раз мудреное слово «контингент».

В коридоре меня ждал Борька Самохвалов. Узнав, что все в порядке, он просиял.

Мы выскользнули в школьный двор, где сейчас вовсю клокотала перемена.

Легкий морозец, сковавший за ночь лужу у крана, превратил ее в великолепный каток, и ликующая малышня неугомонно полировала его ботинками, полами пальто, а кто и носом. У водосточной трубы, из которой торчали длинные клыки льда, сгрудились первоклассники. Они нещадно колошматили по толстой застывшей лаве из трубы, думая выбить ледяную

начинку. Бедная труба, цепко душа пленницу в своих жестяных объятиях, скрипела, скрежетала — словом, грозила в конце концов отвалиться целиком — во весь свой трехэтажный рост. Я схватил за руку наиболее рьяного перваша, который бил по трубе ногой с особо великой ненавистью и умением — с разбегом, с грозным и визгливым воплем «Яр-р-х!». Он явно демонстрировал дружкам свое мастерство в приемах каратэ.

— Отвалится ведь! — спокойно сказал я, чтобы разом охладить воинственный пыл перваша, беспощадно наступавшего на трубу, ушедшую в глухую и пассивную оборону.

Резко вырвав руку и еще не остыв от атакующего пыла, кроха-каратист злобно выкрикнул, жалуясь на заледеневшую и уже заметно накренившуюся трубу:

— А что она... Она сама...

Впору было опешить от такой наглости. Послушать его — так это не он истязал трубу, а она сама приставала к беззащитным малышам и заслуживала того, чтобы ее связали и отнесли для разбора-дела в комиссию по делам несовершеннолетних.

Между тем, препираясь с малышами, я заметил, что с края крыши, неподалеку от того места, где начинала свой разбег эта злополучная труба, свисает громадная ржавая сосулька. Ее хищные клыки напоминали страшные зубы дракона, который в сказках издыхает, развалившись на высоком утесе или ветвях дерева, позволяя при этом смертельному яду преспокойно капать вниз — в ладони умирающих от жажды и ничего не подозревающих путников. Немного фантазии — и можно было представить, что дракон переключался с утеса на крышу школы. Еще легче было представить, что может произойти, если вся эта грозная ледяная челюсть или хотя бы один зуб сорвется с крыши, стальным штыком полетит вниз на беспечно резвящихся на катке малышей... Я сразу же утратил всякий интерес к трубе и каратисту.

— Гляди, — показал я Самохвалову на сосулице. — Упасть может.

— Может, — согласился Борька.

— Надо что-то делать, — сказал я.

— Предлагаешь лезть на крышу? Не-е. Запросто упадешь. Что потом маме скажешь?

Я вздохнул. Верно говорит Борька. Скользко. Да и мамам, похоже, про такой наш поход на крышу другие говорить будут...

— Вот бы палку такую... — размышлял Самохвалов. — Длинную-длинную. Сразу бы все посшибали.

— Палку? — усмехнулся я. — На три этажа. Это, если хочешь знать, целый тополь надо спилить, а потом его всей школой держать, чтобы лупить по сосулькам.

И тут меня осенило.

— Слушай, а ведь ты прав! — воскликнул я. — Действительно, нужна палка. И, знаешь, куда короче! Просто ею надо из окна третьего этажа шуровать. Что у вас там? Во-он, прямо под сосулькой. Да ее, вижу, из окна рукой схватить можно.

Сосулька свисала до половины верхнего окна и, ухватившись теплой ладонью за ее ледяное вымя, наверное можно было подоить всю заледеневшую крышу, как доили мы в поселке неприветливую корову по кличке Киса.

— Не получится, — тряхнул головой Борька. — Наталья Умаровна не разрешит окно открыть.

— Это кто?

— Зоологичка. Там ее кабинет.

— А почему не разрешит?

— Скелеты простудятся, — усмехнулся Самохвалов. — Она, знаешь, какая! Никого к своим сокровищам не подпускает на расстояние ближе вытянутой указки. На свои деньги пылесос купила и в кабинете держит. Каждый день со скелетов пыль сдувает, чтобы выглядели элегантно. А ты говоришь — окно открыть...

Слушая Борьку, я не сводил глаз с сосульки, которая, казалось, торжествовала от сознания собственной неуязвимости. «Знала, гадюка, где с крыши сползает», — с ненавистью подумал я о сосульке. Похоже, только лассо или ружье могло помочь расправиться с нахалкой.

И тут мне в лоб угодил метко пущенный кем-то снежок. Наверное, сам великий Ньютон был меньше рад некогда рухнувшему ему на голову яблоку, чем я этому снежку — подсказчику. Потому что именно он и навел меня на мысль, как следует поступить с обнаглевшей сосулькой. Живо слепив снежок, я запустил им вверх. Испытательный полет моего снаряда протекал вяло. Земля тянула снежок к себе незримоими вожжами всемирного тяготения. Похоже, Ньютону, поневоле ставшему сейчас союзником сосульки, повезло в

свое время с яблоком куда больше, чем мне. Оружие явно требовало усовершенствования.

— А запечём-ка в снежок начиночку! — подсказал Борька и, показывая пример, живо облепил снегом камушек.

— Гениально! — похвалил я, и Борька, размахнувшись, запустил снежком, который улетел далеко за крышу.

— Совсем другое дело! — просиял я и велел облепившим нас малышам немедленно приняться за изготовление снарядов. Себе и Борьке я отвел роль бомбардиров. Скоро проворные октябрята навалили у наших ног гору снежных ядер с каменной начинкой, и мы с удвоенным боевым пылом продолжили обстрел острозубого противника. Стрелять мы придумали залпом — оба сразу — сообразив, что двойное попадание снежком в пасть дракона скорее приведет к победе, и обезвреженная нами сосулька полетит вниз с долгим стеклянным криком... Но сосулька злила нас своим упорством, играючи отбивая тугие снежки — будто это всего лишь вялые теннисные шарики или холостые патроны.

Тут прозвенел звонок на урок. Ребяшня стала покидать нас — правда, с явным сожалением. Бой с сосулькой пришелся им по душе. Рука у меня уже порядком устала. Оставался последний снежок. Размахнувшись, я что было сил запустил его в союзницу Ньютона, явно взявшего ее под свое августейшее покровительство и сделавшего неуязвимой. Я уже ни на что не надеялся. Но — чудо! Раздался долгожданный стеклянный звон! Впрочем, это было далеко не единственным чудом. Куда занятнее, что сама сосулька при этом преспокойно оставалась висеть на облюбованном ею месте.

— Что за чудеса?! — опешил было я, но тут из окна третьего этажа, со скрежетом отворившегося, высунулась женская голова и тотчас завертелась в поисках виновников ее беспокойства. Она, конечно же, сразу увидела нас с Самохваловым. И не мудрено.

Здрав головы, мы все еще силились сообразить — откуда звон.

Первым опомнился Самохвалов,

— Да мы ж окно разбили... — охнул он.

Борька оказался прав. Наталья Умаровна потрясала куском стекла, оставшегося лежать на жестяном козырьке, и кричала:

— Хулиганы! Что же вы натворили... Тут же... Тут же...

Казалось, сейчас она расплечется. Но вот она узнала Борьку.

— Твоя работа, Самохвалов? — вновь закричала Наталья Умаровна. — И это вместо того, чтобы учить уроки!.. И это в то время, когда твои героические современники бороздят просторы Вселенной! И это в то время...

Она еще долго продолжала бы свой назидательный и вполне заслуженный нами героический перечень, если бы, сложив ладони рупором, я не крикнул:

— Самохвалов не виноват. Это я разбил стекло.

— Ты кто такой! — с недоверием спросила учительница.

— Балтабаев.

— Из нашей школы?

— Новенький... Мы во-он ту сосульку сбить хотели. Чтобы на малышей не свалилась.

— Сосульку? Эту, что ли?.. — и, высунув из окна указку, она толкнула сосульку толстым ее концом. Союзница Ньютона сразу же зашаталась и, отломившись от крыши, полетела вниз.

— Все что ли? — крикнула она. — Или остальные окна тоже надо спасать, пока не поздно?

— Больше не надо! — успокоил я.

— С Леопардом Самсонычем еще не познакомился? — сердито спросила она.

— Познакомился. Товарищ Мانتюш-Бабайкин меня в восьмой «в» записал. К Самохвалову.

— Думаю, он с тобой еще не раз встретится! — сердито выпалила Наталья Умаровна. — Вот только попробуй сегодня же не починить окно, я тебя сама к нему отведу. Пусть подумает, нужен ли такой ученик классу «в», да и любому другому тоже! — И она с силой захлопнула раму и тотчас заставила разбитое окно зоологическим плакатом. С высоты третьего этажа на нас тарачился скелет лягушки...

Мы переглянулись. Вот так дела! Еще и на уроке ни разу не был, а уже угодил в черный список.

— Не переживай! — вздохнул Борька - и сам вконец огорченный. — До второй смены у нас еще три часа. Достанем где-нибудь стекло. Вставим...

Я махнул рукой:

— Теперь уж помолчи лучше, стекольщик несчастный. Видал, как ловко она?.. Своей указкой... Я же говорил — давай к ней. А ты заладил свое: не пустит...скелеты простудятся.

Борька беспомощно развел руками, и мы поплелись домой — искать стекло. Сегодня, в первый мой школьный день в Ташкенте, анатомия стояла в расписании первой. А я, еще и не заявившись на уроки, рисковал заполучить репутацию человека, который бьет скелетам окна...

Как говорит Акрам — «Земля — круглая, и потому корабль по макушке узнают».

БЕЗДОННАЯ ПАМЯТЬ ЩИПАХИНА

Когда надо, стекла на дороге не валяются. Тем более — целые. Чтобы их на окно хватило... Мы облазили весь микрорайон, обшарили свалки, но нигде не обнаружили и намек на выброшенное стекло. Наконец Борька предложил:

— А хочешь, у меня снимем?

— У тебя?.. Это где же?

— А в комнате. Там все равно двойные. Не замрзну. И мама не заметит.

— Вот еще! — отклонил я идею Самохвалова. — Если на то пошло, то надо у меня снимать. Я ведь разбил, а не ты.

Дома, с первого же взгляда на окна, мы поняли, что стекла нам отсюда не извлечь. Замазка держала его мертвой хваткой.

— Гляди в окно — сказал вдруг Борька. — Щипахин опять тащит добычу.

Мимо наших окон семенил мужичок в телогрейке, держа в руках старую раскладушку и смеситель для душа. Я готов был поклясться, что какой-нибудь час назад эту раскладушку видел на одной из свалок, а смеситель — на другой.

— Кто такой? — шепнул я.

— Чудак один. Дядя Сидор. А фамилия у него — Щипахин. Его тут у нас все знают. У него дома склад целый из такого вот хлама. И гараж забит. Что на улице увидит — все домой тащит. Соседи мебель привезут, начинают распаковывать, а он уже тут как тут — упаковку поджидает. Поролон, фанеру, да и картон тоже берет.

— А зачем ему все это?

— Говорит, в хозяйстве все пригодится.

— И старая раскладушка?

— И раскладушка. И утюг. И выключатель, и стиральная машина. Он говорит так: одна старая вещь — это десять новых. Их только нужно уметь разглядеть.

— Но — раскладушка... — напомнил я.

— Это для тебя она — раскладушка, — объяснил Борька. — А для него это — алюминиевые трубки, запчасти...

— Ясно! — кивнул я. — Сырье!

— Вот-вот! — подтвердил Самохвалов, обрадованный тем, что я припомнил хорошее и точное слово, которое в этот момент почему-то бродило слишком далеко от его головы, чтобы он мог его заприметить и назвать первым.

— А стекло у него есть? — спросил я. — Чем стекло хуже раскладушки? Его тоже ведь, бывает, выбрасывают.

— Бывает, — кивнул Самохвалов. — Только его на части ведь не разбирают. Разве что только как ты сегодня. В школе...

Ни слова больше не говоря друг другу, мы выскочили на улицу и побежали догонять

дядю Сидора, который уже входил в свой подъезд. Мы настигли его у самой двери, когда, прислонив раскладушку к телу лифта, он копался ключом в замке. Запыхавшиеся, мы навалились на него вопросом.

— Стекло есть?

Дядя Сидор задержал ключ в замке, не спеша открывать, и с удивлением оглядел нас.

— Какое надо стекло? — деловито спросил он. — Для очков? Может, для заднего обзора в «Жигульке»? На телевизор? Куда стекло-то?

Мы переглянулись. Вот так дядя Сидор! На кой нам, спрашивается, автомобильное заднего обзора, когда нас устроит всего лишь стекло для окна в кабинете зоологии. И — вполне переднего обзора.

— Оконное нам надо, — уточнил я. — Оконное. В кабинете зоологии надо срочно вставить.

— Оконное? — разочарованно протянул дядя Сидор. — А я-то думал, чего-нибудь посложнее.

И дядя Сидор занялся дверью уже всерьез. Только тут заметил я, что первым делом он освобождает дверь от широкого стального кушака, перепоясавшего дверь по диагонали. Такие могучие запоры я видел только на воротах коровника в нашем поселке, где боялись, что иначе бык протаранит ворота и уведет стадо на волю. Наконец этот кушак упал тяжелой головой на порог, и дядя Сидор, повозившись уже с замком в самой двери, распахнул ее и пригласил нас к себе.

Я шагнул в узенький коридорчик и замер, изумленный. Прямо передо мной, надежно закрывая вход из коридора в гостиную, стоял контрольный автомат, помигивая красноватым глазком. Я скосил глаза на Самохвалова и отметил про себя, что Борька спокоен. Значит его очередь удивляться давно прошла. А удивляться было чему. Автомат был точь-в-точь такой, как на станциях метро, где нужно было расстаться с монетой, чтобы попасть к поезду.

— Пятачок доставай, пятак! — довольно захихикал дядя Сидор. — Так ведь не пройдешь — дверцы тебя прищемят. Они у меня — овчарки надежней. Чудо, а не копилка! Можете мне, братцы, поверить: такой копилки даже в банке нет, не говоря о рядовых нумизматах — собирателях и хоронителях дензнаков...

— Пятачок? — растерялся я, хлопывая карманы, — Я... я не захватил... Я ведь... не знал...

Дядя Сидор вздохнул и перевел взгляд на Самохвалова:

— Ну, а у тебя, соседка, имеется пятак? Или, может, единым проездным пользуешься?

— Имеется! — торжественно объявил Борька, ловко протолкнул пятак в жадный зев тотчас же сыто заурчавшего и погасившего красный глаз автомата, и спокойно прошел в комнату.

Дядя Сидор нажал какую-то тайную кнопку и скорбно произнес:

— Ладно, на первый раз прощаю. Проходи так.

Я опасливо вплыл в исток диковинного автомата, далеко не уверенный в том, что из устья его выберусь таким же невредимым.

И автомат пропустил меня в комнату, напоминавшую больше склад редкостей, да и просто хлама. На вбитых в стену гвоздях висели бесчисленные вело-мото-покрышки, провода, инструменты. В углу громоздились друг на друга, взбегая до потолка, десятка полтора старых телевизоров и радиоприемников. В другом лежали моторы, снятые со стиральных машин. В серванте стояла дюжина утюгов и будильников, а на нем — груда настенных часов. Но истинным украшением комнаты были две самые настоящие будки — с газировкой и телефон-автомат! Привычные и неприметные на улице, здесь, в квартире, они смотрелись как величайшие редкости.

— Работает? — спросил я, кивая на газбудку.

Дядя Сидор посветлел:

— А чего ей не работать? Когда я в этой конторе служил — отлично работала.

— В какой конторе? — не понял я, и дядя Сидор как-то нехотя махнул рукой:

— Да по газированному делу... Был оператором по жажде.

— Подарили ее вам, что ли?

— Ага! Товарищи по борьбе за выполнение плана.

— Отличный подарок! — похвалил я, — А откуда телефон-автомат?

— А это тоже... на память... — ухмыльнулся дядя Сидор и любовно погладил будку. — Я

тогда на телефонной станции вкалывал. А это, считай, память о моих трудовых подвигах на ниве связи... Вот так-то, брат!

Дядя Сидор заметно повеселел, видя, что я искренне восторгаюсь диковинками, густо населявшими его комнату.

— Да ты садись... И ты, Самохвалов, тоже садись. Чай, не в пустыне мы, а в квартире, — и он жестом пригласил к скамейке, занимавшей единственно свободное место у стены. Я облокотился на удобную спинку, удивляясь тому, что в квартире у дяди Сидора стоит скамейка, какие я привык видеть на остановках. Дядя Сидор не замедлил утолить мое любопытство. Похлопывая ладонью по металлическим завитушкам скамейки, он выдохнул:

— Тоже добрая память!

- А где это вы на скамейке работали?

— Не на скамейке, а на остановке! — назидательно поправил он. — Троллейбусно-автобусной. Контролером. Там она, голубушка, стояла. И так я к ней привязался, так привык! Ну, поверишь: никакой такой возможности не было, чтобы расстаться с ней, когда уходил.

Я усмехнулся и сказал:

— Но ведь там, наверное, не только скамейка была? Еще — дорога была. Троллейбусы ходили. Провода висели. Еще — облака плыли, ветер дул... Так ведь? Чего ж вы только скамейку на память захватили?

Дядя Сидор недобро глянул на меня:

— Ветер, говоришь... Верно: бывало, случался и ветер. Ты не сомневайся — взял бы и его. Да мне, брат, доктора простывать не велят. Понял, брат?! — И он больно хлопнул меня ладонью по колену.

Все было ясно. Не нужно было даже спрашивать, откуда у него автомат. Красавец-метрополитен, похоже, тоже оставил след в его биографии, и автомат вполне мог, вместе с обеими будками, достойно заменять записи в трудовой книжке дяди Сидора. В какое-то мгновение я с облегчением подумал: «А хорошо все-таки, что дядя Сидор Щипахин никогда не служил на флоте, и тем более — на одном теплоходе с моим братом Акрамом. Поглядел бы я тогда, как мой Акрам станет сходить на берег где-нибудь в Гаване или Сингапуре. Без якоря...».

Я спросил:

— А вы сейчас где работаете? Если, конечно, не секрет.

— Секретов не держу, — ответил Щипахин. — Ты об этом дружка своего спроси, он не хуже знает. Знаешь ведь?

Самохвалов кивнул:

— Знаю. В тире... Около кинотеатра.

В тире... Можно было не сомневаться, что вскоре покрывки на стенах потеснятся, освободив пяток гвоздей для ружей, а заодно и мишеней.

— А раскладушка тогда откуда? — не унимался я. — Тоже из тира?

— Во чудак! — засмеялся Щипахин. — Где это ты в тире раскладушки видел? Да в трудовом отпуске я сейчас, если знать хочешь. Но ведь скучно без дела, скучно. Вот и хожу кругом да соображаю, что можно в дело пустить.

— А стекло дадите? — напомнил я о цели нашего с Борькой визита. — Нам стекло срочно нужно.

— Какого размера?

Я перевел взгляд на Самохвалова. Про размер я и не подумал. Борька пожал плечами:

— А кто его знает — какой размер. Самый обыкновенный... Мы в школе стекло разбили, теперь надо другое вставить.

— Вот и вставляйте, коли надо! — сухо молвил дядя Сидор. — Разбили — вставляйте. Я-то тут при чем, у меня все стекла целы.

— А... стекло? — растерянно повторил я. — Ведь вы обещали стекло...

Щипахин смерил меня презрительным взглядом, встал:

— Тебе, браток, я ничего не обещал. Было бы — и то не дал бы. Потому как язычок твой больно мне не понравился. С перчинкой он у тебя. С горчицей. Обидел ты меня своими глупыми вопросиками, и потому катись отсюда, браток, колбаской!

Я покраснел и поднялся со скамейки. Наверное, я не на шутку обидел дядю Сидора своими подозрениями и вопросами, если он решил меня просто-напросто вытурить. И чтобы сказать что-нибудь напоследок, в дверях спросил:

— Какой колбаской катиться-то? Вареной?.. Копченой?

— Сервелатом! — рявкнул Щипахин и я заключил, уже сбегаючи вниз по лестнице:

— Понятненько теперь, куда вы собираетесь после тира!

У выхода из подъезда я подождал Самохвалова. Велико же было мое удивление: минуты три погодя он вышел, осторожно держа в руках... стекло. Борька сиял: — Гляди! Дал! И чего ты к нему пристал? Не понимаю... Видишь, если с ним по-хорошему, то и он добрый. Правда, говорит, оно три рубля стоит. Ладно, вечером что-нибудь придумаем. Отдадим трешку...

— Добрый, говоришь?! — Я едва не задохнулся от негодования. — А ты знаешь, что это у него за стекло?

Борька опешил:

— Стекло как стекло. Стекло... Стекло...

— Хорош добряк — ворованное стекло подарил. Неси его обратно.

— А с чего ты взял, что оно ворованное? На нем же это не написано. Подобрал он его где-нибудь. Ты же сам видел — он отовсюду в дом несет...

— Ага! Все! — перебил я Самохвалова. — И газированную будку... И телефон-автомат... Все видел. А контрольно-пропускной автомат из метро тоже, по-твоему, на мусорке валялся?

Борька пожал плечами:

— Откуда я знаю, где он его нашел. Но ведь все равно здорово, скажи! В коридоре — автомат! Нигде такого не видел. Хочешь войти — бросай пятак. Хоть ты гость, хоть сто раз хозяин. Иначе не пустит. Суперкопилка! Интересно, а как он проходит в квартиру, если у него у самого пятака вдруг не окажется? — говоря все это, Борька хитровато поглядывал на меня. Ясное дело — зубы заговаривал.

— Тащи стекло назад! — повторил я.

— Вот еще... — Борька обиженно надул губы. — Я же, чудак, для тебя старался. Надо же окно починить — слышал, что Натальюшка сказала? К директору поведет. Она ведь у нас еще и классный руководитель...

— Все равно... — вздохнул я. — Тащи его назад. Я другое найду. А этим пусть сам подавится.

Самохвалов уныло поволок стекло наверх, но скоро весело сбежал ко мне. Глаза его озорно посверкивали.

— Володь, ты в тире стрелять любишь? — спросил вдруг он.

Я выжидающе поглядел на Борьку. Что за странный вопрос.

— Ну, так слушай, — сказал он. — В тир к дяде Сидору лучше и не заглядывай.

— Это почему еще?

— Просил передать, что, если заглянешь, он тебя свяжет и вместо движущейся мишени поставит. Так и знай...

— Все ясно! — усмехнулся я. — Меня поставит, а сам мишени на память прихватит. Память-то у него, похоже, бездонная.

Как говорит Акрам — «Якорь красть — с ним же и утонуть».

ЕСЛИ СТУПИЛ НА ТРАП...

Оставив до лучших времен поиск злополучного стекла, мы наспех подзакусили, прихватили портфели и отправились в школу. Настроение у меня было, что и говорить, хуже некуда. Шутка ли, станут меня сейчас представлять классу, а зоологичка — и к тому же, оказывается, еще и классный руководитель — укоризненно покачает головой и скажет:

— Знакомьтесь, ребята! Это — Володя Балтабаев. Тот самый, который зачем-то разбил это вот окно... Если он будет так же метко отвечать у доски, школа будет им гордиться.

М-да!.. Неплохая характеристика для начала.

В вестибюле школы куча ребят толпилась у огромного плаката, оповещавшего о том, что после уроков в актовом зале состоится читательская конференция.

«У нас в гостях, — оповещал плакат, — известный журналист Олег Сиропов»

Что ж, это имя было мне известно по заметкам в детской газете.

— Останемся? — спросил Самохвалов. Я неопределенно пожал плечами. В голове у меня сейчас было только стекло.

Правильно говорит мой брат Акрам: если ступил на трап — поднимайся и на корабль.

Бетонный трап школьной лестницы с красными, до блеска отполированными деревянными перилами, привел нас на третий этаж, и Самохвалов увлек меня по длинной палубе к двери, когда из нее вдруг вышел... дядя Сидор Щипахин. Я не поверил своим глазам. Что за чудеса! Ведь только полчаса назад мы покинули его кунсткамеру... Почему он здесь?

Дядя Сидор Щипахин улыбался. В левой руке он придерживал огрызки стекла, а правой полез в карман и, достав из него пятирублевую бумажку, похрустел ею у моего уха.

— Слышал? — спросил он. И, довольный собой, хохотнул: — Больше не услышишь.

— Это что же значит? — опешил я. — Вы, что ли, стекло вставили?

— А кто же еще! Ты, что ли? И, представь себе, то самое, за которое вы трешку пожалели. А учительница у вас, ей богу, добрее оказалась. Еще и с наваром к трешке остался. Потому как и за работу...

Щипахин противно хихикал, похлопывая меня по плечу.

— Ты, парень, молодец! — похвалил он вдруг меня. — Может, сговоримся? Идейка хорошая у меня есть.

— Какая еще идея? — насупился я, теряясь от мысли, как удастся мне теперь оправдаться за пятерку, которую я, еще и не переступив порога класса, успел насильно переложить из кармана Натальи Умаровны в сейф дяди Сидора Щипахина?

— Хорошая идея! — похвалился еще раз Щипахин, — Ты каждый день незаметно одно стекло разбиваешь, а я — приношу и вставляю. Рубчик — твой! Идет? — и он засмеялся.

— Сами разбивайте, если вам надо, — огрызнулся я. — А идею вашу мир давно знает. Ее Чарли Чаплин придумал. Кино про это есть.

— Чарли Чаплин, говоришь? Может, и он! — Щипахин недобро покосился на меня. — Ну, и что с того, что Чаплин? Чем я хуже Чаплина? Лишь бы идея исправно трешку в зубах приносила. А чья она — моя или Чаплина — ни меня, ни клиента не касается. Клиенту что надо? Лишь бы не дуло! Вы зайдите-ка лучше и у своей учихи спросите — верно ли говорю, — и дядя Сидор Щипахин устремился по коридору к лестнице, унося добычу. Но через десяток шагов обернулся и крикнул:

— Ты в тир ко мне загляни! Я тебе бесплатно разок дам пострелять. За подсказку.

Мы с Борькой стояли у двери кабинета зоологии и молча смотрели друг другу в глаза. Похоже, дорогой для нас будет это злосчастная сосулька.

Из кабинета доносился гул. Работал какой-то механизм.

— Пылесосит скелетики! — со знанием дела объяснил Самохвалов. — Айда, чего тут стоять.

— Айда, — уныло сказал и я, мысленно повторив про себя поговорку Акрама: «Если ступил на трап...»

Борька знал, что говорил. Наталья Умаровна, ловко орудуя пылесосом, отовсюду снимала незримую пыль. Кабинет сверкал, сиял и торжествовал. Застыв у доски, два белоснежных элегантных скелета стояли как часовые, принимали парад у входящих в класс и разве что не отдавали честь.

— Вот так она после каждого урока, — шепнул Борька. — Да тут уже пылью и не пахнет — вся давно сбежала.

— А может, она сейчас не пыль, а холодный воздух пылесосом заглатывает? — предположил я.

В классе мы были сейчас первыми, и, кашлянув, я предложил:

— Можно, мы вам поможем?

Учительница обернулась и, к моему удивлению, улыбнулась и выключила пылесос. А я-то думал, сейчас она, чего доброго, еще шепнет этим симпатичным скелетикам волшебное научное слово, и они хорошенько отколошматят меня за разбой.

Главным сюрпризом в этот день была для меня встреча с Катей Суровцевой. И где? В собственном классе!

Катю я узнал сразу. И сразу же вспомнил историю, которую рассказал мне в прошлом году, еще в поселке, Андрей Никитенко. Это была та самая Катя, которая топтала Андрюхин подарок по случаю Восьмого марта — книжку «Остров сокровищ».

Ей, видишь ли, не понравилось, что книжка не новая — во многих руках побывала, многим по душе пришлось... Потом мы с Андреем встретили ее, всю разнаряженную, и с сигаретой, около цирка и она не пожелала даже подойти к Андрею. Куда там! Помнится, тогда она звалась и вовсе не Катей, а почему-то Кэт!

Словом, встреча была не из приятных. Удивляло меня и такое странное совпадение. Андрей, вроде бы, рассказывал, что они жили на Чиланзаре. Как же тогда получилось, что мы с Суровцевой оказались в одном классе, да еще на Юнусабаде — в полутора десятках километров от Чиланзара? Но все объяснилось просто: ее родители обменялись на четырехкомнатную квартиру и переехали. Катя не узнала меня. Так, скользнула равнодушным взглядом — подумаешь, новичок! Эка невидаль!

Борьку я спросил:

— Давно у вас Суровцева?

— С месяц.

— Ну и как?

Самохвалов с удивлением глянул на меня.

— Это в каком смысле? Дружить, что ли, с ней хочешь?

— Вот еще! — отпрянул я. — Тыщу лет мечтал... Просто так спрашиваю.

— А не знаю. С ней у нас никто не дружит. Гордая больно. И курит тайком — девчонки рассказывали. Между прочим, тоже в нашем доме живет.

«Вот это уже слишком!» — подумал я и мысленно усмехнулся. Я подумал вдруг: вот смеху-то будет, если с нынешним Восьмым марта поздравлять Суровцеву доведется по жребию теперь уже мне, как выпало это когда-то Андрею Никитенко.

Впрочем, уже тогда она была не Катей, а Кэт...

Как говорит Акрам — «Честь — не кораблю, честь — его флагу».

“ЖДЕМ ТЕБЯ, ИГРЕК!”

За уроками мы едва не забыли о конференции, на которую скликало объявление в вестибюле. Но после уроков школьное радио еще раз громко пригласило всех в актовый зал.

— Давай пойдем! — предложил я Борьке. — Ты газету читаешь?

Борька обиделся:

— Ты меня, наверное, принимаешь за неандертальца, если такие вопросы задаешь.

— Это в каком смысле? — не уступал я. — Потому что читаешь, или потому что наоборот?

Борька не нашел, что ответить, и мы поспешили в зал — занимать места.

По залу суетливо бегала вожатая, тщетно усмиряя расшалившихся ребят. Вот чудачка!

Уже и после уроков порезвиться нельзя. Я толкнул локтем Самохвалова:

— Как вожатую вашу звать?

— Лена. Лена Авралова. У нас еще одна есть — школа-то большая. Но та — в первую смену.

Наконец Лена подошла к микрофону и взволнованно объявила:

— Ребята! Сегодня у нас большая радость. К нам в гости пришел детский журналист Олег Сиропов.

Грянули овации, и Олег Сиропов, поднявшись из первого ряда и чинно поклонившись залу, вместе с Леной взбежал на сцену и сел за стол, устланный зеленой материей. Там уже стоял еще один микрофон.

— Вожатая пошутила, — сказал в микрофон журналист. — Я пришел не в гости, я пришел работать, засучив рукава. К тому же я призываю и вас.

На Олеге Сиропове был толстый и пушистый зеленый свитер, из которого торчали кончики пальцев и кудрявая голова. Но услышав его призыв — немедленно включиться в работу, я было подумал, что сейчас, в актовом зале войдет завхоз и каждому из сидящих раздаст по лопате, а потом все мы под предводительством Олега Сиропова отправимся участвовать в чем-то вроде месячника зимних посадок леса...

Но вместо этого он попросил всех нас расчехлить портфели, достать авторучки и тетрадки и, пока он будет рассказывать о том, как живет и работает наша любимая газета, сочинять и присылать ему записки обо всем, что нас волнует. Это предложение залу понравилось. Отовсюду понеслось клацанье замков и шелест тетрадок. Достал тетрадку и Борька Самохвалов.

— Вопросы есть? — шепнул он, склоняясь ко мне.

Я пожал плечами.

— Слышал, что он сказал? — не унимался Самохвалов. — Надо что-нибудь написать, а то подумают, что нас с тобой ничто не волнует. Неужели у нас с тобой нет ни одного серьезного вопроса?

— Наверное, есть, — вздохнул я.

— Ну так давай искать, если есть, — сказал Борька, и мы окунулись в раздумья.

Окунулись мы глубоко. Так в воду нырять — уже не выплывешь. Воздуху не хватит. Но первым все равно опять вынырнул Самохвалов. Минут через пять он предложил:

— Давай спросим: можно ли курить девочкам?

— Это ты про Суровцеву? — догадался я.

— Угу! — ухмыльнулся Борька.

— Знаешь, это уже не вопрос, а донос.

— Почему? — обиделся Борька. — Разве плохо, если он ответит, а она услышит. Во-он она сидит.

— Не услышит, — сказал я. — Его не услышит. Надо, чтобы услышала нас. Но не сейчас ведь...

Вконец утратив надежду изобрести вопрос, Борька шепнул:

— Сдаюсь. Держи тетрадки и спрашивай сам. Тебе все равно не угодишь. То тебе не так, это — плохо... Умник какой нашелся.

Вот чудак! Разве ж я хотел его обидеть? Но зачем спрашивать, если нет вопроса?

Впрочем, время сочинить вопрос еще оставалось. Конференция продолжалась вовсю. Олег Сиропов лихо отвечал на бесчисленные записки, приводя примеры своих командировок и встреч. Что только не волновало зал! Будут ли они печатать новый детектив? Правда ли, что тем ребятам, чья заметка напечатана, газета присылает деньги, — называется «гонорар»? Начиная с какого класса могут дружить мальчик и девочка? Получал ли в школе двойки Олег Сиропов? Почему рассказы и стихи печатают только на четвертой странице?

Некоторые записки Олег Сиропов, прочитав, складывал в отдельную стопку, приговаривая в чуткий микрофон: «С собой захвачу. На это всей редакцией отвечать надо. Через газету. Очень интересная проблема...»

Жаль только, что эти, особо заинтересовавшие его записки, он почему-то не читал вслух.

Но как говорит мой брат Акрам — «Лучшее решение знает только капитан. Даже если оно — худшее».

И тогда, склонившись над тетрадкой, я быстро написал: «Хочу стать вашим юнкором.

Что для этого нужно?» И подписал — «юнкор Икс». Борька, искоса поглядывавший за моей писаниной, ткнул пальцем в подпись:

— Придумай здесь что-нибудь другое.

— А чем тебе юнкор Икс не нравится?

— Увидишь — сейчас все ржать будут. Похоже на мистера Икс.

— Верно! — спохватился я. — Но это легко поправить, алфавит большой, — и, тщательно замавав Икс, вписал: «Игрек».

Оставалось выломать листик из тетради, сложить вчетверо и пустить по рядам. С бьющимся сердцем следил я за тем, как поплыла моя записка. Наконец она очутилась в руках Олега Сиропова и он развернул ее, прочитал и просиял.

— Юнкор по имени Игрек, — сказал он, — спрашивает, как стать юнкором. Не спрашиваю, ребята, кто из вас Игрек, кто Икс, кто Зет. Отвечаю популярно: юнкором может стать любой. Любить и жаловать будем каждого, кто принесет очень интересную, проблемную заметку. Желательно — подходящую для нашей рубрики «Можно ли об этом молчать?» Приходите прямо ко мне, на двери увидите табличку — «О.Сиропов». Это я. Кстати, запомните — если увидите в газете подпись С.Олегов — это тоже я. Это мой псевдоним. Так что приглашаю в гости. И вас, и ваши заметки. Жду тебя, юнкор Игрек!

Признание Сиропова было для меня открытием! Я и сам не раз видел в газете заметки, подписанные — С.Олегов. Поди догадайся, что это тоже О.Сиропов! Интересно, а зачем ему это? — думал я.

Потом Лена вручила Сиропову цветы из школьной теплицы и под овации зала О.Сиропов (он же — С.Олегов) сошел со сцены, оставив меня наедине с новой проблемой: что такое «очень интересная, проблемная заметка»? Положение облегчалось, правда, тем, что О. Сиропов сам подсказал примерную тему. Но о чем можно написать в рубрику «Можно ли об этом молчать?» Наверное, о том, о чем надо шептать или кричать?

Оставалось самое главное — придумать повод заорать.

Но как говорит Акрам — «Радар в море все увидит. Кроме самого себя...»

ПАРУСА ДЛЯ ЭКСКАВАТОРА

От чего люди теряют покой?

Наверное, каждый на этот вопрос даст свой ответ. Но все равно, когда ответов наберется целый ворох, наугад запустив в него руку, среди прочих ответов обязательно вытянешь и такие: «От хорошей книги», «От желания исправить четверку на пятерку», «От сына — двоечника», «От бессонницы», «От скандального соседа», «От записок, которые сын приносит домой от учительницы...». Этот джентльменский набор вполне справедливых и понятных ответов можно продолжать бесконечно.

Но нам ни за что не приходило в голову, что можно потерять покой из-за Кати Суровцевой. Точнее, из-за ее майки, сумки, шапочки и кроссовок.

...Когда однажды наша Кэт пришла на физкультуру, мы просто ахнули. Все на ней говорило о том, что у нас в классе появился, по меньшей мере, член олимпийской сборной страны. Ведущие спортивные фирмы планеты одели Катю Суровцеву в изысканные образцы своих достижений. Стыдно было бы в таких умопомрачительных кроссовках прыгнуть в высоту меньше, чем хотя бы на два метра, а в длину — так на все восемь! Кроссовки казались застывшей на старте ракетой-носителем, которая — только включи зажигание — мигом вынесет Катю Суровцеву на орбиту планки с любой фантастической отметкой. Но предметом безоговорочного нашего восхищения и полной утраты покоя была

все-таки ее голубая майка с орущей на всю спину и на всю грудь надписью по-английски: «Я — чемпион!»

Оставалось ждать мировых рекордов. Правда, радость ожидания неминуемого рекорда омрачалась сомнением — входит ли рядовой школьный урок физкультуры в перечень соревнований, которые международные спортивные федерации принимают всерьез и верят в установленные на нем достижения? Если нет — плакали ее рекорды! Хоть в прыжке потолок пробей и вылети на крышу спортзала — все равно рекорд не зачтут. А про дыру в крыше эксперты скажут: может, на спортзал метеорит упал.

Но зря мы заранее сердито косились на федерации. Потому что не успел появиться в зале физрук, как Катя подала ему записку, в которой врач детской поликлиники уведомлял школу об острой необходимости избавить тов. Суровцеву Екатерину Динэровну от физических нагрузок. Физрук прочел и развел руками:

— Справка есть, печать имеется. Слово врача — закон для пациента. Ты свободна.

По нашим рядам прошел глухой ропот. И было от чего возмущаться. Это что же получается? Вырядиться в «Адидас» можно, а заниматься физкультурой — нельзя? Хорош пациент!

Катя сидела на «козле» и болтала ногами, а мы послушно выполняли команды физрука и скоро порядком взмокли. Но он не давал нам покоя, придумывая все новые каверзы. Когда до конца урока осталось минут десять, он наконец милостиво разрешил нам поиграть в наш любимый околофутбольный «парагвай», а сам ушел куда-то. Мальчишки против девчонок! Уж тут-то Суровцева оживилась. Спрыгнув с «козла», она заявила:

— Я тоже буду играть. Без меня девчонки проиграют.

— Вот еще! — презрительно поджала губы Марта Борисова — мэр класса и капитан девичьей сборной. — Сиди уж лучше на своем «козле» и за справку держись. Как упражнения выполнять — так ей, видишь ли, врач не разрешает, а как «парагвай» — так первая. Хитренькая какая!

Майка «Я — чемпион!» стояла с перекошенным от гнева лицом, уперев руки в бока. Кэт, конечно же, полагала, что девчонки будут счастливы до небес, если в их скромные ряды милостиво вольется такое импортное великолепие. Но капитан Марта была непреклонна.

— Сиди на «козле», — упрямо повторила она. — Как-нибудь справимся сами.

Покрасневшая от смущения и обиды, Суровцева выкрикнула:

— Завидуете! Вы просто все мне завидуете!

Борька Самохвалов присвистнул:

— Хо-хо! Это чему же? Справке, что ли?

— И справке тоже! — выпалила Кэт. — А главное — вот этому... — И, тыча и охлопывая себя, она выкрикнула: — Майке... Кроссовкам... Сумке... Все вы... Все завидуете!

Сбившись в кучку, девочки оживленно перешептывались, поглядывая на Суровцеву.

— Подумаешь — кроссовки! — протянул Самохвалов. — Эка невидаль...

— Вот и невидаль! — запальчиво подтвердила Суровцева. — У тебя-то таких нет! Ни у кого из вас нет. А мне папа привез. Из-за границы. Такие у нас пока не продают.

— Вместе со справкой привез? — хохотнула Марта, и Суровцева, посчитав ниже своего достоинства отвечать тем, кто обут в кеды из магазина «Спорттовары», горделиво вынесла из спортзала свою — слов нет, красивую — сумку «Адидас».

— Видали — чучело? — вздохнул Самохвалов после долгого молчания, щекоча стальную ногу «козла» носком кед. — Поняли, зачем она так вырядилась? Специально — всех подразнить, покоя лишить. Чтобы завидовали: «Ах, какая сумочка!», «Ах, какие кроссовки!», «Какая супермайчонка!», «Надпись какая-нибудь!.. »

«Козел», на котором только что восседала Кэт, щекотки не боялся — стоял смирно.

— Подумаешь — надпись! — скривила губы Марта. — «Я — чемпион!» Будто не могли придумать что-нибудь получше.

Самохвалов поддержал:

— Они этих маек миллион штук выпустили, вот теперь каждый из владельцев ходит по земле и орет своей майкой на всю улицу: глядите, я — чемпион!.. Да на всех этих чемпионов и рекордов не напасешься.

— Сам-то ты кому угрожаешь? — засмеялся я.

— Никому не угрожаю... — растерялся Борька. — С чего ты взял?

— А вот с этого! — и я ткнул пальцем в майку Самохвалова, на которой разевал пасть мультипликационный волк. Из этого клыкастого жерла клубком выкатывался знаменитый клич - «Ну, погоди!»

Самохвалов усмехнулся:

— Это не я, это волк. А я — смирный.

— Вот и Кэт — не чемпион. Так... — я неопределенно махнул рукой. — Ходячая майка. И добавил:

— Как говорит Акрам — «На экскаватор хоть гектар парусов навешай — все равно не поплывет».

«ПОДПИШИТЕ МЕНЯ В ПЕЧАТЬ!»

В раздевалке Самохвалов деловито спросил меня:

— К Сиропову в редакцию когда пойдем? Завтра?

— Почему завтра? Разве ты уже заготовил заметку? Ты же сам слышал: пропуск в газету — заметка. И не простая, а какая-то там особая...

— Проблемная! — с готовностью подсказал Борька. — Он так говорил.

— Вот-вот!

— Ну и накатаем давай. Разве не пора наконец с Суровцевой разобраться?

— Ты хочешь пожаловаться на ее кроссовки и майку? — усмехнулся я. — Ничего не выйдет. Во-первых, не напечатают. А если и напечатают, она все равно станет говорить, что завидуем.

— А если не называть ее фамилии?

— Это как же?

— А так... Вообще... Написать про хвастунов. Про тех, которые чужие заслуги себе засчитывают. Ведь откуда у Кати все эти шмотки? Сам слышал — батя ей подарил. Вот она, получается, у бати славу украла.

— Скажешь тоже — славу, — передразнил я Борьку. — Велика слава — сама себя чемпионкой обозвала.

— Вот давай и напишем про то, что нельзя майки с надписями носить, если они к тебе никак не подходят.

— Разве только майки? — спросил я. — Видал куртку у Ромки Суровцева — у брата Катькиного. — У него там тоже по-английски написано. Не пробовал прочесть?

— А что написано?

— Дзе солжэ оф форчун — вот что! Солдат удачи. Диверсант — значит! Головорез...

— Это на него похоже, — кивнул Самохвалов. — Видал, как он малышей за ухо хватает? А пальцы у неточного плоскогубцы!

— Клещи бы делать из этих пальцев! — не выдержал я.

— Ну так что — пишем или не пишем? — напирал Самохвалов. — Учти, если ты откажешься, я накатаю заметку сам. Только потом не обижайся.

— Конечно, пишем, — согласился я.

Заметку мы соорудили за какой-то час, назвав ее так: «Если ты не чемпион, так какого черта надел не свою майку?» По нашему разумению, этот заголовок должен был разить в яблочко мишени и сразу же бросаться в глаза таким, как Катя Суровцева. Заметку подписали так же, как и ту нашу записку на конференции — «Юнкор Игрек». С этой заметкой мы в субботу поехали в редакцию — искать Олега Сиропова. Усатый вахтер объяснил нам, как попасть в редакцию, и мы поспешили к лифту.

Сиропова мы нашли быстро. Он сидел за столом, уставленным тремя разноцветными телефонами. Перед ним стояла пишущая машинка, а сбоку лежал раскрытый блокнот. За

соседним столом, низко склонившись над листком и тщательно вырисовывая каждую букву, восседал шупловатый пацанчик. На нас он только глянул равнодушно и — вновь погрузился в свою писанину. Сам Сиропов не поднимал глаз. Утопив взгляд в блокнот и не отрываясь от него ни на мгновение, он одновременно выстукивал что-то на машинке и при этом одобрительно посмеивался. Что-то в блокноте веселило его. Поняв, что так можно стоять очень долго, я закашлялся. Сиропов поднял невидящие глаза и, не произнося ни слова, сощурился, причмокнул и вновь пустил пальцы пастись по клавишам.

Тут инициативу взял на себя Самохвалов.

— Мы заметку принесли, — сказал он, и Сиропов поднял голову вновь. — Не узнаете нас?

Сиропов молчал. Лицо его выражало невыносимое страдание.

— У вас зуб болит? — спросил Борька.

Сиропов поджал губы, и я понял, что Борькин вопрос вернул его к жизни.

— Какой там зуб, — вздохнул Сиропов. — Если бы только зуб. Тут не то что зуб — вся челюсть заболит. Очерк в досыл пишу.

— В досыл? — участливо переспросил Самохвалов. — А это где?

Смирно сидевший пацан засмеялся и снисходительно прокомментировал Борькин вопрос:

— В досыл — это не «где», а — «что». Досылают, значит! В типографию! Если ей чего-нибудь срочно не хватает для номера.

Самохвалов, обиженный его неуважительным смехом, полюбопытствовал:

— Слышь, комар-пискун, а тебе самому ничего не досылают? Нет? А не мешало бы...

Мальчишка непонимающе замахал ресницами, а Сиропов засмеялся, приговаривая:

— Лихо! Лихо сказано!.. Ты, Марат, не обижайся. Один — ноль, не в твою пользу. Ничего, еще отыграешься. — И он обратил лик к нам:

— Братцы, я, действительно, очень занят. Строчу в досыл для рубрики «Так поступают наши герои». Случай интересный — девчонка на пожаре отличилась. Только что по телефону факты собрал. Пальчики оближешь! На полчаса работы... А вы, собственно, чего хотите? Вы по какому вопросу?

— Мы заметку принесли, — сказал я.

— Кто заказывал?

— Вы.

Лицо Сиропова вытянулось и на нем вновь появилась страдальческая гримаса.

— Когда заказывал?

— А вы вспомните. Вы у нас конференцию проводили, на вопросы отвечали. А нам сказали, чтобы пришли к вам.

— Хоть убейте — не помню! — всплеснул руками Сиропов. — Вы не перепутали, братцы-кролики?

— Вы еще нашу записочку с собой забрали, — напомнил я. — Помните, может? Мы — «юнкор Игрек».

— Юнкор Игрек?! — воскликнул Сиропов и не совсем уверенно добавил: — Вот теперь припоминаю. А о чем заметка ваша?

— Проблемная! — веско сказал Самохвалов, спеша опередить с ответом меня. — Все как вы просили, — и Борька полез было в карман за заметкой. Но тут Сиропов жестом руки испуганно остановил его:

— Нет, братцы-кролики, погодите! Подождите с полчаса, братцы мои. Меня ведь газета ждет. Внизу верстальщик рычит. Через полчаса и поглядим вашу заметку. А пока... Пока вот с Маратиком пообщайтесь, он у нас — старейший юнкор. Глядите — сидит и над словом работает. Маратик, займись новичками...

И Олег Сиропов, мысленно щелкнув незримым тумблером, мигом отключился от нас и вновь вышел на связь с блокнотом и машинкой. Нам ничего не оставалось, как перевести взгляд на старейшего юнкора. На вид он был шестиклассником — не более того. Оказалось, не ошиблись.

— Слышь, а почему он тебя старейшим назвал? — полюбопытствовал Самохвалов.

— А походи сюда с мое — тоже им будешь! — спокойно разъяснил Марат.

— И давно ходишь?

— С первого класса. Я уже и в Артеке был!

Борька вздохнул. Я понимал его. Похоже, быстрехонько прибавив в уме шесть лет к своим четырнадцати, Самохвалов живо смекнул, что не видать ему почетного звания

«старейший юнкор» как своих ушей. Марат явно заслуживал уважения. Это был уже не юнкор, а лютый газетный волк.

— Ты над каким словом работаешь? — спросил уже я.

Марат с достоинством положил на стол авторучку и покровительственно сощурился:

— Вы что, братцы-кролики, и вправду, и первый раз? Тогда все понятно.

Услышав это его «братцы-кролики», мы сразу поняли, что Марат — любимый ученик Олега Сиропова. Даже загадочное словечко перенял у него.

— Работа над словом, — назидательно выговорил Марат, — это для юнкора самое главное. Иначе его читатели читать не будут.

— А печатать, значит, будут? — встрял я.

Маратик наградил меня презрительным взглядом и ничего не ответил, а продолжил свое:

— Вчера мы впятером проводили рейд по дворовым площадкам, а мне Олег Васильевич поручил собрать все материалы в один. И сделать, чтобы было интересно. Вот и работаю над словом. Чтобы заметка была вкусной. Ясно?

— А что за рейд? — спросил я уже вполне миролюбиво и с непритворным любопытством.

— Проверяли, кто гаражи на детских площадках строит, кто огороды заводит и ребят прогоняет.

— И об этом напечатают? — восхитился Борька. — Вот здорово. У нас тоже есть огород. У дяди Сидора Щипахина. Он себе у дома здоровенный кусище земли самовольно отхватил и колючей проволокой обнес. Подойти страшно.

— Колючей проволокой? — оживился Маратик, впервые проявляя к нам настоящий интерес. — Очень любопытно! Такого факта у нас не было. Описать сможешь?

— Проще простого. Записывай адрес. Массив «Юнусабад», сектор...

Марат резко поднял руку, будто был пассажиром, тормозившим левака на обочине дороги. Самохвалов, ясное дело, тут же затормозил...

— Стоп, братцы-кролики! — повелительно шепнул Марат. — Адресок — потом, в общей подписи дадим. Вы — факты, факты подбрасывайте...

— Какие еще факты? — обиделся Борька. — Говорю же — сам у двора краюху отрезал. Без спроса. И сажает лук и редиску. А две грядки полиэтиленом закрыл — там у него целая теплица.

— Но ты сказал вначале про колючую проволоку. Есть или нет?

— Если он ее не снял, пока мы тут с тобой болтаем, то, конечно, есть. Куда же ей деваться!

— Тогда отлично! — загорелся Марат. — Это же находка. — Он картинно запрокинул голову, вонзил взгляд в потолок и стал раскачиваться на стуле, поддав его назад так, что он, как мустанг, взвился и разве что не заржал. Гарцевание на стуле продолжалось с минуту. Наконец, Марат простил стул и вспомнил о нас.

— Значит так, — деловито распорядился он. — Напишешь о том, как однажды мама послала тебя на базар, за редиской, а за прилавком ты встретил этого... Как ты сказал?..

— Дядю Сидора Щипахина, — подсказал Самохвалов и испуганно добавил:

— Не встречал я его ни на каком базаре. — Что за ерунда?

— Не ерунда это, а литературная форма, — объяснил Марат. — Но ты все равно об этом ничего не знаешь, лучше слушай и мотай на ус.

Но Борька был неумолим:

— Не буду про базар писать. Не встречал я его там с редиской. Зачем врать-то?

— Да погоди ты... Если ты не веришь, тебе сам Олег Васильевич объяснит. Это называется художественный вымысел. Понял?

— А зачем он мне? — упорствовал Борька. — Зачем?!

— А чтоб интересно было. Он же сам не лопает всю свою редиску. Значит — продает. Где? На базаре! Ты на базаре бываешь... Бываешь ведь? Ну вот... Значит, вполне мог его там встретить. Мог ведь, спрашиваю?

— Мог... Мог... — пробурчал Самохвалов.

— То-то же! — обрадовался Марат. — Теперь давай думать дальше... Значит так! — Марат покраснелся, глаза его заблестели. Похоже, весь он был сейчас во власти этой таинственной работы над словом. А может, еще над чем-нибудь, нам — неучам — пока неизвестным. Старейший юнкор учил нас тайне изготовления вкусной заметки. Мы с Борькой стояли сейчас у его стола, как у плиты кулинару, и терпеливо изучали сложный рецепт...

— Рассуждаем дальше! — продолжил Марат. — Учитесь, пока я жив... Встретившись с дядей Сидором на базаре, ты интересуешься у него, почему пучок. Он отвечает. И тут ты его спрашиваешь так: «А если купить все разом — сколько это будет стоить?» Он посчитает, сколько у него с собой пучков, помножит и снова ответит. Вот тут-то ты ему и всадишь прямо под дых главный, убойный вопрос.

— Какой еще — убойный? — не выдержал Самохвалов, явно увлекаясь своей мнимой встречей на базаре с дядей Сидором Щипахиным.

Глаза Марата излучали ликование. Он весь светился изнутри и, похоже, мог бы в эти высоковольтные минуты даже давать ток.

— Тут и задаешь главный вопрос. Ты скажешь ему так: «Вы, дядя Сидор, меня не поняли. Я хочу знать, сколько вы просите за грядки, за колючую проволоку — за все!»

— И что же он мне ответит? — Самохвалов ошалело уставился на Марата.

— Давай подумаем! — Марат воздел указательный палец и замер — будто караулил тетерева на току. Тетеревом была сейчас мысль. Идея! Не знаю, как там у Марата с Борькой, но лично у меня сейчас мысль и не думала токовать. Но Марат был опытным охотником. Ясно — старейший юнкор!.. Скоро он тряхнул пальцем и вновь взял мысль на мушку.

— Знаю, что скажет ваш дядя Сидор. Он скажет — не продается!

Я невольно усмехнулся. Стоило ли над этим так напрягаться. Вон, он и стекло, помнится, мне продать не хотел. Марат, между тем, подводил итог своим рассуждениям:

— Ясно вам: он скажет, что его огород не продается!

— Ну а дальше? — торопил Борька. — Что дальше?

— Все! Ставим точку.

— Точку.

— Твою точку. А после этой твоей заметки идем к начальнику вашего жэка, рассказываем ему твой сон и просим прокомментировать — почему огород не продается.

Бедный Борька растерянно хлопнул глазами и выдавил:

— К-какой сон?

Марат захохотал:

— А ты разве ничего не понял? Это же все тебе приснилось, и проснешься ты только в последней строке фельетона. Сон — это, братцы-кролики, самый лучший ход. Во сне даже у вашей колючей проволоки интервью можно брать.

— А в жэк он тоже во сне пойдет? — любопытно спросил я.

— Нет, в жэк — наяву. Все должно быть солидно.

— Хороша солидность! — хмыкнул я. — Наврал с три короба. — Сон какой-то сочинил, да еще в жэк свой сон норовишь отволочь. Да тебя оттуда живо выставят с такими враками. Ты прямо как барон Мюнхгаузен или капитан Врунгель.

Марат обиженно надулся:

— Сам ты Врунгель! А не хотите учиться — пишите сами. Погляжу, кто вас читать станет. Вы поймите: это же называется — форма! Факт еще подать надо читателю. Чтобы ему вкусно было.

— Вот и подавай сам! — отрубил Борька. — Понятно теперь, что в твоём рейде происходит, — и он кивнул на листки перед Маратом: — За пятерых, небось храпишь, кошмары свои описывая?..

Я подхватил:

— ...Про то, как вы брали интервью у замков от гаражей, а потом за вами гнались домкраты, чтобы поднять...

— На смех! — торопливо подсказал Самохвалов.

Из-за машинки вылетел Олег Сиропов. Схватив длинный и круглый пластмассовый патрончик, он отвинтил крышку, вставил в патрончик свернутые в трубочку листки, завернул крышечку и поднес патрончик к изогнутой трубе, уходившей прямо в стену, — точь-в-точь как старик Хоттабыч. Он нажал какую-то кнопочку, щелкнул тумблером, и тут труба загудела, затряслась, шумно вздохнула и проглотила патрончик. Мы переглянулись. Что за пылесос такой?

— Пневмопочта, — объяснил Сиропов. — Прямо в типографию доставит материал.

— А там? — спросил я.

— Наберут и поставят в номер... Где ваша заметка? Показали ее Маратику?

— Сдалась мне их заметка! — пробурчал Марат. — Я думал, они... А они...

— Поссорились, что ли? — удивился Сиропов. — Это когда же вы успели?

— Пока вы про пожар печатали, — сказал Самохвалов. — А что за девчонка?

— Какая-то Замира Артыкова.

— Ну! — воскликнул я. — Не из Катта-Каравана случайно?

Сиропов удивился:

— Ты ее знаешь?

— Еще бы! Мы вместе учились, а потом я сюда переехал.

— Где ты раньше был? — расстроился Сиропов, — Мог бы мне о ней рассказать подробнее. Я ведь целый час мучился, пока про нее сочинил.

— А вы сами на этом пожаре не были? — спросил Борька.

— Что ты!.. Подхожу утром к кабинету — из коридора слышу, как заливается телефон. Начальник пожарной охраны поселка звонит. Вот и говорит: обязательно напишите, чтобы все ребята знали — девчонка Замира Артыкова вывела корову из горящего сарая.

— Нет у нее никакой коровы, — сказал я. — Точно знаю. Они на четвертом этаже живут. Попугайчик, знаю, есть. А коровы нет.

— Не своя это корова. Бабки какой-то. Шефствует она над ней...

— По-нятно! — потрясенно выдал я. — Ханифы-апы корова. Ее Кисой зовут!

— Ну, вот! — усмехнулся Сиропов. — Ты оказывается, и с коровкой знаком. Как, говоришь, ее звать?

— Киса. Мы помогали Ханифе-апе пасти ее.

Сиропов схватил телефон и скоро уже кричал кому-то:

— Дежурненькая! Ты проследи там... В досыле везде надо поменять Зорьку на Кису. Уточнение поступило.

— Погодите! — испугался я. — Не надо менять. Может, Ханифа-апа еще одну корову купила?

— Не купила! — улыбнулся Сиропов. — Это я ее Зорькой назвал. Должен же я был как-то назвать корову. Чтобы теплее было...

— А почему — Зорькой? — не понял я.

— Вот чудак! Как же я мог назвать ее Кисой, если начальник пожарной охраны даже не знал, как звать спасенную корову? Думаешь, я его не спрашивал? Такие детальки очень оживляют материал. Это Маратик знает. Но ничего, вы тоже разберетесь что к чему. — И он выдохнул:

— Учитесь, пока я жив!

И поскольку эту фразу мы раньше услышали от Маратика, сейчас можно было подумать, что это не Маратик, а именно сам Олег Сиропов является любимым учеником собственного юнкора...

— У нее какой разряд? — спросил Сиропов.

— В смысле — по спорту? — уточнил я.

— По нему, родимому!

— Она в музыкалке учится, на скрипке.

— А по спорту? — не отставал Сиропов.

— Я же говорю — нет у нее никакого разряда. Я точно знаю.

Олег Сиропов помрачнел. Вздохнул:

— Как же она тогда огня не побоялась, сбила замок и корову вывела?

Я пожал плечами. От Замиры я и сам подобной прыти не ожидал. Но ведь спасла Кису! Не станет же шутить по телефону сам начальник пожарной охраны.

— А разве... Разве она у вас... В заметке... Спортсменка? — смущенно выговорил я.

— Ну, не то чтобы очень... — уклончиво ответил Сиропов. — Так, упомянул, что совершить этот подвиг ей помогли усиленные занятия спортом. А что? Любая заметка должна учить ребят уму-разуму. Вот и я обобщил тему, так сказать округлил, подвел солидную базу. А разве ты не считаешь, что спортом надо заниматься серьезно? — Сиропов буравил меня сердитым взглядом,

— Почему же... — растерянно выдал я. — Считаю, конечно. Но ведь Замирка...

— Да что ты заладил про свою Замирку! — Олег Сиропов начинал терять терпение от моей бестолковости. — Если даже эта твоя Замирка не занимается спортом — пусть прочтет про себя завтра заметку и устыдится. Тогда, может, и возьмется за ум, а не только за скрипку. Гимнастикой займется, или, может, парашютным спортом... Кто ее знает... — Сиропов усмехнулся: — Если хочешь знать, юнкор Игрек, мало уметь совершать подвиги — надо еще быть достойным собственного подвига. Понял? Вот мы и подсказем ей — ненавязчиво так, намеком — что надобно развиваться гармонично.

Я почесал затылок и скосил глаза на Самохвалова, застывшего как телебашня, принимающая радиоволны. Чудеса да и только! Видимо, трудная это штука — работа над словом. Пока же — ничего не понятно. Марат — вместо злой заметки — сочиняет всерьез какую-то шутку из пяти снов, а сам Олег Сиропов про бедную Замирку из Катта-Каравана переправил в типографию по проходившей сквозь стены трубе едва ли не фельетон. Да!.. Трудная это штука — газета...

— Ну так где же она, заметка ваша? — вновь напомнил Сиропов. — Доберемся мы до нее сегодня или нет?

Расправив на столе наш изрядно помятый листок, Сиропов углубился в чтение, то и дело потирая виски и сердито сводя брови на переносице. Все это не обещало нам ничего хорошего. Прочитав заметку до конца, он, к нашему удивлению, похвалил нас. Мы-то уже ни на что не надеялись.

— Проблема подмечена верно! — сказал он. — В принципе... Ее только нужно немного повернуть. Читателю должно быть вкусно. Тема у вас есть. Теперь надо найти ход.

Маратик вновь говорил с нами. Но теперь уже — голосом Олега Сиропова. Я понял, что сейчас он начнет нас уговаривать увидеть заграничную майку Кати Суровцевой во сне. Кончится все это, наверное, предложением — попросить директора фирмы «Адидас» прокомментировать поведение Суровцевой... А что? Урок старейшего юнкора Маратика не прошел для нас даром. Но Сиропов сказал:

— Тему надо повернуть так... Для начала выкинем всякое упоминание о какой-то Суровцевой. Обойдемся без нее. Жирная будет — ни за что прославиться. Кстати, кто у нее папа, если не секрет? Вы-то, наверное, знаете.

— А она и не скрывает, — сказал Борька. — Бугор он. Так о нем дядя Сидор Щипахин говорит.

— Бугор? — переспросил Сиропов. — Тогда все ясно... Обойдемся и без вашей Суровцевой.

— Как же... без нее?! — расстроился Самохвалов, — Никак нельзя без нее.

— Это только кажется! — покровительственно заметил Сиропов. — Тут не в ней дело, и даже не в ее майке. Тут дело, братцы-кролики, в позиции Министерства этой промышленности. Тут, братцы-кролики, открытое письмо писать нужно. Может быть, прямо министру! — лицо его воодушевилось. Бросив кресло, Сиропов нервно забегал по кабинету, продолжая развивать свою идею, вмиг изорвавшую в клочья нашу жалкую заметку. Что ни говори, наша Катя выглядела куда скромнее монументальной фигуры министра, с которым, судя по полученной нами сегодня науке, нам с Борькой предстояло тоже встретиться во сне...

— Вы даже не представляете себе, какая тут операция наклеивается! — уже кричал Сиропов и, размахивая руками, рисовал нам видение будущей газетной страницы.

— Здесь, — чертил ладонью по воздуху Сиропов, — ляжет рубрика...

— «Можно ли об этом молчать!» — подсказал Борька, чтобы хоть как-то спасти в глазах Сиропова нашу с ним репутацию. Пусть знает, что и мы не лыком шиты. Но Сиропов скривился, как от занывшего зуба.

— Это из другой оперы, — сказал он. — А мы с вами, братцы-кролики, ударим покрепче. Пустим нашу операцию под рубрикой «Взрослым дяденькам на заметку». Понятно теперь?.. Итак, сверху пойдет рубрика. В центре страницы — красочный коллаж из фотографий и рисунков. Отовсюду идут ребята — в куртках и майках. И почти на всех какие-нибудь надписи. А у кого нет — там нарисуем на майках вопросительные знаки... Так... идем дальше. Слева — печатаем вашу заметку. Нет, не эту, конечно. — Сиропов пренебрежительно кивнул в сторону пашей злополучной заметки. — Вы другую напишите. От имени всей школы. С вопросом к товарищу министру. Почему, дескать, днем с огнем не сыскать маек с хорошими надписями. Ясно вам?

— А при чем тут операция? — отважился на вопрос Самохвалов.

— Очень даже при чем! — подхватил Сиропов. — Я ждал этого вопроса. А дело, братцы-кролики, в том, что товарищ министр может нам сказать так: «Вот вы шумите, ребятки, а зря! Потому что есть у нас машины, и текстильщиков тоже хватает, и маек можем вам напечь, как блинов, — хоть по сто штук разом надевайте. А вот с надписями туговато. Что писать-то, чтобы вам угодить?» Вот что, братцы-кролики, могут ответить нам дяди. Могут ведь?

— Факт! — кивнул я. — С этого и начнут.

— Вот мы и сделаем, чтобы так не отвечали. Мы им сразу предложим на выбор хоть сто

надписей. И почище, чем этот ваш «Я — чемпион!» и «Солдат удачи».

— Не наш, — уточнил я. — Катин.

— Не имеет значения. Главное — всех поднять, раскошегарить. И — призы сразу же объявить за лучшую надпись.

— Какие призы? — заинтересовался Борька.

— Ценные, конечно. Фотоаппараты, велосипеды, книги. И еще — майки с надписями победителями. Ну, как идея? Годится?

— Годится! — подтвердил я.

— А раз так — садимся и придумываем варианты.

— Сами?

— А кто же? Дровишек подбросим — вот наша операция и разгорится помаленьку. Увидите — письмами завалят.

Мы стиснули ручки и засели сочинять надписи, а Сиропов скрылся за дверью кабинета, предупредив нас:

— Сейчас вернусь. Я только расскажу в секретариате, что мы тут с вами сочинили, место в следующем номере бронирую.

Сиропов вернулся минут через десять. К этому времени у нас с Борькой и Маратиком (он тоже поспешил присоединиться к нам — видать, соблазнился ценным призом!) было готово десятка два вариантов...

— Принято на «ура»! — ликующе сообщил Сиропов. — Ждут материал! Ну-ка, что тут у вас получилось?.. Так... «Болей с нами за «Пахтакор!» Неплохо. Но — не длинновато ли? Что еще? Ага, вот это, по-моему, маленький шедевр — «Ура: каникулы!» Поехали дальше... «Я не даю списывать». Что ж, тоже недурно. Что еще?... Ого, да тут у любой фабрики глаза разбегутся! — похвалил он. — Директора бороться станут за право эти ваши шлягеры на майках штамповать. — И он медленно и с аппетитом прожевал вслух наши изобретения: «Айда в кино!», «Это — майка», «Люблю мороженое», «Привет семье!», «Сам дурак!», «Хочу учиться — не хочу жениться», «Девчонок не берем», «Го-о-о-о-л», «Черта лысого!», «Эта майка без надписи».

— Здорово! — сказал Сиропов. — Фантазия имеется. Не знаю вот только, как с педагогической точки зрения?.. Нас, братцы-кролики, школа не поймет. Зачем эти черти, дураки... Про учебу маловато! Не вижу идеи усиления борьбы за повышение успеваемости. Надо бы подпустить что-нибудь и о связи школы с жизнью.

— Может, вот это подойдет! — воскликнул Маратик и прочел написанное: «Помни: если ты хочешь стать в будущем полезным членом общества, то учись в школе только на хорошо и отлично!»

Маратик поднял глаза и явно ждал аплодисментов.

— Разве ж это надпись?! — возмутился Самохвалов. — Ее не на майке, а только на индийской сари уместить можно. Отпечатать этот твой транспарант на отрезе метров в десять длиной, и обмотаться им, как кокон. Можно и вместо чалмы использовать.

— Не пойдет! — подтвердил и Олег Сиропов. — Слишком лобовое решение. Надо бы что-нибудь поизобретательнее. Например — «Даешь пятерку!», или в этом роде.

Я хотел было возразить, что такая майка придется по душе дяде Сидору Щипахину и не очень-то понравится Наталье Умаровне, с которой стекольщик и содрал как раз пятерку. Привести эти доводы я не успел. Зазвонил красный телефон.

— Городской, — сказал Сиропов, поднял трубку и тут же изменился в лице. Едва успев сказать «алло», он в ужасе зажмурился, дернулся и шлепнул себя ладонью по левому глазу.

— Да-да, слушаю, — сладеньким голосом пропел он. — Ну конечно же... Всегда рад... Весь внимание. Записываю... — и, не очнувшись от болезненной гримасы, он стал записывать что-то под телефонную диктовку.

— Наверное, опять диктуют что-нибудь прямо в номер? — шепнул Борька.

Маратик хохотнул:

— Черта лысого! Я знаю, кто это. Мамаша Рудика! Видали, как Олег Васильевич сразу отключился. Всегда вот так.

— Что за Рудик? — спросил я.

— Рудольф Крякин.

— Что за птица?

— Поэт, — хмыкнул Маратик. — Она каждый день новые стихи сыночка по телефону читает и требует, чтобы записали и похвалили.

— А он сам что — глухонемой?

— Здоровый, как бык. В седьмом классе.
— А почему на своих двоих сюда не приходит?
— Говорю же — мамочка не разрешает. Через дорогу одному переходить не велит. Вот и читает каждый день по телефону.
— А если по почте? Клади в конверт — и посылай, если самому топтать в редакцию лень.
— Так у нее вся зарплата на конверты уйдет! — засмеялся Борька.
Наконец Олег Сиропов положил трубку и промокнул платком лоб.
— Тяжелый случай! — процедил он сквозь зубы и протянул нам листок. Я прочел название: «Школьные частушки». Дальше шли такие стихи:

Слушай, милый мой дружок,
Просьбу подпольную:
Дай тихонечко списать
У тебя контрольную.
На горе стоит козел,
Грудь привольно дышит.
Моя подружка сочинение
С десятью ошибками пишет.
Подружка моя,
Нету мне покоя.
Снова двойку получила —
Ну что это за такое!

Сиропов достал из шкафа пухлую папку, на которой фломастером было выведено: «Полное собрание частушек Рудольфа Крякина». В папку он положил и новые стихи.

— Только стихи пишет? — спросил я.

— Только... — вздохнул Сиропов. — Но мне и их хватает. Вот — складываю.

Мне стало жаль Сиропова. Несправедливо все-таки. У человека масса дел, в голове — операция. А ему приходится какую-то галиматью по телефону принимать. Неужели нельзя отказаться? Видимо, поняв, почему мы с недоумением смотрим на него, Сиропов вздохнул:

— Вы не думайте, Игреки, что мне нравится вся эта музыка. Но тут, братцы-кролики, тонкая штука получилась. В кооператив я вступил, взнос паевой отдал. Все как положено. А мамаша Крякина как глянула в мои документы — так сразу и прилипла:

— Ах, вы в газете работаете! Отлично! У меня сыночек, Рудик, поэт настоящий. Вы уж его поддержите, проконсультируйте. У нас всем ужасно нравится, как он пишет. И дедушке, и обоим бабушкам... Ну а сама я думаю, будет из него второй Шекспир! — Так прямо и сказала!

— А Шекспир писал частушки? — полюбопытствовал Самохвалов.

— Нет, конечно, — сказал Сиропов. — Шекспир Крякину — не конкурент. Да его мамаша сто Шекспиров за пояс заткнет, — горестно вздохнул Сиропов. — Она ведь и есть председатель моего кооператива. Вот ведь, братцы-кролики, какая получилась штука. Влип и капитально. От котлована до крыши.

— А дом хоть растет? — полюбопытствовал я.

Сиропов махнул рукой:

— Растет... Да только куда медленнее, чем эта вот папка, — и он с силой метнул «Полное собрание...» обратно в шкаф. — Каждый день она час у меня отнимает. Ужасно писучий у нее Шекспир растет. Ладно бы — так диктовала. А то ведь — по буквам, чтобы, не дай бог, не перепутал я чего... Просто одурел уже от ее Пульхерий, Исидоров, Серафимов и Маргарит. Да она, если по-честному, мне за вредность флягу молока каждую неделю должна ставить! И эти его частушки — собираю! Вдруг мамаша придет сюда с ревизией...

Звонок Крякиной испортил настроение Сиропову, и он предложил нам с Борькой:

— Хотите со мной в типографию? Я свой материал посмотреть хочу — его уже давно набрали. Всю кухню газетную узнаете.

В типографию? Еще бы! И мы поехали на лифте вниз, в таинственный мир газетной кухни...

Типография встретила нас духотой, металлическим клетотом, сразу же заложившим наши уши. Сиропов подвел нас к широкому столу, на котором мы увидели газету — но не бумажную, а железную, и притом очень толстую — со спичечный коробок. Такую газету читать — всем классом в руках не удержишь. Вдоль железной газеты сновал человек в черном фартуке. Рядышком сидела художавая женщина в очках, отражавших неоновый свет типографских ламп. Зайчики от ее очков запрыгали по лицу Сиропова и он на миг зажмурился. Очки сработали как лазер...

«Дежуренькая!» — догадался я.

— Олег Васильевич, — сухо сказала она. — Я бы просила вас обратить внимание на

заголовок вашего досье. Боюсь, шефу он не понравится... Дядь Вася, — обернулась она к человеку в фартуке. — Тисните Сиропову его досье.

Дядя Вася вскинул ладонь — дескать, сейчас сделаем, — положил лист бумаги на металлическую газету, где все читалось наоборот, прокатал лист скалкой и подал Сиропову оттиск. Сиропов просиял и углубился в чтение. Я глянул через его плечо и сразу же увидел огромный заголовок. Заметка о том, как щуплая и застенчивая Замирка Артыкова спасла корову Кису из огня, называлась так — «Не перевелись еще богатыри на земле!» Сиропов недовольно хмыкнул:

— А чем плох заголовок? Вам не нравится? А по-моему, это находка. Сразу настраивает читателя на былинный лад.

— Решайте сами, — сухо ответила дежурная.

Я прочитал первую строку заметки. Она гласила: «Мы сидим с Замирой в рабочем кабинете начальника пожарной охраны поселка, и Артыкова смущенно припоминает подробности недавнего пожара».

— Так, значит, вы были в Катта-Караване! — обрадовался я, — Ну, как там?..

— С чего ты взял? — усмехнулся Сиропов. — Говорил же тебе — мы по телефону беседовали.

Я растерялся:

— Но тут написано — «Мы сидим...»

— Вот чудак! — Сиропов положил оттиск на стол. — Неужели не понятно? Это же художественный вымысел. Не было, но могло быть. Замира была ведь у начальника пожарной охраны. Он ей часы именные вручил. Так почему там не могло оказаться меня?! Элементарных вещей не знаешь. Зато гляди как здорово получилось! Раз я есть в заметке, значит налицо эффект присутствия. Это так называется. Эх ты, салага! Мотай на ус, пока я жив!..

Назавтра было воскресенье и мне вдруг пришло в голову — а не слетать ли с утра в Катта-Караван? Подумаешь — полчаса автобусом. Можно и газету отвезти. Ну, не газету, конечно, а хотя бы такой оттиск. Вот ребята обрадуются.

Замысел съездить в Катта-Караван возник у меня уже давно — сразу как Катю Суровцеву увидел. Я подумал так: скоро Восьмое марта и можно великолепно проучить Суровцеву. Как? А очень просто. Подарить ей обломки той самой книжки «Остров сокровищ», которую она отвергла еще в прошлом году, учась с Андреем Никитенко. У него-то, наверное, она сохранилась. Не выбросил ведь, хоть она и поизносилась порядком... Но для этого нужно было съездить к Андрею в поселок. Теперь появился повод сделать это завтра же.

— Олег Васильевич, — взмолился я. — Подарите, пожалуйста, один такой оттиск. Я завтра в Катта-Караван еду, вот им заодно и отвезу. А то когда еще газета придет... Пусть обрадуются.

— Дядю Васю попроси, — сказал Сиропов. — Пусть тиснет.

Но тут возмутилась дежурная:

— В чем дело, мальчики? Из типографии ничего нельзя выносить. Никаких таких оттисков. Получите газету — вот и читайте. А брать нельзя, — и она положила в шкафчик все белые листы, лежавшие до того на столе.

Но тут замигала лампочка, призывно зазвонил телефон и дежурная, послушав, сказала Сиропову:

— Патрон послали с подписанными разворотами. Пойду получу, — и поднялась из-за стола.

— Олег Васильевич, — жарко зашептал я. — Ну, разрешите, пожалуйста.

Сиропов развел руками:

— Сами видали — дежурная не велит оттиски на бумаге выносить.

— А если не на бумаге? — загорелся я. Мне в голову пришла блестящая идея — как и с Суровцевой спесь сбить, и катта-караванцев удивить. Не говоря ни слова, я стянул с себя свитер и ткнул пальцем в свою белую футболку, на которой не было никаких украшений.

— Вот сюда можно? — спросил я.

— На футболку? — опешил Сиропов. — Каким образом?

— А точно таким же? — успокоил его я. — Лягу на эти железки — вот все на футболке и отпечатается.

— Сила! — восхитился Самохвалов и стал ощупывать себя, решая, что бы и ему

прислонить к верстальному станку.

В глазах Сиропова исчез испуг, мелькнула хитринка и он засмеялся:

— Чудеса! Никогда не печатался на футболках! Эти самые «Адидасы» тоже ведь на своих майках газетные статьи печатают.

Заговорщицки подмигнув мне, он заторопил:

— Ложись скорее, сейчас дежурная вернется — живо твою майку конфискует.

Я не дал долго себя уговаривать и навалился грудью на станок.

— Скалкой... Скалкой меня прокатайте!.. — попросил я. — А то еще не получится.

— Получится, — засмеялся Сиропов и несколько раз с силой надавил на спину ладонями — как прессом. Я поднялся и первое, что увидел — отвисшую челюсть Самохвалова. Борька потрясенно выдохнул:

— Гениально! Суровцева удушится от зависти.

Во всю майку четко отпечатались и статья и заголовок — «Не перевелись еще богатыри на земле!»

— Пошли отсюда скорее, — шепнул я Борьке. — А то сейчас дежурная вернется.

Но тут заволновался верстальщик дядя Вася.

— Вы, ребята, погодь! — строго сказал он и обернулся к Сиропову:

— Олег, а номер — подписанный в печать?

— Подписан, — кивнул Сиропов. — Разве вы не слышали сами — дежурная за патроном пошла.

Дядя Вася почесал затылок.

— Оно дело-то занятное... Я понимаю. И мальцов не хочу обижать. Но надо бы порядок соблюсти. Дежурная-то права: никак нельзя без письменного разрешения.

Сиропов улыбнулся:

— Все в порядке, дядь Вась! Пока Володя до поселка доберется — газета раньше него там будет. Если хотите... — и Сиропов озорно подмигнул верстальщику, — я и сам его в печать подпишу. Свою же подпись продублирую. — И, выудив из кармана красный фломастер, Сиропов написал на моей футболке — прямо над своей заметкой: «В печать!» И поставил число, время и свою подпись.

— А теперь, братцы-кролики, дуйте отсюда. Да поживее... — посоветовал Сиропов. — Не забудьте обо всем, что было оговорено. И — тащите новые идеи. Да над словом не забываете работать. Бумаги не жалейте!

Мы выскользнули из типографии и важно зашагали по улице к автобусу, с радостью замечая, что прохожие не сводят глаз с моей футболки. Свитер я нес в руке. По улице вместе с нами шагало третье марта. Это число стояло сейчас рядышком с подписью Сиропова.

Может, и холодновато еще разгуливать в одной футболке, но мерзнуть мне не было резона. Ведь на моей груди черным по белому было написано — богатыри не перевелись. А какой уважающий себя богатырь станет кутаться в меха аж на третий день ласковой азиатской весны?..

Как говорит Акрам — «Назвался матросом — полезай на палубу!» И еще он говорит: «Ухватился за лебедку — доставай и якорь!»

ПОЧЁМ НОВИНКА СЕЗОНА

Горделиво разгуливая по весеннему городу, мы едва не опоздали на первый урок. Надо ли говорить, что футболка произвела в школе сенсацию. Из всех классов сбегались почитать меня и узнать о подвиге Замиры. Пришла и пионервожатая.

— Что там у тебя? — спросила Лена. — В школе только и разговоров, что о тебе. Дай почитать.

— Читайте, — сказал я, в сотый раз поднимаясь из-за парты. — Мне не жалко, — и добавил: — Можно и у Суровцевой почитать!

Но Авралова и не глянула в сторону Суровцевой, с головой погрузившись в чтение заметки Олега Сиропова.

— Сиропов! — воскликнула наконец Лена. — Да ведь это тот самый, что был у нас на конференции! Он самый, да? Вот и его подпись!

— Он! — подтвердил я. — Другого такого нет.

— Вот здорово! — восхитилась вожатая. — Такого я еще не видела. Это что же — взаправдашняя заметка?

— Угу. Из завтрашнего номера. Все прочтаете.

— Завтра — воскресенье, — сказала Лена. — А такую заметку надо всем прочитать сегодня же. Пошли в вестибюль, — она потянула меня за руку.

— Это зачем еще! — удивился я.

— Ну не прибегать же всей школе сюда, в класс, — объяснила Авралова. — Я поставлю тебя в вестибюле у стенда, где мы вывешиваем газеты, — пусть все подходят и читают.

— Не-е, не пойдет! — отказался я. — Я же не тумба с объявлениями, чтобы меня читать. Не пойду.

Авралова гневно расширила глаза:

— Балтабаев! Интересы дружины должны для тебя быть выше собственных. Девочка совершила подвиг, а заметка об этом есть только у тебя. Ты не имеешь права лишать дружину законного желания познакомиться с героиней.

Спорить было бесполезно, и я уныло поплелся за Авраловой в вестибюль, стянул с себя футболку и аккуратно повесил ее за плечики на гвозди, торчащие в стенде:

— Пусть читают.

Я подумал про себя: хорошо, что там, в типографии, я лег на набор футболкой, а не живьем. Иначе сейчас, пришлось бы содрать с себя и повесить на стенде собственную шкуру...

— Ты что сделал, Балтабаев! — воскликнула Наталья Умаровна. — Как же ты теперь будешь сидеть на уроке?

— Ничего, я сейчас, — успокоил я учительницу. — Там, в классе, у меня еще и свитер есть. Сейчас быстро надену и к вам прибегу...

В дверях класса я столкнулся с Суровцевой. Увидев меня обнаженным по пояс, она засмеялась:

— Смотрите, ребята, Балтабаев футболку продал! Почем новинка сезона, если не секрет?..

— У тебя денег не хватит, — огрызнулся я. И добавил: — Пока не продал. Там, в вестибюле, повесил — на всеобщее обозрение. На аукцион, как говорится... Пусть покупатели пока смотрят, прицениваются. Иди и ты погляди. Может, понравится?

Суровцева презрительно поджала губы:

— Вот еще — футболку про какой-то пожар покупать! Да я в понедельник в такой шубе приду — вы все тут попадаете под парты. С ламой... Папа привез.

— В шубе? — удивился я. — А не жарковато ли будет?

— Жарковато! — ухмыльнулась Суровцева. — Вам будет жарковато.

Точить с Суровцевой лясы мне было некогда — наверху меня ждал пылесос Натальи Умаровны и ее чистюли-скелетики...

Как говорит Акрам — «Иной ураган лучше иного штиля».

«ШУМИТ КАМЫШ В ГОЛОВЕ ОВЧАРКИ»

На последней переменке Наталья Умаровна предупредила:

— После уроков всем мальчикам быстро собраться в актовом зале.

— А девочкам? — поднялась из-за парты Марта Борисова.

— Я же сказала — только мальчикам. Девочкам в другой раз.

Суровцева засмеялась:

— Все ясно — они Восьмое марта обсуждать будут. Как нас поздравлять. Поглядим!

Самыми младшими в зале оказались мы — восьмиклассники. Зал гудел. Никто не знал, зачем нас собрали. Оставалось думать, что Суровцева угадала.

Но тут вошел в зал и поднялся на сцену с дипломатом в руке директор школы.

— Прошу закрыть дверь, — строго распорядился Леопард Самсонович и обвел зал долгим тяжелым взглядом...

— Кэт угадала, — шепнул Самохвалов.

Мантюш-Бабайкин положил на стол дипломат, который как-то странно звякнул, и, открыв его, выстроил на столе — этикетками в зал — шеренгу из девяти маленьких сувенирных бутылочек. На каждой из них было написано: «Коньяк». Зал загудел. Что за загадки?.. Леопард Самсонович, тыча пальцев в бутылку, пересчитал их и сказал:

— Как видите — ровно девять. Девятую мне занесли сегодня. Терпеть это и дальше — не имею права. Бутылки найдены на подоконнике в туалете, и я прошу встать и честно признаться того, кто их приносит туда уже второй месяц... — голос Леопарда Самсоновича дрожал. В зале воцарилась гнетущая тишина.

— Я повторяю свой вопрос, — глухо продолжил директор. — Кто-то явно принес и распил сегодня последнюю, девятую бутылку. — С этими словами директор достал из кармана платок, обволок им горлышко девятой бутылки, поднес к носу и брезгливо дернулся.

— Вот видите — совсем свежая. Такого в нашей школе еще не бывало. И это — в день, когда в школе работала комиссия!

Самохвалов толкнул меня локтем и жарко зашептал:

— Я знаю, что надо делать.

— Ты директору скажи, если такой умный. Мне-то зачем? — шикнул я.

Самохвалов поднял руку и встал. Старшеклассники сразу же захохотали. Заметив выросшего в зале Борьку, Леопард Самсонович удивился:

— Что такое, Самохвалов? Это ты принес?

Зал закатился пуще прежнего.

— Да погодите вы все! — закричал Борька. — Ничего я не приносил. Я просто знаю, что нужно сделать.

— Знаешь? — обрадовался Мантюш-Бабайкин. — Так говори скорее, я тебя внимательно слушаю.

— Собаку надо пригласить из милиции. Она сначала бутылку понюхает, а потом всех нас. Вот и все!

— Лихо придумано! — кивнул директор. — Только где собаку взять? Да и жаль, честно говоря, собаку. Если овчарке дать понюхать эту отраву — она и сама, того и гляди, «Шумел камыш» запоет. Да и нужно ли столько честных людей обижать подозрением из-за одного... Из-за одного... — нужного слова Леопард Самсонович так и не нашел.

Тогда не выдержал и я.

— Не нужна собака! — закричал я. — Мне Билял Гиреевич, и Алишер тоже, рассказывали — они оба шофера... У автоинспекторов есть такой приборчик — индикатор называется... Дунет в него шофер, и тогда сразу видно — трезвый он или пьяный. Трубочка сразу зеленеет. Или — синеет. Точно не знаю...

— Садись, Балтабаев! — остановил меня директор. — Собака и индикатор — хорошо, а где совесть того, кто опозорил нас? Пусть встанет и честно признается. Со своей стороны обещаю: тому, кто сознается, наказания не будет никакого. Довольно одного признания.

Зал молчал.

— Зря от собаки отказывается, — с сожалением шепнул Самохвалов.

— Шутишь, что ли? — сказал я. — Гляди, сколько тут народу. Сюда целую отару овчарок приводить надо.

— Точно! — хохотнул Борька. — Надышатся из этой бутылки - и будет хор овчарок. Слышал, что директор сказал?

— Понимаю, — подвел директор итог долгому и гнетущему молчанию. — Совесть у смельчака спит. Ладно, договоримся так: если еще хоть раз обнаружится такая гадость — закроем туалет. Так и знайте!..

Мы расходились по домам, обсуждая случившееся.

— А может, это кто-то дразнит учителей и просто так подбрасывает пустые бутылки? — предположил Самохвалов. — Мало ли шутников?

— Надо бы Сиропову рассказать, — предложил я. — Он ведь нам поручил тащить свежие факты и идеи. А эти бутылки в самый раз для его рубрики — «Можно ли об этом молчать?»

Самохвалов остановился и, схватившись за живот, стал хохотать.

— Ты чего это? — обиделся я.

— Я представил.... Представил... — с трудом выдавливал из себя Борька, — К-как ты в следующий раз... на стенд... х-ха... свою футболку повесишь. Со статьей...

— С какой статьей?

— Сироповской! И знаешь, как она будет называться?.. Щас... Ой, не могу... Слушай: «Шумел камыш в голове овчарки!». На всю футболку! По диа... диагонали... Ой, не могу...

Борька хохотал до самого дома. Уж больно его поющие псы развеселили. Сам придумал про хор овчарок — сам и хохочет. Вот чудак...

Как говорит Акрам — «Капитан сам себе приказ отдает».

СХВАТКА С ОДНОРУКИМ БАНДИТОМ

Из Катта-Каравана я вернулся в пять вечера. День пролетел быстро. Мою футболку с заметкой о Замире Андрей Никитенко сразу же сфотографировал, и уже через два часа все желающие могли получить у Андрея копию. Замирка, и вправду, спасла Кису из огня. Оказывается, Ханифа-апа поставила в сарайчике электроплитку — ей показалось, что Киса простудилась — и ушла на базар. Ну, а Киса, конечно же, не смекнула, что плитка несъедобная, а всего лишь согревает ей жилплощадь — ткнулась было губами, дернулась и перевернула плитку. Хорошо — Замирка мимо проходила и дым увидела.

Но главное, Андрей дал мне «Остров сокровищ» — ту самую развалюху, обидевшую Кэт Суровцеву. Книгу я и прихватил с собой в Ташкент...

У подъезда маячил не на шутку чем-то встревоженный Самохвалов. Он сразу же побежал мне навстречу.

— Наконец-то! — обрадованно сказал он.

— Случилось что-нибудь? — догадался я. Борька потянул меня за рукав и пообещал:

— Пошли со мной, сейчас ахнешь!

Дорогой я заподозрил неладное. Самохвалов явно вел меня к тиму дяди Сидора Щипахина. Я еще не забыл, как он пригрозил Борьке, что однажды заменит мишени мной.

Самохвалов привел меня в зал игровых автоматов — он расположился рядышком с тиром. Гудели автоматы. Стрелки и гонщики, летчики и подводники вели бой со скоростью и с врагом. Но Борис потащил меня в сторону от них к большущему ящику, на дне которого беспорядочно лежали всевозможные предметы — мыло, зубная паста, духи, мелкие игрушки, зажигалки, сигареты... Сверху, по рельсам, двигался кран с опущенным вниз крюком. Ловкий игрок, изловчившись, мог вовремя нажать кнопку, и тогда крюк стремглав падал вниз, сгребал то, что оказывалось под ним, и относил добычу в лоток, откуда она

скатывалась к игроку.

Растопыренная слепая пятерня крюка редко приносила игроку удачу, чаще — промахивалась — мимо облюбованной добычи. Пятерня двигалась на сухощавой руке троса. «Наверное, это и есть знаменитый «однорукий бандит», — подумал я, вспомнив случайно увиденный по телевизору сюжет про то, как в каком-то городе обманщиков Лас-Вегаса гангстеры ловко надувают охотников за призраками. Может, я и ошибался, но этот вот хитрый кран с алчной пятерней живо напоминал неизвестного мне однорукого бандита...

— Гляди сюда! — показал Борька в самый угол ящика. Я не поверил глазам. В самом малозаметном и неудобном для охоты месте из-под вороха мелких призов выглядывало жерло сувенирной бутылочки. Точно такой же, как и те девять из дипломата директора школы.

— Понятно теперь? — зашептал Борька. — Вот они откуда! — в нем ликовали сейчас сразу трое — Шерлок Холмс, Мегрэ и Штирлиц вместе взятые...

— Глупости! — ответил я. — С чего ты выдумал? Мало ли где можно найти точно такие же?!

— А вот и мало! — торжествовал Самохвалов. — Я уже обо всем расспросил Хурсанд-бобо. Не веришь — идем к нему! — и Борька поволок меня к окошечку, за которым чинно восседал, кутаясь в цветастый халат, Хурсанд-бобо — веселый старик с жидкой рыжей бороденкой и вечно смеющимися глазами. Хурсанд-бобо получал у посетителей зала бумажные деньги и, словно бревна, миглом разрубал их на пятнадцатикопеечные поленья, — ведь его автоматы работали только на таком топливе.

Борька сунул голову в окошечко и сказал:

— Хурсанд-бобо, Володька мне не верит... Вы скажите ему сами — сколько у вас таких бутылок?

Старик засмеялся, потуже запахнул полы халата.

— Еще один пришел? Тоже хочешь коньяк выиграть? Попробуй... Попробуй...

— Хурсанд-бобо, мы не об этом! — взмолился Самохвалов. — Вы же сами говорили, будто эта бутылка, что сейчас лежит в автомате, у вас уже десятая.

— Десятая, — подтвердил Хурсанд-бобо. — И последняя, к сожалению. Остальные вытащили.

— Кто вытащил? — спросил я. — Ночью?

— Какой там ночью? Днем... — Хурсанд-бобо вздохнул: — Счастливики вытащили... Железное терпение...

— Наверное, вам это большой убыток? — посочувствовал я. — Она дорогая, да?

— Пять рублей, — сказал Хурсанд-бобо. — Зато пока вытаскивали — все восемь мелочью туда побросали. Если не десять... Теория вероятности называется, — заключил старик. — Наука эта, оказывается, на меня работает, в убытке остаться не дает.

— Какая, какая теория? — насторожился Самохвалов. — Откуда вы такую взяли? Что она тут у вас делает?

Хурсанд-бобо заметно расцвел. Приятно ведь — школьников поучать, бить соперника на его же стадионе.

— Учиться надо хорошо — тогда знать будешь! — назидательно произнес Хурсанд-бобо. И повторил с удовольствием: — Теория вероятности!

— Мы такую не проходили, — вздохнул Борька.

— А мне про нее эти... счастливики рассказали.

— Которые за восемь рублей пятирублевый приз выиграли? — вмешался я.

— Они самые — подтвердил Хурсанд-бобо. — Двое их приходило. Очень сильно ученые ребята. Все на свете знают.

— Большие?

— Да побольше вас. Школу, наверное, уже кончают.

— Я же говорил — это в десятом проходят, не раньше, — обрадовался Самохвалов. Ему было явно неловко перед Хурсанд-бобо за незнание какой-то там теории.

— Они мне все объяснили, — охотно рассказывал Хурсанд-бобо. — Есть, говорят, такая наука — теория относительности. Айнштейн придумал. Оказывается, если один раз повезет, то в другой — проиграешь. Или, к примеру, как в старину было? Четыре жены берешь — две попадают добрые, а две не очень. Теория! Большая наука! — с уважением повторил старик. — Айнштейн придумал.

— Ну и как им, ученым этим, у вас везло? — спросил я. — Не обманула теория?

— Это смотря кого! — засмеялся Хурсанд-бобо. — Меня не обманула... Они ведь как

думали? Один раз, говорят, на шестом рубле выиграем, а во второй — с первой же монеты. Вот в среднем и будет дешевле, чем в магазине. А вот, который с солдатом на куртке...

— С каким солдатом? — воскликнул я, не дав старику договорить. — С каким солдатом? Который — в прыжке, с перекошенной рожой, в зеленом берете?.. И — с иностранными словами?

— Точно! — подтвердил Хурсанд-бобо. — Он самый. С зеленой тюбетейкой. Очень страшная у него куртка. Если бы я такую в пустом магазине на вешалке увидел — и то бы испугался. Бандит там какой-то нарисован. И зачем в таком пугале ходить, на людей страх наводить? Не понимаю...

— Понял? — зашептал я Борьке. — Это же солдат удачи! Суровцев. Ромка!

Борька зачарованно смотрел на меня остекленевшими глазами. Открыв источник, он и не думал, что мы так быстро узнаем, кто таскал отсюда в школу злополучные бутылки.

— А у вас, правда, больше нет таких? — спросил я старика.

— Последняя, — подтвердил он. — Мне в конторе их десять штук выдавали. Главная приманка! Из-за нее-то и вся выручка идет с этого крана. Что завтра будет, когда и эту последнюю они выигрывают?..

— Почему вы говорите — завтра?

— Ясно почему. Потому что сегодня и выигрывают.

— Сегодня? — переспросил я.

— Вот стемнеет — и придут как обычно. Скоро уже...

— Хурсанд-бобо! — взмолился я. — Вы их, пожалуйста, больше к этому автомату не подпускайте. Вчера знаете что в школе было! Ужас!

— Как не подпускать?! — усмехнулся Хурсанд-бобо. — Любой имеет право. Бросай монетку — и играй. А повезет тебе или нет — это один Айнштейн знает.

— Но ведь здесь много и других автоматов, — затараторил Борька. — Вон — охота есть... И гонки... И торпеды. Пусть там резвятся. Хоть на сто рублей.

Хурсанд-бобо развел руками, сухо сказал:

— Не положено нам запрещать клиенту играть там, где ему нравится. Нет таких правил.

— Ну хотя бы коньяк пусть больше не вытаскивают, — взмолился Самохвалов. — Тут же прорва всякой всячины. Можно зубную пасту выиграть... Или — конфету... Зачем обязательно бутылку?

— Азарт называется, — объяснил Хурсанд-бобо. — Тут, детки, главное — азарт. А у этого вашего... солдата с зеленой тюбетейкой... азарта — как навоза в кизяке. Больше чем надо. Весь из азарта состоит. Пока он все деньги в щель не побросает — ни за что не успокоится. Банкир! Так что плакала сегодня и эта бутылка — вот увидите...

Мы переглянулись. Что же делать? Ведь Ромка Суровцев обязательно придет выигрывать и эту бутылку, чтобы и завтра над школой покуражиться.

— У тебя сколько денег есть? — спросил я Борьку. Самохвалов полез в карман, достал:

— Вот...

У меня с поездки в Катта-Караван тоже оставалось кое-что.

— Будем драться, — сказал я. — С этим вот... — одноруким бандитом, — и показал на кран.

Хурсанд-бобо выдал нам шесть монет и мы приступили к схватке. Мы бросали в щель монету за монетой. Кран, нацеленный на бутылку, хватал пустоту и относил в лоток воздух. Мы не успели и оглянуться, как все наши монеты были проглочены прожорливым бандитом. Хурсанд-бобо посмеивался и что-то бубнил про себя, молитвенно закатывая глаза. Мне послышалось, что он шепнул: «Наша взяла!»

Не отвечая на его шуточки, мы вышли на улицу. Что же делать? Где взять деньги, чтобы справиться с одноруким бандитом? А Хурсанд-бобо тоже хорош... Так поставил бутылочку, в самый угол ящика, что бедный крюк себе уже все пальцы отбил о стенки ящика, а схватить никак не может. Но ведь солдат целых девять раз сумел это сделать... Сумел ведь! И денег потратил, видать, уйму. Дешевле в магазине купить — а он — сюда, играть... Ясно — азарт... А сколько его в Ромке Суровцеве — Хурсанд-бобо нам уже объяснил.

Мы шли домой понурые. Самохвалов знал, что мать денег не даст. Еще и накричит. Я тоже ни на что не надеялся... В любом случае — поинтересовались бы, зачем срочно понадобились деньги на ночь глядя. Врать не хотелось, а как сказать правду?

У первого подъезда, на скамейке, толпа ребят сгрудилась вокруг Кати Суровцевой, демонстрировавшей двору очередной подарок — японский диктофон.

— ...И на уроки брать его теперь буду! — услышал я хвастливый голос Суровцевой. —

Теперь мне ничего не нужно записывать — все за меня диктофон сделает.

— С ним и экзамены сдавать можно, — продолжала она. — Великолепная шпаргалка! Можно заранее записать на пленку все ответы и пронести диктофон на экзамен. Он что хочешь подскажет.

Я протиснулся сквозь кольцо дыхателей, любовавшихся пластмассовой штучкой, и с вызовом сказал:

— Подскажет, да не все!.. Он тебе, например, не подскажет, где такую футболку достать! — и я вновь ткнул пальцем в собственную грудь, где была обнаружена известная уже Суровцевой заметка Олега Сиропова о спасенной корове.

— Если будет надо — подскажет! — отрезала Суровцева. — Захочу — папа и такую мне купит.

— Шиша с два купит! — гневно выкрикнул Самохвалов. — Такая, если хочешь знать, одна в Ташкенте и даже на земле.

— Все равно достанет, — спокойно повторила Катя.

— Слушай! — вспыхнул я. — Не надо доставать. Хочешь — я тебе свою отдам. Я не шучу...

— Даром отдашь? — сощурилась Суровцева. — Это почему ты такой добренький стал?

— Вот еще — даром! Три рубля давай, если есть.

— Пять! — испуганно крикнул мне Самохвалов через головы ребят, — Или шесть... Или восемь...

— Шесть, — сказал я. — Я забыл: она шесть стоит.

Дворовые ребята умолкли, увлеченные нашим с Суровцевой торгом.

— А ты, правда, не шутишь? — спросила Катя. — Тебе не жалко?

Я ухмыльнулся:

— Не перевелись еще добрые люди.

— Тогда я сейчас, — бросила Суровцева и скрылась в подъезде завопив на весь двор: «Мам, откро-ой!». Через минуту она вынесла две хрустящие зеленые бумажки и протянула мне:

— Держи, если не шутишь.

Я передал трешки Борьке и живо стянул с себя футболку. Удача сама плыла нам в руки. Благодаря спасенной от огня корове Кисе, мы с Самохваловым получали солидный шанс спасти всех мальчиков от нависшей угрозы. Ведь, судя по всему, Леопард Самсонович не шутил... А десятиклассник Ромка Суровцев — каткин брат — вполне мог завтра же вынудить директора школы привести в исполнение обещанный приговор....

Похрустывая добытыми без всяких усилий трешками, мы спешно возвратились в зал игровых автоматов, где прожорливый кран тотчас же принялся уминать мою футболку. Только к концу третьего рубля нам удалось крюком царапнуть бутылку. Это вселило в нас надежду. В начале пятого рубля крюк наконец-то зацепил бутылку, но выронил ее на полпути. У нас оставалось монет ровно на три тура, когда наконец, изловчившись, Самохвалов хватанул крюком проклятую бутылку и швырнул ее в лоток. Бутылка тяжело скатилась вниз, и Борька взял ее за худящее горлышко. Наша! Наконец-то она наша!

Бутылку Самохвалов сунул в карман брюк, где ей было глубоко — с горлышком, и мы вышли на темнеющую улицу. Вдруг Борька дернулся и схватил меня за руку:

— Идем сюда!.. Быстро!.. — и потащил меня за толстый карагач. — Прячься, скорее!

— Что случилось? — огорчился я, не готовый к новым приключениям. Пора было спешить домой, где уже не избежать упреков.

— Гляди! — показал Борька. — Ромка топает. Он, гад!

И точно. К залу игровых автоматов, то и дело оглядываясь, посмеиваясь и давая друг другу «петушка», быстро шли Ромка и его дружок по кличке Шакал. Шакал, по рассказу Борьки, был знаменит тем, что, если дул ветер, он первым прибежал в общий сад за домом — собирать упавшие орехи и урюк... Кажется, мы успели!

Как говорит Акрам — «И на бревне можно приплыть раньше крейсера».

МЕСТЬ МИСС ЮНУСАБАД

Но мало было обвести вокруг пальца Ромку Суровцева и Шакала. Что-то теперь надо было делать с взятым нами с боем призом, бутылкой.

— Закопать ее надо, — предложил утром Самохвалов, когда мы с ним утречком встретились в моем подвале. Лаз мы давно прорыли, и теперь наши подвалы сообщались как сосуды на столе лабораторных работ физика Николая Алексеевича. — Давай на три года закопаем. Здесь, в подвале, и закопаем... Идет?! А школу окончим — откопаем. Я читал — так все в Грузии делают.

— Там бочку закапывают, — возразил я. — И не на три года, а на сто лет — не меньше.

— И что же ты предлагаешь? — спросил Самохвалов.

— Директору отдать.

— Просто отдать?

— Зачем — просто. Отдать и сказать, что больше такого у нас не будет.

— А мы скажем ему, что это Суровцева работа, солдата удачи? И — Шакала?..

— Сказать бы надо, — кивнул я. — Но тогда мы будем просто ябедами.

— Что же делать? — вздохнул Борька. — Может, сказать директору, что он обо всем может узнать у Хурсанда-бобо.

— Все равно получается, что ябеды, — сказал я. — Все равно... Из-за нас они из школы вылетят.

Положение было сложным. Как же нам поступить? Вроде, и Ромку с Шакалом, наказать надо. Заслужили, раз молчали тогда, в зале, и ржали со всеми вместе. А вчера опять на охоту бежали. И подстрелили бы и эту, десятую, птичку с тремя звездочками на фюзеляже, если бы не мы.

Но и ябедами быть не хотелось. Молчать? Но тогда Ромка с Шакалом повадятся доставать эти дразнилки еще где-нибудь. Да хотя бы и в магазине...

— А почему только мы должны обо всем думать?! — возмутился Борька. — Мы свое дело сделали — пусть теперь и другие голову поломают.

— Давай обсудим, — вздохнул он. Но все равно мы так и не смогли придумать ничего лучше этого.

В вентиляционное окошко подвала я увидел Суровцеву. Она с независимым видом прохаживалась мимо дома в черной шубе с огромным мохнатым воротником.

— Глянь сюда, — кивнул я Самохвалову. — Последний истошный визг моды — весенняя шуба.

— Кто визжит? — равнодушно бросил Борька.

— Как обычно.

— Суровцева, значит, — скривился Самохвалов.

Борька глянул в окошко и присвистнул:

— Ого, а ты, оказывается, не заливаешь! Чего она так весной вырядилась? Да в этой шкуре сейчас жарче, чем в бане.

— Ну и что? Зато она всему дому бесплатное кино показывает. В главной роли — звезда массива Кэт Суровцева! Спешите видеть и завидовать!

— Ты бы еще присвоил ей звание «Мисс Юнусабад!» — засмеялся Борька.

— Она его себе сама присвоит. Ты не удивляйся, что она сейчас в шубе шастает. Это ей, значит, батя только что подарил — вот и надо всем срочно показать, чтоб глаза чесались от зависти. Погоди, зимой еще и вторая серия кино будет. Он ей тогда откуда-нибудь супер-купальник привезет. Вот увидишь — напялит на себя и, как морж, в мороз здесь же фасонить станет. Гляди — а мою футболку с Сироповым почему-то не надевает. Надоела она ей уже за ночь, что ли? Быстро...

— Сравнил! Шубу и футболку. А может, и футболка на ней. Под шубой. Вполне может статья.

Возможно, Борька был прав и Суровцева вместе с шубой обкатывала сейчас и футболку. Разглядеть ее сейчас под шубой мог разве что только радар с теплохода Акрама.

Бутылку я положил на дно портфеля. В школу мы пошли через зал игровых автоматов — захотелось заглянуть к Хурсанду-бобо и посмеяться, послушав его рассказ о том, как жестоко были разочарованы Ромка с Шакалом, у которых вчера прямо из-под носа ускользнула добыча. Увидев нас, Хурсанд-бобо погрозил пальцем:

— Ваша работа... Тут из-за вас мне вчера та-акое было! Этот... ну, который с солдатом... прямо зеленый стал, когда увидел, что бутылки нет. Пристал — ну просто как

следователь — куда дел последнюю бутылку? Ставь ему приз, или так, без игры, продай — и все тут. А где я ему возьму, если нету? Если вы последнюю унесли... Полчаса меня мучили. Я уж им тогда и сказал — идите со своей десяткой к пацану, у которого на животе написано про богатырей — он выиграл. Вот у него, говорю, и купите, если продаст.

— Как! — насторожился я. — Вы сказали Ромке, что приз у меня?

— Почему — у тебя? Ничего такого не говорил. Да и имени твоего не знаю — как скажу? Просто сказал — спроси у пацана с газетой... То есть — у которого...

Я махнул рукой.

— Все ясно! Это для него все равно, что сразу имя мое сказать. Подвел нас Хурсанд-бобо. Стоило ли тогда за дерево прятаться... И не на животе эта надпись, а на груди. А точнее — на футболке.

Мы поплелись в школу, искоса поглядывая по сторонам. Нам казалось, что Ромка с Шакалом теперь обязательно подстерегают нас где-нибудь в удобном месте и захотят отнять приз.

Зря волновались. Засады не было. Зато дежурившая у дверей Лена Авралова — она проверяла форму — строго сказала:

— Балтабаев, немедленно к Наталье Умаровне. Она предупредила, что будет ждать тебя у себя в кабинете.

— Опять покойничков пылесосить? — вздохнул я. — Да у нее там уже на три года вперед чисто. Разве в субботу комиссия не уехала?

Лена гневно смотрела на меня. Щеки ее пылали.

— Я с тобой позже поговорю, — отрезала она. — Не думала я, Балтабаев, что ты на такое способен,

— Да что случилось-то?! — воскликнул я, теряя терпение.

— Некогда мне сейчас с тобой разбираться. Иди. Леопард Самсонович тоже уже там... — Авралова, растопырив у дверей руки, продолжала просеивать всех входящих с улицы в вестибюль. Сейчас она была почему-то похожа на турникет в коридоре дяди Сидора Щипахина. Разве что не подмигивала красным глазом и не проглатывала за вход пятаки...

Я поспешил на третий этаж — в кабинет, с которым с первого же моего дня в этой школе меня связывали какие-нибудь недоразумения. У дверей кабинета зоологии почему-то стояла моя мама. Она была чем-то расстроена и даже не глянула на меня. «Что она здесь делает? — подумал я. — Зачем ей-то понадобился кабинет зоологии». Я знал, что по понедельникам у нее первый урок — в пятом, а это совсем в другом крыле. С затаенной тревогой вошел я в класс. Авралова не шутила — Мантюш-Бабайкин был здесь. Его взгляд, устремленный на меня, не сулил ничего хорошего. Наталья Умаровна сидела за первой партой, глаза ее выражали крайнюю степень страдания, ко лбу она прижимала мокрый платок. По кабинету стлался сладковатый запах валерьянки. Тому, кто уже был знаком с чарующим запахом яичницы в кабинете физики, вполне можно было заподозрить, что Наталья Умаровна взяла на вооружение открытие Николая Алексеевича и где-нибудь в уголке, на электроплитке, варит себе экспериментальный компот из травы валерьяны. Новинку кулинарного сезона...

Впрочем, приглядевшись, я заметил, что открытый пузырек стоит на парте — прямо перед Натальей Умаровной.

Директор поманил меня пальцем и спросил:

— Твои художества? — и показал на скелет у доски.

Я обмер: на скелете, еще недавно элегантно пустотелом, сейчас почему-то красовалась футболка, проданная мною вчера Кате Суровцевой. Что за наваждение! Я подошел поближе. Она самая. Просто невероятно. Вот это уж точно новинка сезона!..

— Так твоя или нет? — ледяным голосом повторил вопрос Леопард Самсонович. — Или, может, тоже собаку приглашать будем — так вы, кажется, с Самохваловым предлагали поступить? — В голосе директора звенела нескрываемая насмешка.

Я молчал, силясь сообразить, что все это значит.

— Подойдите поближе, Алла Сергеевна, — пригласил директор маму. — Ваш сын явно нуждается в подсказке. Не соблаговолите ли глянуть на эту вот занятую композицию и пролить свет на, наше, так сказать, любопытство? Его это все-таки доспехи, или не его?

Мама закрыла лицо руками и мне стало ее ужасно жалко. Ну почему, почему ей должно быть стыдно за меня?! Разве я в чем-то виноват? Разве это справедливо? Все кричало во мне от обиды, но... Но футболка-то была моя, и вся школа прекрасно знала это. Не сам ли я лишь позавчера — не хуже этого чучела — торчал в вестибюле как какая-нибудь

телеграфная тумба? Молчать дальше было просто глупо.

— Моя футболка, — глухо выронил я.

— Так-с! — обрадовался, директор. — Кажется, налицо прогресс!.. Похвальное признание! Итак, попробуем продвинуться дальше. Скажи-ка нам, Володя, ты не мечтаешь стать модельером?

— Модельером? — опешил я. — Зачем?

— Вот и мы спрашиваем — зачем?.. — подхватил Леопард Самсонович. — Зачем нарядил ты в свою футболку этот, с позволения сказать, манекен? Гляди, что сделал ты и с милейшей учительницей. Ох, нельзя так глумиться над педагогом — источником знаний.

Бедная мама! Шагнув к парте с пузырьком, она судорожно схватила его и отхлебнула глоток.

— Водичкой... Водичкой запейте! — участливо подвинула стакан Наталья Умаровна. — Валерьянку нельзя без водички, это вам не дыня.

Леопард Самсонович подтолкнул меня к чучелу, образованному из скелета и футболки.

— Снимай давай.

— Вот еще! — дернулся я. — Пусть снимает, кто это и сделал. Я-то тут при чем?

— Извини, брат! — воскликнул давно потерявший терпение Мантюш-Бабайкин. — Мне это все уже порядком надоело. Неужели ты думаешь, что в школе, где две тысячи таких вот как ты гавриков, мне и заниматься больше нечем, кроме как твоей футболкой. Снимай давай, а потом, расскажешь, зачем затеял весь этот маскарад.

— Не буду снимать, — пробурчал я. — Говорю же — не знаю, кто это сделал.

Директор сел на парту и перевел взгляд на маму.

— Поздравляю вас, Алла Сергеевна! — усмехнулся он. — Отличный подарок приготовил ваш сын к Восьмому марта и вам, и Наталье Умаровне. Поздравляю!

Мама комкала в руках платок, готовясь заплакать.

— Володь!.. — всхлинула она. — Ты скажи... Правду скажи... Нельзя же так. Стыдно...

— Ничего ему не стыдно! — отрубил Леопард Самсонович. — Он достал из кармана складной нож и взвел его.

— В последний раз спрашиваю — будешь снимать или нет.

Я не двинулся с места.

— Тогда сниму я сам, — сказал он, и, шагнув к манекену, взрезал футболку и передал ее ошметки маме:

— Извините, что пришлось так. Вы сами видели, что нормальным способом снять ее было невозможно — надета, что называется, на века.

Он пошел было из класса, но обернулся у самых дверей.

— Своей властью освобождаю Балтабаева-младшего от уроков. До тех пор, пока ко мне не придет Балтабаев-старший. Кстати, если не ошибаюсь, он у нас — член родительского комитета. Вот и хорошо. Есть повод для серьезного разговора. Уважаемый, Гафур Рахимович — большой человек, я это знаю. Видимо, за высокими делами и упустил, что в собственной, так сказать, отрасли происходит. Вот вместе и потолкуем.

— Вы ему в дневник запишите, — посоветовала Наталья Умаровна. — И пускай отец распишется.

— Мать скажет, если он забудет.

— Вот еще! — вспыхнула мама. — Его вина — пусть сам отцу и говорит. Буду я за него отдуваться! Давай-ка сюда дневник!.. — и, схватив мой туго набитый портфель, она перевернула его вверх дном, чтобы не утруждать себя долгими поисками дневника, и резко встряхнула. На стол посыпались учебники, тетрадки, карандаши, готовальня.

Последней шмякнулся из портфеля... бутылка коньяка, которую мы с Борькой схоронили на самое дно, чтобы решить ее судьбу на совете класса. И в звенящей тишине кабинета она предательски покатила к краю стола. Я метнулся и подхватил ее у самого края пропасти.

— Ты что, Володя? — спросила мама, каким-то чужим, странно подурневшим голосом.

— Как это что? Разобьется ведь, — объяснил я.

— Вот-вот! — воскликнул Леопард Самсонович. — Все к одному. Вот и десятая! И — поленькая... Не нахожу слов, Алла Сергеевна!

Оглядев бутылку, директор развел руками:

— Все верно. Точно такая же... Одна партия... Балтабаев, ты что хотел с ней делать в школе?

— Закопать, — вздохнул я. — В смысле — дома, а не в школе. На три года... А в школе — обсудить... Сообща...

— Ясно.... Ясно, — ухмыльнулся Леопард Самсонович. — Решили и десятую... поставить на обсуждение? А девять предыдущих вы уже обсудили? И это — несмотря на мое субботнее предупреждение? И сколько же вас входит в этот ваш совет? Трое небось?

— Да о чем вы, Леопард Самсонович! — опомнилась мама. — Да чтобы Володя... Да эту гадость... Да никогда в жизни!.. У него и папа только по праздникам... Символически. Скажи, Володя?

— Он уже свое слово сказал, — сухо возразил директор. — Вот его слово, — и Леопард Самсонович ткнул пальцем в злосчастную бутылку.

— Недоразумение это! — в отчаянии вскричала мама! — Да у нас дома отродясь таких не было. Володя, скажи нам, кто это положил тебе в портфель?

— Сам положил.

Мое положение было отчаянным.

Мама вытирала платком глаза. Я подошел к ней, уронил виновато:

— Mam... Ты это... Правда... Я не виноват...

— Иди домой, — всхлинула мама. — Дома поговорим... Вечером.

— Давно пора, — кивнула Наталья Умаровна. — Это у него еще в январе началось, с сосульки. Сосулька та мне в пять рублей обошлась. Простила я его тогда, поверила ему, и, видать, напрасно. Вот к чему приводит доверие, если его слишком много. Урок... Какой мне урок!.. Да и вам.

Спускаясь по лестнице, я увидел Катю Суровцеву. Не обманула ведь! Пришла-таки в школу в новой шубе. Правда, застегивать не стала — иначе от нее самой в жаркой топке шубы одна зола бы и осталась... Катя хотела прошмыгнуть мимо, но я схватил ее за могучий рукав.

— Слышь, Шуба, зачем футболку Ромке отдала?

— Попросил — и отдала. Тебе-то что? Денежки ведь получил...

— Знаю, если спрашиваю. Гад он!

— А ты-то... Ты-то сам?! — запричитала Кэт. — Ромка как увидел ее — сразу сказал, что это не фирма, а халтура. А папа сказал, что это называется ширпотреб и что мы с мамой просто выбросили деньги.

— Сама ты ширпотреб! — обиделся я. — Такая футболка — одна на всем свете. С нее только фотокопии есть, в Катта-Караване... — Я вовремя придержал язык, едва не назвав и имя Андрея Никитенко. Андрюхин час должен был пробить только послезавтра, седьмого марта...

— Скелет — Ромкина работа? — прямо спросил я. Катя потянула рукав, вызволяя его из моей руки.

— У него и спроси, — бросила она. — Мое дело маленькое. Попросил — отдала. Брат как никак. — И мисс-Юнусабад ускакала в класс.

Внизу меня поджидал встревоженный Борька Самохвалов.

— Что так долго? — напустился он на меня. — Ты чего такой бледный?

— Ромка футболку на скелет напялил, — вздохнув я. — И бутылку директор нашел. Обалдеть — как все получилось.

— Еще одну бутылку? — удивился Борька.

— Никакую не еще. Ту самую. Нашу. Я и сказать ничего не успел, а они уже нашли ее в портфеле. Случайно... Теперь в школу нельзя ходить — директор с отцом говорить хочет.

— Что же теперь будет? — испугался Борька.

Я пожал плечами, усмехнулся:

— Призовая игра, наверное... Вчера мы выиграли приз, а сегодня - он нас. В смысле — меня, — уточнил я. — Ты не бойся, я про тебя им тоже не сказал.

Призывно залился звонок, приглашая вторую смену на первый урок. Волны ребят хлынули в узкий пролив коридора, и только я один с трудом плыл сейчас против течения.

Но как говорит Акрам — «Хочешь в шторм спасти корабль — упирай нос в волну».

ИГРЕК № 2

До вечера была уйма времени, и я из дома позвонил в редакцию Сиропову. Просто так.

— А, юнкор Игрек!.. Как успехи? — бодро спросил Сиропов и, не дожидаясь моего ответа, тут же предупредил:

— Ты не клади трубку, тут по параллельному телефону мама Крякина новые стихи Рудика транслирует.

Мне стало скучно.

— Давайте лучше через час позвоню, — предложил я. — Она же все равно частушки по буквам передает.

— По буквам, — со вздохом подтвердил Олег. — Ну, ты давай тогда... Через час... Не пропадай... Чао-какао!

Повода звонить Сиропову у меня, честно говоря, не было. Никакой новой заметки я пока не написал. Судя по всему, не скоро появится и настроение писать. Какие там заметки, — из школы бы не вылететь. И я решил не звонить сегодня Сиропову. Зачем? Станет спрашивать, как идет в школе операция «Министр ждет подсказки», да сколько названий для маек, курток и футболок мне удалось собрать? До того ли мне сейчас было, если одна-единственная футболка — и та принесла столько невзгод. События последних двух дней могли подсказать мне разве что такие надписи: «Я не виноват!», «Спросите Хурсандабобо», «Ну, Суровцевы, погодите!» Но разве подобные надписи заинтересовали бы министра?.. Кто станет покупать товар с такими слоганами? Это же один убыток будет, фабрики останутся. Кроме того, я боялся проговориться Сиропову, что Леопард Самсоныч только что освежевал перочинным ножом футболку с его заметкой о девочке-богатыре.

Я решил не ждать вечера и позвонил отцу в Министерство. Звонить на работу он разрешал нам только в чрезвычайных случаях, поэтому, услышав мой голос, тотчас спросил;

— Все здоровы?

— Почти, — вздохнул я.

— Что с тобой?

— Директор в школу не пускает. Тут у меня история одна...

— А при чем здесь я?

— Поговорить с тобой хочет. Ты же в родительском комитете. Приглашает тебя.

— Любопытно, — усмехнулся отец. — В каком качестве приглашает? Как отца или как члена родительского комитета? Если — второе, то, возможно, директор обяжет меня поговорить с отцом Володи Балтабаева. Это что же получится — сам с собой разговаривать буду? Ладно, пошутили и хватит. Что натворил?

— Коньяк в школу принес.

— Коньяк? — переспросил отец. — Что за новости?

— Понимаешь, мы его выиграла с Борькой и хотели на совете отряда разобрать... А Ромка Суровцев мою футболку на скелет одел.

— На скелет? — растерянно повторил отец.

— Ну да, на скелет. Чтобы все на меня подумали. Эту футболку-то в субботу все на мне видели! Он все продумал...

— Погоди стрекотать! — устало остановил меня отец. — Тут, вижу, так просто не разберешься. Коньяк! Скелет! Футболка! Какая мешанина... — Сиди дома, я в пять приеду. Разберемся...

Не успел я положить трубку — зазвонил телефон.

Это был Олег Сиропов.

— Игреку привет! — прокричал он. — Можешь меня поздравить, старичок: Крякина закончила диктовку. Отговорила, как говорится, роща золотая! Давай, выкладывай, чего хотел, а потом уже я спрашивать буду.

— Тогда сразу спрашивайте, — сказал я. — У меня новостей нет.

— Ну не скажи! — засмеялся Сиропов. — Я, как орган местной информации, тут такое о тебе сегодня узнал!.. Специально звоню, чтобы факт проверить. Ты что же — сам на себя телегу в газету накатал?

— Какую телегу? — удивился я.

— Жалобу значит.

— Что за ерунда? Ничего я никуда не катил, ни телеги, ни трамвая, ни катамарана. Чего

мне жаловаться?

— Тебе виднее. Только факт в лице телефонограммы у нас имеется.

— Какой факт?

— Говорю же — телефонограмма. Секретарша редактора утром приняла по телефону от лица, назвавшегося «юнкор Игрек». Так что давай не разыгрывай. Первое апреля еще не наступило.

— Не звонил я в редакцию и Игреком не назывался, — закричал я в отчаянии. — Честное слово же!

Сиропов замолчал. Я слышал в трубку только тяжелое его дыхание.

— Странно... — уронил он наконец. — Хочешь, я прочту тебе твою... твою... Ну, одним словом, эту телефонограмму. Редактор ее мне передал — для возможного использования в разделе «Можно ли об этом молчать?»

— Читайте, — сказал я. — Интересно, что там у вас.

— Ну, так слушай, читаю... «Широкая общественность нашей школы возмущена поступком хронического хулигана Владимира Балтабаева из 8 «в». Сегодня утром, тайно проникнув в кабинет зоологии, он надругался над скелетом нашей зоологички, благодаря чему последняя прибегла к посредству валерьяновых капель. Экстренными мерами, принятыми директором школы Леопардом Самсоновичем Мانتюш-Бабайкиным, пострадавшему скелету возвращены суверенитет и территориальная целостность. Но место ли таким Балтабаевым в нашей школе? Вот вопрос, над которым ломает голову передовая мысль школы. Подписано — «Юнкор Игрек». Все... Ты слушаешь?

— Потрясающе! — уронил я в трубку. — Красивая работа!

Я понимал, что расчетливая, твердая рука противника — а я прекрасно знал его! — все ближе подбирается к моему горлу, готовясь замкнуть на нем кольцо.

— Эй, Игрек, ты где? — окликнул меня Сиропов. — Чего молчишь? Ну что: твоя шутка?

— Не моя.

— Но подпись... Подпись-то твоя...

— Мало ли кто мог так же подписаться, — объяснил я. — Вы тогда мою записку всему залу прочли, а, уходя, так и сказали: «Юнкора Игрек приглашаю в редакцию». Это все слышали.

— М-да... — протянул Сиропов. — Тяжелый случай. Значит, говоришь, все это — ложь и провокация? Ну, а если я, скажем, в школу позвоню и полюбопытствую — что да как? Ты меня тоже пойми. Поступил сигнал — значит, я обязан проверить.

— Тогда подтвердят! — уронил я.

— Что подтвердят? — не унимался Сиропов. — Чьи слова?

— Игрека, — сказал я. — Игрека номер два.

— Тогда как прикажешь все это понимать? — холодно спросил Сиропов.

Все начиналось сначала.

— Олег Васильевич, — взмолился я. — Очень вас прошу — ничего не делайте и в школу не звоните. Понимаете... Это... Я не хотел вам пока обо всем говорить... Рано еще просто... Это все наша с вами операция продолжается. С футболками и майками... Я вам потом все сам расскажу.

Сиропов вздохнул, сказал с недоверием:

— Ладно, если так... Хотя, признаюсь, что-то странно все это. Я не я и подпись не моя... М-да, старичок! Давай договоримся так: в среду я жду тебя ровно в десять утра, идет?

— Еще как идет! — обрадовался я.

— Но учти, — добавил Сиропов, — в среду, и ни днем позже. Больше трех дней дать тебе не смогу. Права не имею.

Раздались короткие гудки, и я положил трубку.

Было от чего прийти в отчаяние. Оба Суровцевы, а с ними, конечно же, и Шакал, похоже, организовали на меня серьезную облаву. Надо же! Мало им было трюка с футболкой — так еще и Сиропову позвонили - да еще и от имени юнкора Игрека. Вот здесь-то и был их просчет. Зная, что в школе есть юнкор, назвавший себя Игрек, они не знали, что Игрек — это я и Борька Самохвалов. Текст они, конечно же, накатали комичный — дальше некуда. Погоди, как это назвал Сиропов? Кажется, телега? Точно — телега! Жалоба значит... Надо это слово запомнить. Интересно, а если бы Сиропов дал эту телефонограмму Рудикю Крякину — положил бы он ее на музыку, то есть — на частушки? Конечно, положил бы... Еще как... Он на них что хочешь положит.

И, удивляясь самому себе, я схватил листок и ручку и стал воображать, какие частушки

мог бы сочинить Рудик Крякин по мотивам этой самой «телеги», то есть — телефонограммы. Тут же сложились строчки — ничуть не хуже крякинских:

На горе скулит козел,
На нем майки нет.
А Балтабаев нацепил
Шмотку на скелет.
Он скоро всех учителей
Доведет до точки —
Валерьянку станут пить
Прямым из бочки...
Подружка моя,
До чего ж обидно —
Опозорил целый класс,
А еще не стыдно!

Тут я понял, что частушки можно запросто вязать до бесконечности, бросил ручку на стол и, высвободив перетянутого веревкой Стивенсона, разлохмаченного Катей Суровцевой, погрузился в чтение, бережно перекладывая листок за листком. За книгой и застал меня скрежет в замке — приехал отец.

— Время не тяни, — распорядился он. — Докладывай вопрос по существу. Как у нас на планерке в министерстве.

Можно подумать, что меня когда-нибудь приглашали на их планерку докладывать вопросы. Кроме подписей на майках, у нас к министрам и вопросов-то пока не было.

Я выложил отцу все как есть — с самого начала. Рассказал и о деньгах за футболку, и о кране Хурсанда-бобо, и даже о звонке Сиропова.

— Но почему ты все это не рассказал директору? — удивился отец. — По-моему, все логично и понятно.

— Ябедой быть не хотел.

— Ну и глупо! Такие, как эти твои Ромка и Шакал, и рассчитывают на таких простаков, как ты. Знают, что вы гордые, что считаете себя честными и духом сильными. А в чем сила-то ваша с Борькой оказалась? Гляди как ловко они тебя опутали и подставили. Везде! Серьезный противник. С головой. Уважаю!

Я слушал и недоумевал. Это кем же папа восхищается? Ромкой с Шакалом? И — Катькой, этим ходячим домом моделей?!

— Ну и что же ты предлагаешь? — спросил папа.

— Не знаю. Леопард Самсоныч велел тебе прийти. — Я протянул отцу дневник с записью. — Вот, распишись здесь, что читал.

— Лихо получается! — воскликнул папа. — Значит сам ты ябедой быть не желаешь, но не возражаешь, если директору все это расскажу я! Чистеньким хочешь остаться. Погоди, а где этот Ромка твой живет? Не знаешь?

— В нашем доме. Кто их не знает.

— В нашем?! — обрадовался папа. — Вот не знал. Очень хорошо! Может, прямо сейчас и заглянуть к ним, потолковать с родителями откровенно. Хотя нет... Наверное, на работе еще все...

Я вздрогнул.

— Ты, папа, в своем кабинете совсем от нашего дома отстал. Да у них один Динэр Петрович работает. Борька говорит — бугор он. Шишка какая-то. Очень занятый человек. Ему даже в магазин ходить некогда.

— С чего ты взял? — удивился папа.

— А нам Борькина мама говорила, что ему домой привозят хлеб и всякие другие вещи.

Да мы вчера сами видели — какой-то дядька из машины штук двадцать колбасных палок к ним понес. Сноп целый. А еще Борькина мама видела, как на мотороллере ему привезли три ящика финского пива. Такие металлические круглые банки. Зеленые...

— Коричневые, — поправил папа и почесал затылок: — А у твоего Борьки мама наблюдательная.

— Так ей же с балкона все видать, что перед суровцевском подъездом делается. Борька говорит — шибко мама его на Динэра Петровича злая. Говорит, что про таких, как он, драматурги еще пьесу не написали. Говорит, для него Шекспир нужен. Имя у него только

какое-то чудное. Динэр.

— Обыкновенное имя. Так раньше любили называть. Динэр — значит Дитя новой эры. Разве ты не слышал такие имена? Много их. Рэм, например. Или — Мюд.

— МЮД?!

— Ну да. Международный юношеский день. Не слышал? Эх вы — с Борькой и его глазастой мамашей! Кто в соседний подъезд сервелат несет — это вы знаете, а историй о том, что каждого касается, — это вы ни гу-гу... Нехорошо.

Я усмехнулся:

— Знаешь, папа, а я б Динэру Петровичу посоветовал бы и своих детишек так же назвать. Придумать и для них что-нибудь позаковыристее.

— Ну-ка, что бы ты предложил! — подзадорил отец.

— Пожалуйста! — с готовностью выпалил я. — Катьку я бы назвал Храдевсберкой...

— Храдевсберка? — переспросил отец. — Что за абракадабра?

— А вот слушай. Храните Деньги в Сберегательной Кассе... Храдевсберка, одним словом.

— Больно сложно! — засмеялся отец. Ромку Суровцева тоже небось окрестил уже?

— Пока нет, — вздохнул я. — Подумать надо. И Шакалу не придумал. Но ему пока и так сойдет. А Ромке — надо подумать.

— В другой раз! — строго сказал отец. — Об этом — в другой раз. Пошли к ним.

Суровцевы жили в соседнем подъезде на третьем этаже. На дубовой двери сияла желтая металлическая табличка, на которой значилось: «Суровцев Д. П. — коммерческий директор, лауреат». Папа позвонил и глазок в двери вспыхнул. Загремела цепочка, распахнулась дверь.

Собственно, дверей было две. Внутренняя — стальная — отстояла от первой почти на полметра.

— Как у нашего министра в кабинете, — отметил папа. — С тамбуром.

В дверях, уперев пухлую руку в косяк, стояла мама Ромки.

— Динэра Петровича можно видеть? — осведомился папа.

— Сейчас спрошу, — бросила она и вновь захлопнула дверь.

— Может, надо было попросить ее передать хозяину свою визитку? — усмехнулся папа, но я видел, что ему неловко за то, что перед нами защелкнули дверь, как перед ворами-домушниками. Но нам оставалось только ждать.

Дверь вновь загудела, и Каткина мама, смерив нас холодным взглядом, процедила:

— Проходите. Динэр Петрович примет вашу депутацию, — и она повела нас в гостиную.

Динэр Петрович, в пестром теплом халате и в тапочках, лежал на диване, закинув ногу за ногу, и перелистывал «Крокодил». Напротив него на притопленном в стену крюке висела странная картина — все на ней жило, переливалось. «Да ведь это телевизор! — ахнул я. — А висит, как картина, и не толстая совсем. Японский, что ли?»

На картине появилась Алла Пугачева и запела песню «Поднимись над суетой».

— Приветствую дорогого соседа, — бросил Суровцев папе и, переведя взгляд на меня, с прохладцей добавил: — А также соратника нашей дочери Кати. Чем обязан? — Он, кряхтя, оторвал голову от подушки, сел и кивнул на журнал, оставшийся лежать на диване:

— Вот — «Крокодильчиком» балуюсь. Презанятный и преполезный, доложу вам, учебник.

— Учебник? — удивился папа.

— Учебник, — кивнул Суровцев. — Если с умом сей журнал читать, — лучше института жить научит. О талантливых людях, черти, пишут! Завидки берут, когда узнаешь, какие головы рядом с нами живут.

Он вздохнул и добавил:

— Правда, пока они рядом...

— А вы, часом, не перепутали? — спросил папа. — «Крокодил» — с «Работницей» или «Огоньком»? Уж не жуликам ли прикажете завидовать? У «Крокодила» герой известен.

— Почему же одни жулики? — обиделся Суровцев. — Позвольте не согласиться, уважаемый сосед. У вас глубоко односторонний подход. Юристы, позволю вам доложить, очень любят древнюю судебную формулу, а она призывает выслушать другую сторону.

— Ну и что же?

— А то, что другой стороной и являются те, которых вы только что малосимпатично

округлили словом «жулик». А среди них, соседка, тоже головы есть, и калибра немелкого! Слышали, может: дерево есть такое — эвкалипт? Очень высокое...

— Слышал, — сказал папа. — Еще когда в школе учился. Это почти до нашей эры было...

— Его специально на болоте сажают, этот эвкалипт гениально воду пить умеет — как верблюды. Вот и живет он себе на болоте, водичку сосасывает, и никому в голову не приходит, что зарвался этот эвкалипт — больно много истребляет. Он ведь, если рассудить, всем хорошо делает — болото осушает...

— Забавная аллегория! — усмехнулся папа. — Почти басня.

— Басня моя еще не кончилась, — сказал Суровцев. — Она только начинается. Потому как стоит лишь болоту иссякнуть и появиться тверди, как все сразу начинает косо поглядывать на работягу эвкалипта: чего, дескать, торчит здесь этот дылда-дармоед да зря воду переводит, а ее и так недостает культурным растениям. Тут уже и до бензопилы недалеко...

— Простите, — перебил Суровцева папа. — Позвольте полюбопытствовать: вы — лауреат, извините, чего?.. Я на двери прочитал.

— Мой супермаркет занял в позапрошлом году первое место в районном смотре.

— Так это магазин ваш, стало быть, лауреат! — усмехнулся папа.

— Не вижу разницы! — сухо бросил Суровцев. — Я себя от рабочего места не отделяю.

— Ну, тогда и я — лауреат! — сказал папа. — В конце декабря квартальную премию получил — двадцать пять процентов от оклада. Надо будет тоже табличку себе на дверь заказать — «Балтабаев Гэ Эр — Лауреат квартальной премии!» Как, годится?! — папа засмеялся.

Я и не помышлял вмешиваться в их взрослый и малопонятный разговор, где, неясно зачем, стожильный эвкалипт — себе же на беду — истребляет болото, а фельетоны из журнала «Крокодил» — по чьему-то недосмотру — не включены в число обязательных предметов в школе и институте... Похоже, папины шуточки по поводу своего лауреатства совсем не понравились Суровцеву-старшему, потому что он поспешил спросить:

— Так чем, собственно, обязан?

— Знаю, чего они пришли, — зло сказала Суровцева. — Он вчера Катке майку свою продал, обманул как дурочку. Тряпке — пара рублей цена, а он с нее шесть содрал.

— Шесть?! — оживился Суровцев и с хитрым прищуром глянул на меня. — Bravo! Это же триста процентов прибыли! Прекрасно, молодой человек! После школы беру вас к себе заместителем, с таким помощником не пропадешь!

Он, конечно же, просто насмеялся надо мной. О футболке он давно все знал — Катя об этом мне сегодня говорила.

Суровцева-старшая злобно бросила:

— Сами спекулянта воспитали, а потом к людям ходят.

— Это вы бросьте! — возмутился папа и полез в карман. — Вот вам шесть рублей — верните футболку.

Суровцевы переглянулись. Динэр Петрович криво улыбнулся, отодвинул деньги:

— Ну нет... Это не по-соседски. И не по-нашему, не по-торговому. Бог торговли товарищ Меркурий возбраняет нательное белье продавцу возвращать. Извините за профессиональную тонкость.

— Верните футболку, — холодно повторил папа.

— Да где же я ее вам найду, — развел руками Динэр Петрович. — Не я ведь покупал. Мне она, извините, еще и мала-с будет! Может, ты знаешь? — обернулся он к жене.

Суровцева махнула рукой, ушла на кухню и раздраженно метнула оттуда:

— Глупости какие! Сейчас домработница придет убирать и стирать, а эти только время у людей отнимают...

— Значит, не будет нам футболки? — вздохнул папа. — Так я и знал. Ничего, подождем, когда ее наша мамочка вечерком принесет.

— Это откуда же? — сощурился Суровцев.

— Из школы, разумеется. Из той самой, куда мы с вами сейчас и пойдём.

— Простите, — усмехнулся Динэр Петрович. — Видимо, я, забыл вас проинформировать: аттестатом зрелости я овладел четверть века тому назад. Могу показать... Так что лично у меня к школе вопросов не имеется.

— Зато у нее есть! К нам обоим. Там сейчас все в сборе — и директор, и футболка...

— И Игрек номер два! — выпалил я. — Ромка ваш. Солдат удачи!

Суровцев улыбнулся:

— Ого, уже и куртку Ромкину цитируете! Товар — первый сорт. Мне ее торговые партнеры презентовали, за кордоном. За масштабность мышления. И — оперативность...

— Прекрасные качества! — кивнул папа. — Думаю, они и сейчас вам пригодятся. Так сказать — на внутреннем рынке... Володь, подожди меня внизу, — строго сказал вдруг папа. — Мы тут еще малость потолкуем и выйдем.

Хороша — малость: они появились только через полчаса. Динэра Петровича было не узнать. Из подъезда он выходил, придерживая папу за локоть.

— А вот и Володенька! — сладенько протенькал он, зачем-то улыбаясь мне.

А тут еще, ко всему, и Суровцева высунулась из окна балкона, как птица из скворечника, и пропела:

— Не забудьте — из школы сразу к нам. К черту на сегодня уборку, велю домработнице торт испечь к вашему приходу. Он у нее фирменный, вот увидите... Жду...

— Мы — в школу, — бросил папа.

— Мне тоже? — спросил я.

— Думаю, обойдемся и без пострадавшего? — глянул папа на Динэра Петровича.

— Вполне! — с готовностью кивнул Суровцев и ласково глянул на меня.

— Не вижу повода отвлекать славного мальчугана от похвальных и полезных занятий. Думаю, весь комплекс досадных недоразумений будет нами улажен самостоятельно... Ни на минуту, — упрямо продолжал он, — не сомневаюсь в том, что наш малый каботаж в школу с уважаемым Гафуром Рахимовичем увенчается, к нашему обоюдному удовольствию, полным торжеством справедливости, ибо я исхожу из презумпции невинности всех сторон, задействованных в конфликте... Вот увидите: Мانتюша все поймет правильно. Он у меня умница!

Я испуганно отшатнулся. Динэр Петрович мастерски умел из слов-кирпичей прямо перед глазами собеседника воздвигать незримую, но прочную стену. Если бы еще и зримую — стал бы по праву лучшим каменщиком города, да, к тому же кладущим стены не мастерком, а языком, и притом без всякого раствора. Сказка! Вот кому за ночь сказочные мосты стелить, города возводить. Прямо старик Хоттабыч!.. Да, а кого это он назвал под конец Матюшей? Уж не директора ли? А ведь точно! Вот дает! Мانتюша... Будто наш Леопард Самсонович — младший продавец в его то ли суперпакете, то ли суперракете... Одним словом, в магазине.

Но вспомнив, как только что ловко витийствовал Динэр Петрович, уговаривая отца не брать меня в их компанию, я вдруг испуганно подумал: а ведь такой дрессировщик из слов не только стенку построит, но и хлыст сошьет. Такой и леопарда научит быть кошечкой.

**Как говорит Акрам — «Ветер с характером и в стакане цунами организует!»
Еще он говорит — «У хорошего капитана паруса сами надуваются». И еще — «Для владыки морей Нептуна и кит — пескарь, и пескарь — кит».**

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ С ПАПой

Мне снова оставалось ждать... Чтобы как-то скоротать время я первым делом пробрался к папиной полке со всевозможными словарями. Требовалось найти и узнать значение слов, которые из уст Динэра Петровича я сегодня услышал впервые. Слова эти были, и впрямь, диковинными — «презумпция», «супермаркет», Меркурий... Они не давали

мне покоя. Я находил их, и слова становились маяками — помогали мысленно снова проплыть весь путь состоявшегося разговора, чтобы вернее понять его.

Я еще ковырялся в словарях, когда появился огорченный Борька Самохвалов.

— Не думал, что ты такой трус, — процедил он.

— Что ты хочешь этим сказать? — вспыхнул я.

— Ты же не захотел сказать директору, что не виноват, смолчал. Шакала с Ромкой что ли испугался?

— Никого я не испугался. Мне уже надоело объяснять. Сейчас папа пошел в школу, и Ромкин, кстати, тоже. Разбираться будут.

— Ясно! — усмехнулся Борька. — Игроки сели на скамейки штрафников, а тренеры вышли в поле. Я их сейчас обоих видел, Леопард Самсоныч их мирил. Умора!

— Мирил? — удивился я. — Да врешь ты, наверное.

— А вот и не вру, — с обидой выпалил Борька. — Меня к директору с шестого урока вызвали. Захожу, а они там...

— Погоди, а зачем тебя вызвали?

— А затем! Леопард Самсоныч уже все знает. Ему твой папа рассказал, а я подтвердил.

— Все подтвердил? — сощурился я.

— Конечно, все!

— Значит ты — врун! — заключил я. — Ты только про приз знал, а про зоокабинет я тебе сам рассказал. И вот... Тут еще одна история.... Ты вообще о ней не знаешь. Словом, Сиропов звонил. Говорит, кто-то на телеге в редакцию прикатил и на меня пожаловался. По телефону... Уверен, что Суровцевы. Но самое смешное — жалобу подписал юнкор Игрек. Представляешь?

— Игрек?! — ахнул Борька. — По телефону?

— Он самый.

— Понимаю! — глубокомысленно протянул Самохвалов. — Точно — Ромка с Катькой! Придется нам теперь избавляться от Игрека.

— В смысле?..

— Больше не будем так подписываться, мало ли есть других слов.

— Вот чудак! — рассмеялся я. — Ты ничего не понял! Они ведь когда так подписывались, — и вовсе не знали, что Игрек — это мы с тобой. Просто знают они — еще с конференции, — что Сиропов слышал такое имя в нашей школе, — вот и решили, что так он скорее поверит всему. Усёк теперь?

Самохвалов вздохнул.

— Высшая математика!

— Футболку жалко небось? — спросил Борька. — Сильно он ее порезал?

— Так... — я жестом вспорол воздух перед собой, будто раздевал расфранченный скелет, как это сделал в школе Леопард Самсонович, — Пусть теперь футболку Катька жалеет — ее вещь порезана, а не моя. Так ведь? Леопард, видимо, и ее вызывал? Вызывал ведь?

— Еще бы!

— А что она сказала?

— Спроси у нее сам. Ее после меня вызвали. Так она, не поверишь, шубу свою новую зачем-то надела — будто ее не к директору зовут, а к рефрижератору.

— А Ромку?.. Шакала?..

— Не знаю.

— И Катька тебе ничего после этого не сказала?

— Сказала... Сказала, что которых завидки берут — те и жалуются. Только, говорит, фигурки что ей будет.

— Она что же — директора не боится?

— А чего ей директора бояться. Директор — не моль, шубу не съест. Она еще чего-то там сказала — про какую-то стенку и краску. Но я ничего не понял. Да мне, честно говоря, и разговаривать с ней было неохота.

— Но почему ты решил, что Леопард их мирил?

— Еще бы! — засмеялся Борька. — Я сам обалдел... Он нашу бутылку открыл. Рюмки полненькие стояли, я видел.

— Папа тоже пил?

— Почем я знаю — кто пил, кто не пил. А рюмки стояли, я их заметил. А бутылку Леопард в корзину для бумаг бросил. А что было потом — не знаю.

Ну, Борька! Целый день был в школе, а толком так ничего и не выведаль. «Зашел»... «Увидел»... «Не знаю»... А еще — Игрек! Хотя, если по-честному, пол-Игрека, Ведь остальные «пол» — это уже я.

Папа с мамой пришли вместе. Я приготовился к новой атаке, но, на удивление, они и не собирались меня ругать. Даже мама. А папа взъерошил мне чуб и сказал:

— Все в порядке. Я все уладил. Можешь завтра идти в школу. Ты доволен?

Я промолчал.

Мама достала из сумки листок и протянула мне:

— Держи. Уроки на завтра. Я записала...

...В ту ночь мне приснился странный сон. Сначала приснился сердитый Сиропов. Будто я позвонил ему и сказал:

— Примите срочную телефонограмму от юнкора Игрека. — И продиктовал: «Общественность школы возмущена поступком Хурсанда-бобо, который до сих пор не ликвидировал игровой автомат «Кран».

— Заметку печатать не будем, — зевая, ответил Сиропов. — Тема — серьезная, пусть ею взрослые газеты занимаются. Ты бы лучше написал, как ваши тимуровцы шефствуют над аксакалом, помогают ему.

— Есть! — доложил я. — Будет сделано.

И вот уже весь наш отряд, с Мартой Борисовой в голове колонны, идет с лопатами и кетменями наперевес на трудовой десант — корчевать игровой автомат. Но что это: там уже вовсю орудуют Ромка Суровцев и Шакал. Взломав стекло, они пылесосом Натальи Умаровны вылавливают все: призы подряд.

— Коньяк ищут! — шепчет мне Борька Самохвалов.

Тут дружки замечают нас и вдруг начинают бегать за нами со своим прожорливым пылесосом, и этот их ненасытный питон, не пережевывая, заглатывает наших объятых ужасом друзей. Вот и Борька, обессилев, бесследно пропадает в глухо урчащей утробе, и дружки гонятся уже за мной одним. С бешено колотящимся сердцем я подбегаю к школе и взбираюсь на крышу, чтобы сбить толстенную сосульку над окном кабинета зоологии. «Если метко швырнуть сосульку, — лихорадочно рассуждаю я, — да так, чтобы ее проглотила эта стальная утроба, авось пылесос и подавится!

Не тут-то было! Наталья Умаровна, просунув в форточку указку, пытается сбить меня с крыши — будто я стал вдруг опаснее сосульки, хотя и не собираюсь падать на головы прохожих. Что же делать?

И вдруг я слышу внизу призывный и такой знакомый клич:

— Му-у-у!

Да это же корова Киса! Из Катта-Каравана! Она!.. Киса жалобно смотрит на меня и, кивая головой, как бы приглашает:

— Му-у-у-жайся! Я тебя сейчас с этой крыши сни-му-у-у! — и я вижу, как Киса, перебирая копытами, пытается подняться ко мне — по скользкой водосточной трубе.

— Погоди, Киса! — кричу я. — Я сам! — и, смело оттолкнувшись от края крыши, я словно обретаю крылья и плавно лечу вниз и опускаюсь на теплую широкую спину терпеливо поджидающей меня Кисы, тотчас же взвившейся на дыбы и понесшей меня со школьного двора. Но уже у самых ворот — новая заминка. Закрыт контрольный автомат.

— Скорее бросай пятак! — взревела Киса. — Сейчас догонят... Гляди — уже скачут за нами, — и, оглянувшись, я вижу, что полку Ромки и Шакала прибыло — впереди них бегут, целя в нас с Кисой указки — словно пики — оба скелета.

Но что это! Из будки выбегает владелец турникета дядя Сидор Щипахин и кричит:

— Не нужен мне ваш пятак! Плату принимаем частушками. Или пойте, или — назад.

И тут Киса, не дожидаясь меня, промычала сольный номер, будто его нашептал ей на ухо знаменитый пионер-акын Рудик Крякин:

На горе стоит му-у-станг,
Бьет копытом звонко.
По какому такому-у-у праву
Му-у-учаю ребенка?

— Годится! — засмеялся Щипахин и показал Кисе большой палец: — Ого, отлично, цистерна, спела!

Турникет со скрежетом втянул в себя ворота. Вперед, Киса! Ур-ра! И мы оставили

преследователей позади. Вперед, Киса, вперед!

Киса домчала меня до подъезда дома и промычала:

— Слезай, приехали! С тебя — футболка. За работу.

— Футболка? — удивился я. — Тебе-то она зачем?

— Не мне. Я Замире Артыковой обещала достать такую же — спасительнице моей. Затем в город и пришла, чтобы на молоко футболку выменять.

— У кого выменять, Киса? Она ведь только одна на свете и есть. Была моей, но я ее Катьке Суровцевой отдал. Так надо было... А сейчас ее порвали.

— Порвали — так зашей, — воскликнула Киса...

...И я проснулся.

За дверью — громкие голоса мамы с папой. В окне — уверенно спеющий рассвет. Я прислушался.

— Не буду я ее зашивать, — сказала мама. — Выброшу на помойку — и все дела. После всего этого я ее просто видеть не могу.

— Как знаешь, — устало сказал папа. — Но лучше Володьке отдай. Пускай сам решит, что с ней делать. Парень ведь напрасно пострадал.

— Ты совсем не думаешь обо мне! — раздраженно сказала мама. — Знаешь, каково мне вчера было... Ты только представь себе футболку на Кощее Бессмертном и одновременно — эту бутылку в портфеле. С ума можно было сойти! Кто пострадал — так это я.

— Ну и жук! — недобро засмеялся папа. — Они с вашим Леопардом Самсоновичем, оказывается, уже давно вась-вась. Я это сразу понял.

— Обнялись, что ли? — удивилась мама.

— Не то чтобы... Но только Суровцев и слова-то директору сказать не дал, так сразу и спросил — с хохотком, разумеется:

— Красочка не жидковата? Мои башибузуки-экспедиторы по дороге лимонадом ее не разбавили? — Он, оказывается, неделю назад две бочки краски прислал — на ремонт.

— Жить умеет, — вздохнула мама. — Кстати говоря, мог бы и сам попытаться сделать что-нибудь для школы. Неужели тебе все это не обидно?.. И для дома — тоже... Гляди, какой у нас телевизор. Это же вчерашний век. Наш ребенок ничего не видит. Ему же развиваться надо, а у тебя до дома все никак руки не дойдут. Я же не говорю: давай японский. Ну можно ведь когда-нибудь немного подумать и о себе.

— Подумаешь — японский... — хмыкнул папа, но только как-то не очень уверенно.

— Я бы тоже не отказалась, — зло возразила мама.

Папа промолчал. А мне почему-то стало жалко его. Зря мама так про телевизор сказала. Зачем ей японский или даже марсианский! Она-то его вообще не смотрит — с ее-то вечными тетрадками, которые сто лет будешь проверять, а все равно не проверишь. Я потянул дверь, вышел к ним.

— Проснулся?! — бодро спросил папа. — Молодец! Давай сегодня в школу, и чтобы без всяких приключений. Вопросы есть?

— Есть вопросы... — сказал я и задохнулся от собственного голоса, а больше — от того, что собирался сейчас спросить. Но все-таки спросил:

— Пап... Только честно... Ты вчера... Там... Ну, в общем, выпил свою рюмку или нет?

Папа развел руками:

— Откуда такие сведения? Секрет фирмы? Ну что ты... Ты же знаешь, что мне сейчас нельзя. Желудок. Любимая язва пошаливает... — и, щелкнув меня по кончику носа, засобирался на работу и вскоре вышел к просигналившему ему шоферу.

Мама возилась на кухне, готовя мне завтрак. Я вышел к ней, и, помявшись, спросил:

— Мам, а ты как думаешь?.. А если бы было можно? Если бы не желудок?

— Вот еще! — отвернулась мама. — У владельца желудка и спрашивай. Я-то тут при чем?.. И не лучше ли плохой мир, чем хорошая война?..

Вот и попробуй после этого вызвать родителей на обратную связь! Наверное, космонавтов — и тем проще. Конечно: для этого есть Центр управления полетами. Сидят в зале двести человек, на экран поглядывают и на вопросы одного любопытного отвечают. Вот бы еще и Всесоюзный Центр по Срочным и Честным Ответам на Детские вопросы организовать. Посылаешь открыточку, а назад тебе ответ. И не надо родителям жизнь отравлять. Красота! Такую идею можно и Сиропову предложить...

Как говорит Акрам: «Не докучай капитану — ему море вопросы задает». И еще: «Шторм всех переорет; в шторм полезнее всего язык к зубам принаготовить а разговаривать руками».

«ПОКОРМИТЕ ШУБУ, КЭТ!», ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ЛАЙ МОДЫ

Шуба Кэт Суровцевой не давала нам покоя — уж больно она ею фасонила. Даже десятиклассницы — и те с завистью поглядывали на ее «Ламу» и просили померить.

— Мама говорит — это сейчас самая громкая шуба, — сказал Борька. — Один воротник больше холодильника стоит.

Борька захохотал:

— Точно!

— А продукты — пусть в шубе лежат, раз у нее один воротник дороже холодильника.

— Слушай! — вскричал я. — А знаешь, почему она к директору шубу надела?

— Известно — покрасоваться.

— А вот и нет.. Нет, в смысле, и это тоже. А главное — боялась оставлять без присмотра. Понял?

— А точно! — заулыбался Самохвалов.

— Слушай, ей же для одной только шубы сторож нужен. Можно, как на машине, автосторожа поставить. Только кто шубу тронет — она тут же сама заорет. Или — в милицию сдать, на охрану. В смысле — сигнализацию установить! — расходился я уже вовсю. — Можно и собаку к ней привязать — пусть караулит.

— Слушай! — Борька зачарованно приоткрыл рот, явно восхищаясь пришедшей ему в голову идеей. — Давай мы ей живую шубу организуем!

— Это каким образом? — спросил я, плохо соображая куда клонит Борька.

— Ты же сам говоришь, — ей собака нужна.

— Ну и что с того? — меня начинала раздражать глубокая таинственность, с которой Борька любил подавать свои идеи. — Если что придумал — толком выкладывай.

— Ну так слушай!.. — зашептал Самохвалов и наклонился ко мне.

Пес Пирамидон в борькином подъезде поселился с декабря.

Пудель был приبلудным. Кто-то из жильцов массива, уезжая, оставил собаку на улице, и Борька, увидев голодную скулящую собаку, привел ее к себе. Мама наотрез отказалась взять собаку.

— Только через мой холодеющий труп! — твердо сказала она. — Ее надо сдать в зоопарк. И то, если возьмут. Гляди, она же с брачком — кривая на левый глаз,

— В зоопарк собак не берут, — возразил Борька. — Если бы мы сдали туда анаконду или хотя бы крокодила — вот тогда другое дело.

— Все правильно! — закричала мама. — Дай тебе волю — ты и крокодила домой принесешь. Лучше бы думал, как к концу полугодия принести пару пятерок.

Наверное, Борькину пятерку его мама ни за какие деньги не отдала бы в зоопарк.

Пуделя покалечил из рогатки Шакал. На спор с Ромкой Суровцевым он выстрелил в собаку урюковой косточкой и угодил в глаз. Позже, по милости Шакала, лишился бедняга Пирамидон и кончика хвоста... Однажды Шакал подкрался к спящему Пирамидону и осторожно, чтобы не разбудить пуделя, сунул хвост собаки в банку из-под тушенки, где заранее развел эпоксидную смолу. К утру кончик хвоста Пирамидона намертво вмерз в застывшую смолу — как муравей в янтарь. Хвост Пирамидона с колотушкой на конце мигом отяжелел, пудель волочил за собой его, словно обессилевший бурлак баржу. Ах, если бы

Пирамидон мог хоть разочек изловчиться и хлопнуть этой колотушкой по лбу Шакала!.. От банки-капкана пса избавили в ветлечебнице.

Шакал так покурочил Пирамидона, что даже всеядный Сидор Щипахин, прилежно подбиривший повсюду мало-мальски пригодные вещи или их части — даже гайки или пружины — и тот равнодушно прошел мимо ничейной собаки, явно посчитав ее абсолютно непригодной в хозяйстве.

Для пуделя сыскалось место в подъезде: он облюбовал новенькую ванну, которую Самохваловым недавно привезли из жэка. Дело было так... Мама еще прошлой весной дала заявку на новую ванну, взамен разбитой. Но привезли ее лишь в ноябре, и ремонт отложили до новой весны. Ванну грузчики оставили в подъезде, в ней-то и решил Борька поселить собаку.

В ванне пуделю было хорошо. Борька набросал в нее старых тряпок, чтобы собака не мерзла.

А как пудель привязался к Борьке — и не передать! Чуть завидит его, и с истошным визгом летит навстречу, вращая хвостом, как вертолет. Того и гляди — взлетит. Борька научил пуделя ходить на задних лапах, приносить брошенный предмет и выполнять команды «голос!» и «замри!» Команду «замри!» пудель выполнял гениально. Однажды в январе Борька забил тревогу: пропал Пирамидон. Облазили весь двор — нигде нет. Борька страшно расстроился: неужели выбежал на скользкую дорогу и угодил под машину?.. Когда мы зашли в его подъезд, я бросил взгляд в ванну и увидел, что Пирамидон преспокойно лежит и жалобно смотрит на нас.

— Вот он, — показал я. — Заболел, наверно.

Пирамидон не шевелился. И тут Борька хлопнул себя по лбу:

— Вот балда! Это же я сам сказал ему «замри!», когда утром шел за хлебом. На улице холодно, подумал, что простудится... Вот он, получается, так и лежит, ждет отбоя.

...А мама его все ворчала:

— Откуда только взялся этот пес! Удружил, сыночек! Знает, что мать с больной головой домой приходит — так теперь еще и собаку завел. Видимо, вместо пирамидона.

Так прилипла к пуделю новая кличка — Пирамидон. Он-то и навел Борьку на мысль разыграть Катьку. Выждав, когда Суровцева вышла во двор со своим диктофоном, Самохвалов подплыл к ней, отвел в сторону и с самым невинным видом спросил:

— Не подскажешь, кто живую шубу ищет?

Суровцева, конечно же, сразу округлила глаза, в которых затеплился костерок:

— Что за живая шуба?

— Да ты что! — жарко задышал Борька. — Я у тебя спрашиваю, потому что у нас во дворе только ты в шмотках толк понимаешь. Эти живые шубы, в смысле — воротники, уже вся Европа носит... Последний лай моды. Неужели ты ничего не слышала? Все звезды Голливуда давно себе эти живые шубы завели, а с экрана они прямо на улицы и шагнули. Они, конечно, не совсем живые, но — будто! У них внутри всяких транзисторов — жуть сколько!..

Катька, которая постоянно приносила в школу журналы мод, решила не терять марку:

— Слышала, как же! Только не видела пока.

— И не могла видеть! — поднял указательный палец Борька. — Потому что такая модель воротника пока одна на весь город. Мама моя из Парижа привезла, с гастролей. Такого даже на «Узбекфильме» ни у кого нет пока... Целый институт над этим их воротником работал. Последнее слово техники! Видала фильм «Миллион лет до нашей эры?» Помнишь, мы на него всем классом ходили?.. Там разные динозавры ходят — как живые. Еще одно чудо техники. Внутри у них, вместо кишок, тоже одни транзисторы. Вот этот-то воротник в том же самом институте делали. Тоже от живого не отличишь — сама увидишь...

— Их ТЮЗ в Париж ездил? — восхитилась Катька. — Это — который, где Бельмондо?

— Тот самый, — подтвердил Борька. — Вчера вернулись.

— Как это вчера? — Суровцева с подозрением покосилась на Самохвалова. — А как же я позавчера была в ТЮЗе на спектакле? Ты ничего не перепутал?

— Вот чудачка! — нашелся Борька. — Ты же на дублеров ходила! А в Париж у них основной состав ездил. Кто ж дублеров в Париж повезет — сама подумай.

Легче пинцетом ртутный шарик поднять, чем ухватиться за скользкий Борькин язык. Был бы он длиннее метров на пять — лучшего катка зимой и не надобно искать... Медео, а не язык!

Катка поверила и загорелась, спросила вкрадчиво:

— Продать решила?

— Оставит, конечно. Но у мамы сейчас под него подходящего пальто нет. А воротник, сказали ей в Париже, носить надо — не то он испортиться может, залежаться. Его нужно обкатать, понимаешь. Как новенькую машину. Вот мама и хочет пока дать его кому-нибудь поносить, обкатать... А появится нужное пальто — тогда и заберет. Не станешь ведь молоток из золота отливать, чтобы гвозди лучше забивались.

За сочинение золотого молотка лично я бы, на месте Леопарда Самсоныча, распорядился поставить Борьке пятерку по литературе на две четверти вперед.

— А можно его посмотреть? — спросил Кэт, дрожа от любопытства.

— Тебе-то зачем? — холодно и расчетливо уронил Борька. — У тебя уже есть шуба.

— А живой нет! — в отчаянии воскликнула Кэт. — Подумаешь — лама. В ней уже весь город ходит. Борька, ну будь человеком — дай посмотреть на голливудский воротник, я тебе за это на два дня диктофон дам. Хочешь?

— Ладно, тащи какое-нибудь пальто без воротника. Так и быть — дам померить. А вечером попробуем маму уговорить, чтобы тебе обкатать доверила.

— Ты уж постарайся, Борюся! — заныла Кэт.

— Беги за пальто и сразу — ко мне. Я тебя буду ждать.

За их беседой я тихонько наблюдал со своего балкона, чтобы, увидев меня, Суровцева не заподозрила неладное. После проделки с футболкой она бы ни за что не поверила Борьке, если бы при этом я маячил где-нибудь поблизости. Но увидев, что все идет по плану, я открыл люк и через наши с Борькой «сообщающиеся подвалы» успел попасть к нему домой еще до того, как он отпер дверь ключом.

«Воротником» был, конечно же, наш пудель Пирамидон. С утра мы хорошенько искупали его с шампунем и, воспользовавшись тем, что Борькина мама, как обычно, ушла в театр на репетицию, оставили Пирамидона дома, чтобы нигде не вывалялся раньше времени. Сейчас же Борька, не мешкая, скомандовал Пирамидону «замри!», и пес послушно повалился на палас, зажмурив глаза. Борька поднял Пирамидона и, встав на стул, положил на заранее освобожденную верхнюю полку шифоньера. Подумав малость, он посыпал беднягу Пирамидона крупной дробью нафталина из пакетика и повторил:

— Замри! Лежать смирно!

Позвонила Кэт, и я юркнул в люк подвала, оставив маленькую щелку, чтобы потихоньку видеть и слышать все.

— Вот, принесла диктофон и пальто, — показала она. — Пойдет?

Борька критически оглядел Кэт и скривил губы:

— Не фонтан, конечно. Но на первый раз сойдет.

— Где твое транзисторное чудо? — спросила Кэт.

— В шифоньере. Сейчас достану... — и Борька, приставив стул, полез за Пирамидоном.

Пирамидон — вот умница — даже не пикнул, когда Борька, бережно держа пса на вытянутых ладонях, уложил его на стол и аккуратно сдул с него нафталин. Пирамидон почти не дышал.

— Уже пересыпали? — участливо спросила Кэт.

— Конечно. Моль побьет — кому тогда этот псевдобарбос будет нужен?

— Слушай! — восхитилась Кэт. — И точно как живой! Ну так на собаку похож — просто прелесть. А мех какой роскошный у этой собачонки!..

— Какая тебе собачонка! — заворчал Борька. — Обижаешь, начальник... Эта собачонка из соболя сделана. У них там мода сейчас такая — простые вещи делать из дорогих материалов. Маскируются! Чтобы бедных не дразнить... У них в магазине для миллиардеров одна пепельница миллион стоит, мусорное ведро — из хрусталя, а унитазы — с оптическим прицелом и прибором ночного видения. Такой и на ночную охоту в лес можно было бы брать, если бы еще и стрелял. Ясно? Вот так и воротник этот... Из французского соболя. Они только в этом... В Булонском лесу водятся!

— Как живой! — зачарованно повторила Кэт. — Ну прямо вылитая собака!

— Ты не бойся, потрогай, — милостиво разрешил Борька. — Этот воротник еще и теплый. Сам — теплый! Понимаешь? И как будто дышит. Электроника... Транзисторы... Чего только не напридумывали для этих проклятых капиталистов. Живой воротник... Ишь ты!

Катя Суровцева в онемении уставилась на красавца Пирамидона, не подававшего никаких признаков жизни.

— А как его носить? — спросила она, сгорая от нетерпения.

— Запросто, — спокойно сказал Борька. — Тут к воротнику специальные ремешки прилагаются, ободочки, завязочки... Сначала надеваешь пальто... — объяснил Борька. — Сверху кладется на шею воротник и прикрепляется. А чтобы не потерять воротник, нужно его, на всякий случай, держать руками за вот эти штучки, похожие на лапки.

С этими словами Борька положил бездыханного Пирамидона на шею и плечи Суровцевой.

— А тяжелый какой — воротничок! — ойкнула Кэт. — А теплый какой!

— Последнее слово техники, — сказал Самохвалов, кусая губы, чтобы не расхохотаться. — Так... Не шевелись... Сейчас мы его закрепим... — и Борька перекинул через голову Кэт ремешок, который был с двух сторон прикреплен к двум широким, как ошейник, ободкам. Их мы заранее надели на Пирамидона — так, чтобы ему было удобно.

— Ну, я пошла, — молвила Суровцева. — Представляю, что сейчас будет! — и она осторожно — чтобы привыкнуть к обкатываемой ноше — ступила за дверь.

Воротник, конечно же, имел успех куда больший, чем ее диктофон и моя футболка

вместе взятые. На Катю Суровцеву сбежался весь дом. Распахнулись окна. Поджав хвосты, разбежались кошки. Старушка со второго этажа над нами, которая целыми днями сидела в своей коляске у окна на балконе, перекрестилась и воскликнула:

— Батюшки вы мои! Конура ходячая!.. Тьфу!.. Тьфу! С нами крестная сила... — и она осыпала себя градом крестных знамений.

И тут Борька, приблизившись к «воротнику», шепнул ему на ухо:

— Голос!.. Пирамидон, голос!

Транзисторы «воротника», реагирующие только на голос Борьки Самохвалова, миг пробудили дисциплинированного Пирамидона от спячки, он открыл глаза, задергался и залаял.

Все захохотали, а старушка на втором этаже сжала ладонями щеки и выкатила глаза. Суровцева, оглушенная лаем Пирамидона, поначалу остолбенела, а потом, в ужасе, волчком завертелась на месте, визжа и пытаясь сорвать с себя пальто.

— Замри, Пирамидон! — шепнул Борька, карауливший, чтобы плененный Пирамидон вел себя прилично и, чего доброго, не покусал нашу модницу, только сейчас сообразившую, что ее жестоко разыграли. — Пирамидон вновь послушно превратился в воротник, и Катя, плача, отстегнула ремешок и, покинув пальто, бросила его на соседнюю скамейку и стала пинать беднягу Пирамидона, смиренно лежащего у изголовья пальто, зло приговаривая:

— Вот тебе, псина голливудская!.. Вот тебе, соболь булонский!..

Борька схватил Суровцеву за руку, с трудом оттащил от скамейки, освободил Пирамидона и приказал ему ожить.

Хохот не унимался.

Борька поднял со скамейки пальто, протянул все еще не пришедшей в себя Суровцевой:

— Держи свое пальто. Обкатывай дальше.

И добавил со смехом:

— Ты, оказывается, с таким воротником обращаться не умеешь. Кишка тонка. Его сперва покормить надо... Вынесла бы шубке своей колбаску, косточку мозговую — вот она бы на тебя и не бросилась. Шуба — она тоже ласку любит. А против шерсти ее — ни-ни!

Топнув ногой и размазывая слезы, Суровцева умчалась в свой подъезд, бесславно унося пальто и оставив нам довольного случившимся Пирамидона.

Ну и артист, наш Пирамидон! Как блестяще сыграл он свою роль! Жаль, мама Борьки Самохвалова всего этого не видела. Может быть, она, наконец, уважала бы Пирамидона и позволила бы Борьке пустить в дом такого дисциплинированного коллегу-актера, прозябающего в подъезде.

Но как говорит Акрам — «Чтобы полюбить и понять море, его надо сначала увидеть».

«ДЕРЖИТЕ ДОБЫЧУ И ВОЙДИТЕ В КАДР!»

Кэт убежала, оставив нам Пирамидона и диктофон. Понимая, что сейчас она вернется за диктофоном, пришлет за ним маму или брата Ромку, мы положили диктофон в Борькин портфель и отправились в редакцию — к Сиропову. Я не забыл своего обещания - приехать и объяснить. Теперь уже это было вполне возможно.

Сиропова мы встретили у лифта. Он был в новеньком синем вельветовом костюме и сиял от удовольствия. В руке он держал сетку с огромным бумажным свертком, из которого

выглядывал кончик знакомого нам уже сироповского свитера.

— Привет, старички! — закричал он, обнимая, нас обоих разом. — Ну, Игреки, даете жару! До сих пор не могу в себя прийти...

Створки лифта раздались в стороны, и мы шагнули в огромный, почти как кабинет, лифт. В такой поставь стол и телефон — вполне работать можно.

Сиропов отпер кабинет и пропустил нас вперед:

— Прошу, братцы-кролики!

Закрыв за нами дверь, он принялся хохотать. Мы недоуменно переглянулись. Что такое? Может, случилось что-нибудь? Только для печали он слишком весел...

— Видали?! — спросил Сиропов и широко развел полы пиджака. — Как смотрюсь?

Мы промолчали, ничего не понимая.

— Хороший... костюм... — выдавил Борька. — Синий.

— Синий! — засмеялся Сиропов. — Скажешь тоже — синий. Чулок — и тот синий бывает. А это же — вельве-эт! Понимаете, вельвет! Фирменный! Сказка! Только что купил. Вот спасибо!

И чего он вдруг говорит нам «спасибо»? Не понятно... Мы не верили своим ушам. Уж не двоюродный ли он брат Катьки Суровцевой — этот Олег Сиропов? Больно похожие у них слова. Но главное удивление ждало нас впереди. Я хотел было рассказать обо всем Сиропову, но он замахал руками.

— Ничего не надо говорить, я уже обо всем знаю.

— Вы все же позвонили Леопарду Самсоновичу? — спросил я.

— Ни Леопарду, ни тигру, ни лошади Пржевальского я не звонил, — сказал Сиропов. — Можешь не волноваться. Твой обидчик мне сам нанес звонок вежливости. Игрек мне звонил, тот самый, что ту телеграмму передал.

— И кто же это был? — не выдержал я. — Ромка?.. Катя?..

— Не знаю точно кто. Но шутка вышла презабавная. Позвонил и говорит: «Телефонограмму бросьте в корзину, все это был просто розыгрыш. Пристрелка перед первым апреля. А сами загляните до закрытия магазина к моему товарищу, он остро нуждается в творческом собеседовании с вами. Посоветоваться хочет. Есть у них какое-то любопытное обращение к ребятам. Хотят его через газету до сведения ребятни довести. А заодно, чтобы не зря до них прогулялись, — помогу сделать женщинам редакции отличный подарок, совсем дешево будет стоить».

Я, понятно, обрадовался. Шутка ли — праздник на носу, а я так и не придумал, чем бы женщин порадовать. Беру адресок магазина и — вот, напрямик оттуда!

— И что за подарки?

— Подарки? — Сиропов захохотал. — Вот они — подарки. В лице этого самого костюма. Ну, шутники! Ловко придумали... Слушайте. Прихожу я в магазин и нахожу товарища того шутника. Динэр Петрович зовут.

Мы с Борькой переглянулись.

— Он мне и говорит... — продолжил Сиропов. — Могу, говорит, предложить импортный вельветовый костюмчик за всего ничего. По своей цене. Не костюмчик — голубая мечта журналиста! И тут я, братцы-кролики, честно говоря, малость опешил. Ничего себе — подарочки женщинам. Это же мой личный годовой бюджет нужно в магазине оставить.

— Не-е, — говорю. — Не пойдет. Я лучше в гастрономе торт куплю — пусть с чаем съедят за свое здоровье.

Так ему и говорю. А он — хохотать.

— Вы, — говорит, — меня не поняли, молодой человек. — Костюмчик этот — для вас лично предназначен. Не хотите ли взглянуть?

И объясняет... Нет, вы только послушайте, как он это дело объясняет. Он мне говорит так:

— Наденете костюмчик — и всем женщинам будет приятно на вас смотреть. Разве же это не подарок для всех них? И цена — прекрасная. С рук вы за такой два номинала отдадите.

Глянул я на костюм и обомлел. Действительно, мечта! Но у меня с собой денег таких не было. И что же вы думаете? Так мне отдал. Деньги, говорит, потом занесете. Друг моего друга должен в женский праздник выглядеть как огурчик. И вот — прошу любоваться. Прямиком из магазина в нем пришел. Чудеса прямо! Сейчас в секретариат зайду — упадут.

— Не чудеса это, — мрачно сказал я. — Не чудеса, а Суровцев.

— Суровцев?

— Динэр Петрович. Вы же сами его назвали. А про товарища — это все его враки. Сам он вам звонил, сам. Чтобы замять всю эту историю.

— А никакой истории и не было! — строго и холодно заметил Сиропов. — Просто я по делам в магазин, а заодно костюм себе купил. За свои, между прочим, деньги. Сейчас возьму в кассе взаимопомощи и отнесу. Так что не надо говорить глупостей. И не костюм тут главное. Это — так, между делом. А главное — совсем другое. У них в детской секции товарооборот барахлит. Вот они и просят, чтобы газета им рекламу сделала. Фоторепортажик из секции, с небольшой подписушкой строк на двадцать. Как мамы и ребята радуются покупкам. Наглядная, так сказать, агитация.

И тут Сиропов просиял:

— Слушайте, Игреки, а почему бы вам самим это не сделать! Идея! Даю задание пойти в магазин. Решено!

— А фотографировать кто будет? — растерянно протянул Борька, явно не готовый к такому повороту.

— Фотографа к вам пристегну. А с вас — подписушка. Это даже лучше, если напишет не взрослый, а юнкор. Убедительнее будет. Ну что, пойдете? Или Маратику поручить?

Сиропов хлопнул меня по плечу:

— Соглашайтесь, Игреки, пока я добрый. Прямо в номер репортаж заявляю. Сразу дебютируете. Пора уже. А то разговор у вас на доллар с полтиной, продукции — на цент с копейкой. Ну что, беретесь или нет? В редакции иногда меня, честно говоря, не понимают. Но с вами-то, надеюсь, столкнемся?

Я подмигнул Самохвалову и произнес:

— Ладно, беремся. А где фотограф ваш?

— Вот это другой разговор! — повеселел Сиропов. — Сделайте подписушку, а заодно и помириться. Правильно говорю?..

Я кивнул и, не удержавшись, вспомнил папины слова:

— Лучше плохой мир, чем хорошая война.

— Хвалю! — просиял Сиропов. — Кажется, вы что-то начинаете понимать. Звоню фотографу.

Сиропов покрутил диск телефона и спросил кого-то:

— Макс, ты? Проветриться не желаешь? Да фоторепортажик надо соорудить. Прямо в номер. Тут рядом... Ага, давай запирай лабораторию — и ко мне. Старик, мне очень надо...

Положив трубку, Сиропов велел нам подождать и выскользнул из кабинета. Он вернулся минут через пять и протянул мне конверт:

— Передадите Суровцеву. Здесь деньги за костюм.

Он еще раз любовно оглядел себя:

— Каков, а?! Я же говорил вам, что женщины ахнут. Даже неприступная Сонечка — она у нас председатель кассы взаимопомощи — и та растаяла и достала ключ от сейфа.

В кабинет вошел парень в кожаной куртке с огромной квадратной сумкой. Он будто сундук нес на ремне, перекинутом через плечо.

— А вот и Макс! — объявил Сиропов и коротко объяснил ему задачу, сообщив, что фотокорреспондент Макс назначается главой творческой бригады, а мы с Борькой — приданное к нему подразделение.

Я хотел было спросить у Сиропова — будет ли напечатана задуманная им страница в помощь министру, — но тут зазвонил телефон и, подняв трубку, Олег мигом преобразился. Расплывшись в улыбке, он стал шарить рукой по столу, ища ручку.

— Крякина звонит, — шепнул он нам и замахал рукой. — Идите, мол, не теряйте времени. Крякина — это надолго.

— Понимаю, — вздохнул я. — Операция «Частушка...»

Макс был удивительно грустен и молчалив. Он не проронил ни слова, не задал Сиропову ни одного вопроса. И только, выходя на улицу, вздохнул:

— Ох, как мне все это... — и замолчал.

Ах, если бы Сиропов только знал, что и нам с Борькой тоже...

У входа в магазин мы вплелись в поток покупателей, влились в огромные ворота со стеклянными створами и сразу же подошли к кассиру из секции, где продавали холодильники.

— Как нам найти коммерческого директора? — спросил я.

— Динэра Петровича? — с готовностью подхватил кассир. — Поднимитесь на пятый этаж, и — справа по витой лесенке, напрямик к нему.

С Суровцевым мы столкнулись нос к носу на этой самой витой лестнице. Она, как штопор, вонзилась в крышу магазина и, казалось, хотела откупорить магазин, как бутылку.

— Опять ты? — огорчился Динэр Петрович. — Да хотя бы на работе могу я не слышать о тебе? Пристал, понимаешь, как банный лист. Чего тебе здесь? Вроде бы обо всем вчера договорились. Объяснились, поладили... Разве тебе батя не сказал, что все в порядке?

— Вот, держите, — угрюмо сказал я и протянул ему конверт.

— Что за письмо? — удивился Суровцев.

— Деньги это. Олег Сиропов просил передать.

— А вы от него сейчас?

— От него... Вот, к вам прислали, с заданием.

— С каким еще заданием? — холодно полюбопытствовал Суровцев.

Тут в разговор включился Макс, и Динэр Петрович развел руками:

— Ну, Сиропов! Я думал — серьезный он человек, а он — гляди кого прислал. Мелюзгу.

Я поглядел на него исподлобья:

— А вам кто был нужен? Шекспир, что ли? Макс сфотографирует, а мы заметку напишем — чего тут особенного. Где ваша секция, ведите.

Динэр Петрович, конечно же, пока ничего не знал о нашей утренней проделке с Пирамидоном, иначе попросту спустил бы нас с Борькой с лестницы и выставил из магазина, наказав всем продавцам не подпускать нас и на пушечный выстрел. Но весть о живом воротнике ждала его только вечером, и поэтому сейчас он, чертыхаясь, повел нас в детскую секцию. Макс сразу же обрел деловитость. Он поставил на пол свой сундук, извлек фотоаппарат и принялся ходить по секции, что-то высматривая.

— Что вы ищете, молодой человек? — полюбопытствовал Суровцев.

— Точку ищу, — сухо бросил Макс. — Точку съемки. А вы пока готовьте объект.

— Объект? — переспросил Суровцев. — Это кого же, если не секрет?

— А кто будет в кадре работать? — ответил Макс вопросом на вопрос. — Покупателей готовьте.

— Ах, вот оно в чем дело! — обрадовался Суровцев. — Это мы быстро! — и он бросился вслед за выходящей из секции мамашей с малышом лет шести.

Борька Самохвалов, ухмыляясь, сунул руку в сетку, где у него был Катькин диктофон, и зачем-то подмигнул мне.

— Мамаша! — кричал Суровцев. — Одну минуточку!

Покупательница обернулась. Суровцев призывно помахал рукой:

— Вернитесь, пожалуйста. Нам без вас не обойтись.

— А что, собственно, произошло? — разволновалась она. — Мы ничего не купили.

— А жаль... жаль... — пожурил покупательницу Суровцев. — Вы зачем к нам наведались?

— Костюмчик хотела сынишке.

— Не купили?

— А чего здесь у вас брать? — сердито бросила покупательница. — В этой амуниции только воспитательницу пугать. Да Мишку моего и в детсад-то не пустят в таком. Виданное ли дело — ребенка пугалом вырядить. — С этими словами покупательница сняла с вешалки ярко-красный с черными кругами костюмчик и, презрительно поджав губы, повертела им перед Самохваловым:

— Этот мухомор прикажете покупать? Извините... — и она повесила костюмчик обратно.

— Значит, решили уйти без добычи? — заулыбался Суровцев. Похоже, ему пришлось по душе гневные слова мамыши о товаре. — А тут товарищи из газеты пришли, хотят познакомить читателей с работой секции.

— Я-то тут при чем? — удивилась мамаша.

— Сфотографировать бы вас надо, — льстиво говорил Суровцев. — И вас, и вашего чудного малыша. Товарищи целое кино придумали. Мальчуган наденет костюмчик — новинку местной фирмы, а вы остановите на нем восхищенный взгляд. — С этими словами Суровцев обернулся к фотографу:

— Я правильно излагаю сценарий?

Макс громко щелкнул пальцами, прищурился и едва слышно процедил:

— Нормально, Пусть пацана оденет, будем снимать.

— Вот еще! — мамаша передернула плечами. — Делать мне, что ли, нечего? С какой такой стати? Сами одевайтесь, если вам надо. Пошли, Мишаня!.. — и, схватив мальчика за

руку, она хотела уже покинуть секцию.

— Да погодите же вы! — сердито выкрикнул Суровцев. — Сейчас мы вам пропишем настроение, — и он строго приказал заведующему секцией:

— Покажите мамаше то, что им нужно. Вы меня поняли?

— Из первой партии? — растерянно спросил тот, смеривая взглядом мальчика.

— Давайте для начала из первой, — согласился Суровцев, и завсекцией нырнул за ширму и тут же вынес целлофановый пакет и передал его Суровцеву:

— Этот пойдет?

— А вы у мамы спросите, — ухмыльнулся Динэр Петрович. — А то она у нас больно нервная, — и Суровцев протянул пакет покупательнице:

— Держите добычу, пока я добрый, и войдите в кадр.

Увидев заветный пакет, мамаша дернулась, опустила Мишку, выхватила пакет из рук Суровцева и мигом извлекла из него костюмчик.

— Ка-а-а-кая прелесть! — воскликнула она и, подбежав к Мишке, приложила к нему костюмчик.

Суровцев, посмеиваясь, терпеливо наблюдал, как дергалась осчастливленная им мамаша. Натешившись всласть нежданной покупкой, она вздохнула:

— Как раз о таком я и мечтала! Просто прелесть. Мишка завтра будет самый красивый на утреннике. Ну-ка, Мишаня, скажи нам, что завтра у вас в саду? — затормошила она мальчика, и Мишаня нараспев сказал:

— Мамин праздник.

Все ясно. К Восьмому марта мамаша делала себе подарок — костюмчик для сына, чтобы он был звездой утренника.

Суровцев решил напомнить о себе.

— Ну так что же, мамаша! — мягко сказал он. — Будем сниматься? Войдем в кадр?

— Конечно, войдем! — воскликнула мамаша. — Покажите, куда надо войти. Я сейчас Мишаню переодену... Ах, какая прелесть! — тараторила она. — Сплошной хлопок! Как я рада! — и она уже собиралась было упаковать Мишаню в обнову, как вдруг Суровцев остановил ее.

— Не спешите, мамаша! — мягко сказал он. — Этот костюмчик вы в сеточку свою положите. Вот так. Как говорится, благодарим за покупку. А фотографироваться будем вот в этом, — и он кивнул на «мухомор».

Мамаша растерянно хлопала глазами. Суровцев протянул ей «мухомор».

— Одевайте мальчика, и поживее — у товарища пленка прокисает.

Мамаша с готовностью закивала, поняв наконец, что от нее хотят, и быстро надела первый костюм на Мишаню.

— К зеркалу поближе давайте, — распорядился Макс. — И, пожалуйста, побольше умиления. Больше радости, мамаша, больше восторга на лице! Дайте улыбку крупным планом. Держите улыбку, далеко не отпускайте!..

Макс непрерывно щелкал — то взбираясь на прилавок, то почти ложась на пол. Бедная мамаша уже и улыбаться разучилась, а Макс все взбадривал ее, требуя все новых порций восторга.

Наконец пленка кончилась и Макс успокоился.

— Можете освободить кадр, — милостиво разрешил он.

Вконец измотанная съемкой, мамаша подняла усталые глаза:

— А Мишаню... можно... освободить?

— От чего освободить? — спросил Макс.

— От костюмчика этого, разумеется, — сказала она, с ненавистью стаскивая с Мишани «мухомор». Стянув, отдала Суровцеву и с надеждой в голосе спросила:

— Я свободна?

— Заплатите в кассу и — счастливого пути! — ответил Динэр Петрович и подошел к нам.

— Ну как, репортеры, дело сделано? — спросил он, улыбаясь. — Когда прикажете читать?

Я пожал плечами:

— По-моему, никогда.

— Что за шутки? — зло покосился на меня Суровцев. — Ваш старший коллега пленку израсходовал, а мы, со своей стороны, актрисе этой с сыночком организовали импортную штучку, чтобы в кадре ей было веселее. Что еще требуется?

— Правда требуется, — спокойно сказал я. — Не понимаю: зачем газете фоторепортаж про такого малыша. У нас же не «Веселые картинки» и даже не «Мурзилка».

Тут Макс изменился в лице и закричал:

— Задержите!.. Задержите их! Всё — брак!

Завсекцией, не задавая лишних слов, стремглав бросился к выходу, крича:

— Задержите женщину с ребенком!

Он бежал, расталкивая покупателей и простирая вперед руки с дрожащим указательным пальцем. Минуты три спустя он конвоировал обратно в секцию объект недавней фотосъемки. Женщина упиралась и возмущенно кричала:

— Безобразие какое!.. Позорят на весь магазин... Бегут как за воровкой... Да заберите вы свой импорт! Она нашарила в сетке только что купленный костюмчик, право приобретения которого они с Мишаней честно отработали, и с гневом всучила пакет Суровцеву. Динэр Петрович был невозмутим.

— Пардон, мамаша! — сказал он, источая высоковольтную улыбку. — Маленькое техническое осложнение. Товарищ фотограф просит уточнить некоторые детали.

— Какие, к черту, детали! — не выдержал Макс. — Все заново надо снимать. Это секретариат не пропустит. Юнкор правильно говорит: малец еще не учится, а мамаша уже школу закончила. Ерунда получается, надо что-то придумывать.

— Вот и придумывайте! — воскликнула мамаша, — Я-то тут при чем? Мне спешить надо.

— Да помолчите вы хоть минутку! — взмолился Макс. — Дайте слово сказать. Стыдно, мамаша. Тут, понимаешь, целая бригада работает, а им некогда. Некрасиво!

Пристыдив мамашу, он обернулся к Суровцеву и, показывая на стоящий у кассового аппарата красный телефон, спросил:

— Внутренний?

— Почему же, можно и в город выйти.

— Вы позволите?! — обрадовался Макс и, схватив трубку, стал набирать номер Сиропова.

— Привет, старик! — услышали мы. — Тут ерунда получается. Нужен твой совет, иначе секретариат зарубит. Понимаешь, есть пацан лет шести. Что с ним делать?.. Ничего не могу придумать... Какой игрек? Юнкор? А, юнкор?! Ну и что же у нас получится? Да-да-да! Все понял. Отлично придумано, старик! Сейчас сделаю. Чао-какао!

Бросив трубку, Макс довольно потер руки и стал оглядывать нас с Борькой, то и дело переводя взгляд на малыша. Наконец он хлопнул по плечу Борьку Самохвалова:

— Ты, пожалуй, больше похож. Хватай пацана — и скорее в кадр! Мамаша, одевайте объект.

Мишаня был готов через минуту. Макс тоже. Борьке и вовсе не нужно было готовиться. Ему, а заодно и мне, не помешало бы просто разъяснить, что задумали Макс с Сироповым. Я было заикнулся, но Макс недовольно скривился:

— Потом, старичок. Потом, потом... Мне через полчаса надо быть во Дворце пионеров. Время — кадры, понял? Мой девиз!

— Что делать-то с ним? — пробурчал Борька, ошеломленный натиском Макса.

— Все повторяем! — скомандовал Макс. — Делай вид, что примеряешь мальчику костюмчик и ужасно радуешься обновке для братишки.

Самохвалов испуганно глянул Максу в глаза, но тот замахал руками:

— Потом, старичок! Потом, потом... Ты пойми, это же — творчество! Художественное обобщение! Ладно, позже, в редакции, объясню. Да скорее же ты! — взмолился Макс. — Я же во Дворец пионеров опаздываю.

Отщелкав уже знакомый нам всем сюжет, Макс быстро уложил фотоаппарат в сумку и, махнув рукой, стремительно выскочил из секции, оставив нас с Борькой наедине с нашими намерениями.

Ушла и мамаша с Мишаней. Завсекцией водворял на место «мухомор».

Суровцев засмеялся:

— Вот и отлично! — сказал он. — Теперь, думаю, эти костюмчики веселее пойдут.

— Мухоморы? — спросил я.

— Они самые.

— А зачем их продавать, если они такие противные? И неправда это, что мамаша купила Мишане «мухомор». Неправда!

— Не твое дело! — зло и холодно отрезал Суровцев. — Тебя бы в мою шкуру — вот бы

поглядел я тогда, как бы ты запел, если бы тебе надо было свалить с собственной шеи эти костюмчики. Их мне восемь тыщ штук поставили. Ими на складе сто лет моль да крыс кормить можно, если не продать раньше. А кому продашь? Разве что слепому. Вот и приходится выкручиваться, идти на разные дипломатические штучки.

— Это чтобы больше слепых становилось, да? — спросил я. — Чтобы эти ваши «мухоморы» люди посчитали за опята или лисички, или даже — за белый гриб?

— Это у кого как получится! — усмехнулся Суровцев. — Покупатель — он же как малый ребенок. Не хочет ребенок каши, противно ему. А ты ему — сказочки под кашку подпусти, ловкую побасенку. Он тогда и не заметит, как проглотил кашку. Сложная это наука, и не вам, мальчикам, в нее вступать. Коммерция...

— А с Леопардом Самсоновичем у вас тоже была коммерция? — не выдержал я. — Вы ведь и ему «мухомор» подсунили.

— Что за чушь? — насторожился Суровцев. — Выражайся яснее.

— Пожалуйста! — согласился я. — Могу яснее. Ваш Ромка вон что в кабинете зоологии сделал. И коньяк он в школу приносил. Он! Больше некому, мы это точно знаем... И что же? Чуть на меня все не свалили. А когда мой папа все объяснил директору, Ромке все равно ничего не было. Ромка ваш — как «мухомор». Ему все можно. За него краской заплачено. И еще — стенка какая-то. Мне папа говорил... И в редакцию вы на меня жаловались, будто это все я...

Суровцев криво усмехнулся:

— Ну, акселераты! Во все нос сунут. А стенка — что? Он за нее денежки заплатил. А что помог ему раз добыть дефицитишко — так как же не причинить добро хорошему человеку? Не в моих это правилах. Мне ваш Мانتюш ничего дурного не сделал. И детей не обижал. Впрочем, чего я вам об этом толкую? Малы вы еще.

Суровцев глянул на часы и развел руками!

— Мне пора. Сиропову, шефу вашему, привет! А газетку пусть пришлет.

— Коммерция! — передразнил Борька Самохвалов Суровцева, когда мы спускались к выходу. — Вранье на постном масле. Ишь, как он ее одним костюмчиком актрисой сделал. Войдите в кадр... Войдите в кадр...

— А сам-то ты! — не выдержал я. — Сам-то...

Борька вздохнул:

— Ерунда какая-то... Понимаю, что ерунда, а ничего сделать не могу. И зачем Макс меня фотографировал — никак в толк не возьму. Как ты думаешь: что ему Сиропов по телефону сказал?

— Откуда я знаю. Я и сам ничего не понял. Ты же видел, как Макс спешил.

— Слушай! — подпрыгнул Борька и прямо-таки выхватил из моих рук сетку, которую дал мне подержать, когда «пошел в кадр» взамен мамыши, — Ты диктофон выключил?

— А кто его включил? — удивился я. — Ты, что ли?

— Ну! — и Борька нажал на черную клавишу. — Есть!

— Когда же ты его включил?! — восхитился я. — И — так незаметно... Ну, молодец!

— А как начался весь этот кинематограф — так сразу и включил. Просто так. Для смеха. Раз уж мы его взяли с собой, надо же было хоть что-то записать.

— А если не записалось? — засомневался я. — Давай проверим.

Выбежав из магазина, мы присели на скамейку, включили диктофон и сразу же услышали строгий голос: «Мамаша! Одну минуточку!.. Вернитесь, пожалуйста. Нам без вас не обойтись...»

— Суровцев! — расплылся в улыбке Самохвалов. — Попалась рыбка на крючок!

— Крючок, кстати, ему и принадлежит, — напомнил я. — Не забудь, что Катька уже караулит нас у подъезда, чтобы отнять свой диктофон.

— Вот и отдадим, — спокойно отозвался Борька.

— С кассетой вместе?

— Вот еще. Кассету оставим.

— Это по какому такому праву?

— Скажем, что хорошую музыку случайно записали. Перепишем, мол, и сразу кассету отдадим. С этой музыкой вместе...

Я засмеялся. Борькина идея — дать Динэру Петровичу кассету с записью всего, что было в магазине — пришлась мне по душе. Для этого ее и переписывать не нужно. Сказать только, что переписали, и все. Пусть трясется. Пусть думает, что есть еще одна запись.

— А как же заметка? — спросил Борька. — Подписушка, как сказал Сиропов. — Строк

на двадцать... Будем писать или нет?

— Надо позвонить Олегу, — сказал я. — О чем писать-то вообще. Про «мухомор», что ли?

— Слушай, а давай дадим ему послушать запись! — предложил Самохвалов.

— Сейчас, что ли?.. Поздно уже. В школу опоздаем.

— Ладно, — согласился Борька. — Кассету все равно сегодня Катке не отдадим. Пусть послушает Сиропов, кто его шикарным костюмом осчастливил.

— Взамен какого-нибудь «мухомора»! — прибавил я.

Как говорит Акрам — «Бумажный кораблик в одном лучше и сильнее океанского теплохода: умеет плавать в арыке».

ГРОЗА В ГОРАХ ПРОТИВ ЗЕФИРА В ШОКОЛАДЕ

У подъезда, вопреки нашим с Борькой предположениям, Кэт не оказалось. Не пришла она и на уроки.

— Это ее Пирамидон загрыз, — сказал Борька, — Воротничок наш Катку, видать, шибко напугал.

— Самохвалов, почему сегодня нет Суровцевой? — спросила Борьку Марта Борисова.

— А почему я должен знать об этом? — обиделся Борька. — У нее брат в десятом, пойди и спроси.

— Вы живете в одном доме — вот я и спрашиваю.

— Дом большой, — неопределенно протянул Самохвалов.

Можно было подумать, что его интересуют размеры дома, а не отсутствие Суровцевой.

— Сегодня же зайди к ней, — строго распорядилась Марта и узнай — не заболела ли...

— А почему я? — с вызовом протянул Борька. — Может, я с ней в ссоре, зачем же мне тогда ходить?

Марта была невозмутима.

— Вот и отлично! — сказала она. — Прекрасный повод помириться перед Восьмым марта! Дружба — лучший подарок!

Слушая Марту, улыбнешься поневоле. Если следовать ее логике, так всем мальчишкам нашего класса следовало не валять дурака, а недельки две назад найти повод крупно поссориться со всеми девчонками сразу — да так, чтобы не оставить им никаких надежд на примирение. И только в самый канун праздника объявить, что все это было с нашей стороны всего лишь милой шуткой и что мы снова великодушно позволяем им дружить с нами... Вот было бы великолепно! И — никаких забот о сюрпризах и подарках! И где была Марта со своими советами раньше?

— Ладно, — угрюмо проговорил Борька. — Зайду.

Видимо, он вспомнил, что все равно нужно будет возвращать ей диктофон.

Но на перемене неугомонная Марта пошла искать Ромку Суровцева и вернулась в класс с ошеломляющей новостью: Катка вовсе не больна, а собирается в дорогу — летит на один день в Москву!

— Интересно, зачем она вдруг Москве понадобилась? — спросил я.

— Подарок это такой, — объяснила нам Марта. — Ромка говорит, что папа вручил сегодня утром Кате с мамой билеты до Москвы и обратно. Дома конфеты кончились, а они очень любят зефир в шоколаде. Вот папа и решил сделать им праздничный сюрприз — пусть и по Москве денек походят, и свежие конфеты купят.

— Вот это класс! — не выдержал Борька. — Подарок века! Нарочно не придумаете. Это ж почему конфеты получатся?

— Смотря сколько коробок купят, — деловито рассудила Марта.

— Ну, штук двадцать, не больше, — решил за Суровцевых Самохвалов.

— По двадцать рублей, — выдала ответ Марта. — Примерно, конечно. Вообще-то не знаю, я в Москве не покупала.

— Ничего себе! — присвистнул Борька. — Да за такую цену конфету и в рот-то страшно взять. Это все равно что золотой ложкой манную кашу рубать.

— Вот-вот! — усмехнулся я. — Скажи еще — лакать газировку из бриллиантового стакана.

Марта пожала плечами:

— Ничего не понимаю. Ведь завтра у нас уроки, их-то никто не отменял. Что же, ребята, получается? Мы с вами... будем... будем...

— ...Двойки получать! — встрял Самохвалов.

— А Катя... а Катя... — продолжила Марта, не протестуя против Борькиного уточнения... — а она будет в это время зефир в шоколаде уминать и Москвой любоваться?

Борька криво усмехнулся:

— Ты за Кэт не шибко убивайся. Вот увидишь — еще и справку принесет, что была целых два дня неизлечимо больна. Не волнуйся, мама ей и не такую добудет. Помнишь, как она тогда от физры отмазалась?

— Еще бы... — вздохнула Марта. — Зато кроссовки не забыла надеть. Адидасовские...

Зефир в шоколаде? Да прямиком из Москвы? Да с авиабилетами в столицу!.. Мой изрядно потрепанный Стивенсон, побывавший в десятках рук и под ногами Катки Суровцевой, конечно же, не мог бы составить конкуренцию такому ханскому подарку. Но если учесть, что я и не собирался удивлять Суровцеву, мощная конкуренция со стороны Динэра Петровича не особо огорчала меня. Другое дело, что однодневные московские гастроли Катки Суровцевой лишат меня возможности вручить ей истерзанную ею же книгу завтра, когда мы будем поздравлять девочек. Ну и положеньице! Хоть беги немедленно к Кэт, чтобы успеть со своим «Островом сокровищ» до того, как они с мамой уедут в аэропорт.

Из школы мы с Борькой шли молча, каждый думая о своем. Но оказалось, что каждое «свое» было общей думой. Оба мы размышляли о том, как отнять у Кэт двадцать коробок зефира в шоколаде.

— Двадцать коробок! — зло процедил Самохвалов. — Это сколько ребят в Москве из-за одной Катки останутся без зефира в шоколаде?!

— Ровно двадцать и останутся, — уточнил я. — А может, и не останутся. В Москве этого зефира знаешь сколько в день делают? Двадцать миллионов коробок.

— Скажешь тоже — двадцать миллионов! — передразнил меня Борька. — Там и жителей-то столько нет.

— Ну и что! — не сдавался я. — А приезжие? Зефир любой купит.

— Любой не купит, — с ехидцей заменил Борька. — Или, может, ты тоже в Москву летишь?

Мы решили отдать Катке диктофон. Борька вынес диктофон из дому и приказал тотчас увязавшемуся за ним Пирамидону:

— Взять!.. Взять, Пирамидон!

Пирамидон схватил зубами ручку диктофона и, счастливо виляя хвостом, побежал за нами. Мы вошли в подъезд Суровцевых и поднялись к их двери. На наш звонок вышла Кэт. Увидев нас, поджала губы, глянула исподлобья:

— Чего надо? Я вас, кажется, не приглашала...

Самохвалов оглянулся, посвистел и шепнул:

— Пирамидон, груз!.. — и тотчас же из-за шахты лифта к нам выбежал добродушный пудель, бережно неся в зубах диктофон. Борька наклонился к Пирамидону, взял диктофон и протянул его Кэт.

— Держи, а то еще скажешь, что мы у тебя стащили.

— Про кассету скажи, — напомнил я. — Чуть не забыл... Кассету мы тебе послезавтра вернем, ладно?

— Что за новости? — насупилась Кэт.

— Перепишем только. Там у нас кое-что записано... Ладно? Ты же все равно завтра уезжаешь, нам Ромка сказал...

— Да вот, уезжаю! — с вызовом подтвердила Кэт. — А что, завидки берут? Тоже зефира в шоколаде захотели?

— Сдался нам твой зефир! — угрюмо уронил Борька. — Я, может, его в телевизоре видал. В белых кроссовках...

— Зави-и-дуете! — насмешливо протянула Суровцева. — А завидовать не надо. Восьмого все равно не учимся. Можете тоже купить в Москву билетки и в гастроном на Кутузовский проспект слетать. Давайте-давайте! — дразнилась она. — Купите билетки. На мой самолет, вместе и полетим.

Катя хотела было захлопнуть дверь, но Борька успел выкрикнуть:

— Купим! Купим билет! Ты только скажи — а какой у тебя самолет?

— С крыльями, а что? — засмеялась Кэт.

— Рейс, говорю, какой?

— Ах, тебе рейс? Не веришь, что у меня билет есть? Хорошо, сейчас принесу, погодите.

Она скрылась в комнате и вскоре вынесла авиабилет и торжественно показала нам:

— Вот, если не верите. Рейс завтра, в одиннадцать утра. — И она помахала билетом перед нашими носами, прибавив: — Учитесь делать подарки дамам! Это вам не псину какую-нибудь к пальту пришивать! — и Суровцева, изловчившись, поддела ногой Пирамидона.

— Не трожь! — пригрозил Борька.

— Это — во-первых! — поспешил добавить я. — А во-вторых, Пирамидон — не псина, а благородных кровей интеллигентный пудель! В-третьих, не к пальту, а...

Дослушивать Суровцева не стала — треснула дверью, оставив нас наедине с верным дательным падежом несклоняемого слова «пальто».

Нам ничего не оставалось, как спуститься вниз.

— Надо что-то делать! — разозлился вдруг Самохвалов.

Я засмеялся:

— Да ты, гляжу, фантаст! Что придумаешь, если у нее в кармане законный билет? И погода отличная. Впрочем... — я усмехнулся, — если можешь — пошли телеграмму товарищу богу и закажи на завтра густой туман.

— Скажи еще — телефонограмму! — кивнул Борька. — Как твой Динэр Петрович.

— Уж он-то, если надо, и туман бы достал. И град тоже. И сель с лавиной...

— В шоколаде! — захохотал Борька.

— Ладно трепаться, — вздохнул я. — Пошли уроки делать. Утро вечера мудренее, а нам с тобой еще заметку надо накатать для Сиропова. Не забыл, мистер Игрек?

— А может, не стоит? — покосился Борька. — Чего мы будем этому... этому зефиру в шоколаде рекламу делать? Нам потом со всего города покупатели снесут купленные ими «мухоморы». Засмеют ведь нас с тобой.

— А что же делать? — спросил я. — Надо было тогда сразу отказаться.

— Да кто же знал, что такое будет... Что продавать — одно, а фотографировать — другое...

— А давай Сиропову утром кассету прокрутим! — предложил я.

— Но ведь мы отдали диктофон, — напомнил Борька.

— Ерунда! — успокоил я Самохвалова. — В редакции два магнитофона, я сам видел. Давай позвоним Сиропову и спросим.

Мы забежали ко мне, набрали номер Сиропова, и я рассказал ему обо всем, что было в магазине, а заключил предложением послушать кассету.

— Ну и молодцы вы у меня, Игреки! — пророкотал в трубку Сиропов. — Значит, весь спектакль незаметно записали? Молодцы-ы!

— Так уж получилось... — скромно подтвердил я. — Это не я, это Борька догадался включить.

— Хвалю! Голова работает! Но ничего, братцы-кролики, не получится. Утром я на пару деньков улетаю в Карши. Два ящика саженцев с собой везу. Там дельце громадное разворачивается. Целая операция. Сад целинникам хотим подарить. Пионерский сад. Ящики уже в порту, их только погрузить в самолет — и, как говорится, айда-пошел!

И тут у меня мелькнула одна идея, и я спросил:

— А нас с собой возьмете?

— В Карши? — удивился Сиропов. — Я бы с удовольствием.

— Да не в Карши! — заторопился объяснять я. — В аэропорт. Вам же тяжело будет

одному с ящиками управляться, вот мы с Борькой и поможем. Хотите?

— А вот это — добро пожаловать! — обрадовался Сиропов. — Давайте, Игреки, приезжайте. К десяти... Встречаемся у справки.

Нет, никакого плана действия у меня не было. Да и откуда ему было взяться?.. Но когда Олег Сиропов заикнулся о том, что едет в аэропорт, я сразу же решил, что нам с Борькой следует напроситься в провожатые. Авось, что-нибудь придумается...

Как бы там ни было, ровно в половине десятого мы сидели в маршрутке, которая везла нас в аэропорт. К справочному бюро мы успели раньше Сиропова, до десяти оставалось минуты четыре.

— Давай узнаем Катькин номер рейса, — предложил Борька.

— Она ведь сказала, что улетает в одиннадцать, — напомнил я.

Дежурная сразу же ответила нам, а заодно сообщила, что регистрация билетов этого рейса — с шестой стойки.

Тут появился Сиропов.

— Старики, привет! — воскликнул он. — Вы уже здесь? Молодцом! Хвалю за оперативность. Ну, пошли, — и он повел нас извилистыми лестницами и коридорами в какое-то сырое полутемное помещение, где стояли два довольно больших ящика.

— Видали? — показал Сиропов. — Саженцы. Они здесь еще со вчерашнего дня. Подарок ташкентских юннатов. Ну, взялись, что ли? Пойдемте, я уже обо всем, заранее договорился, нас пропустят.

Мы подняли ящик. Нести его втроем было совсем не тяжело, да и самолет стоял в ста метрах. Первым по лесенке ЯК-40 поднимался Сиропов, а мы с Борькой придерживали ящик сзади. Погрузив первый ящик, мы заторопились за вторым. До посадки Сиропову оставался целый час и мы вернулись в здание аэровокзала.

— Надо перекусить в буфете, — сказал Сиропов. — Я дома не успел. Идемте вместе, угощаю.

В буфете Сиропов взял вареные яйца и три бутылки «Пепси-колы». Уже допивая свою бутылку, он сказал:

— Про кассету, глядите, не забудьте. Я в пятницу вернусь, буду ждать.

Самохвалов полез в карман:

— Вот она, с собой.

Сиропов выхватил кассету из борькиной руки:

— С собой? Молодец, старичок! Давай, я ее прямо сейчас и возьму. — И, не дожидаясь ответа, он сунул кассету в карман.

Борька помялся и сказал виновато:

— Только... Мы ее вернуть обещали. Завтра.

— Ничего, — подмигнул Сиропов. — Не вернули сегодня — можно не возвращать и завтра. Потерпят и до пятницы. С голода не умрут.

— Катя в Москву сегодня уезжает, а то бы вернули, — сказал я.

— В Москву? — спросил Сиропов. — Это за какие такие заслуги?

— Отец ей билет к празднику подарил, она зефир в шоколаде едет покупать.

— Одна едет?

— С мамой. У. них в одиннадцать рейс.

— В одиннадцать?! — оживился Сиропов. — Значит, они где-то здесь. Интересно, откуда регистрация?

— С шестой стойки, — сказал я. — А вам это зачем?

— А просто интересно. За эти дни вы этой Суровцевой мне все уши прожужжали. Интересно даже — что за Софи Лорен... Кстати, подписушку из магазина вы мне так и не принесли.

— Не успели мы, — замялся Борька.

— Не успели!.. — добродушно передразнил его Сиропов. — Газета любит оперативность, темп. А вы соберетесь писать, когда магазин в другое место перенесут. Ладно, на первый раз прощаю. Репортаж я вчера вечером сдал в секретариат. Сам и написал.

— Сами? — удивился я. — Но... ведь... вы...

— Что — ведь?! — рассмеялся Сиропов. — Оперативность нужна, оперативность! Тут вам не до «ведь!»

Сиропов пошел относить буфетчику бутылки, и тут Борька Самохвалов жарко зашептал мне:

— Володь, я одну вещь придумал! Только ты помалкивай, ладно?

Я не успел спросить у Борьки, что именно забрело в его гостеприимную голову — вернулся Сиропов. Борька сказал, помявшись:

— Олег Васильевич, я не знаю... Может, стоит их предупредить?.. Одноклассница все-таки... Или не стоит? — Он с самым невинным видом уставился на Сиропова и тот, отпрянув, недоуменно попросил:

— Если можно — еще раз. И — понятнее.

— Понимаете... — замялся Борька. — Тут у меня знакомый летчик есть. Он тоже в Москву самолеты водит...

Борька умолк. Молчал и я, помня странную просьбу Самохвалова — не вмешиваться в разговор. Сиропов выжидающе глянул на Борьку и спросил насмешливо:

— И это все? Не густо.

— И ничего не все! — обиделся Борька. — Он со мной разговаривал, когда я у справочной стоял. Вас еще не было.

— Ну, разговаривал... — не выдержал Сиропов. — Ну, у справочной. — Дальше-то что?

— Спросил он у меня... — уронил Борька. — Спросил — не лечу ли я этим рейсом. Ну, на который Суровцевы билет взяли.

— А что такое? Почему такой интерес именно к этому рейсу?

— Он сказал, что не советует летать. Опасно для жизни. Лучше, говорит, сдать билет пока не поздно. Вот я и не знаю...

Сиропов мигом посерьезнел и оставил свой обычный насмешливый тон. Участливо и даже как-то испуганно спросил:

— А что случилось? Самолет неисправен?

— Я тоже об этом сначала подумал... — Самохвалов, и глазом не моргнув, продолжал свое беззастенчивое вранье.

— И что же тебе ответил летчик? — заторопил его Сиропов.

— Он сказал, что не завидует экипажу и пассажирам. Говорит, синоптики обнаружили час назад небывалую грозу в горах. Как раз по маршруту. Такую грозу аксакалы «Аэрофлота» сто лет не помнят.

— Ну! — присвистнул Сиропов.

Борька между тем, продолжал набирать обороты. Его вранье явно переходило на реактивную тягу.

— Летчик говорит, — увлекался Борька, — что решиться лететь в таких условиях могут только очень смелые люди. Говорит, что больно трудно удержать ручку управления, когда молния в самолет попадает.

— В самолет?! — округлил глаза Сиропов. — Молния?! Думаешь, это до того серьезно?

— Еще бы! — кивнул Самохвалов с видом знатока. — В такую грозу молния страшно меткой становится, сама самолет находит.

— Но ведь можно отложить рейс? — Сиропов пожал плечами. — Зачем лететь, если гроза на маршруте? Кончится гроза — и лети себе на здоровье.

— Ничего не выйдет, — вздохнул Борька. — Я тоже так сказал знакомому летчику.

И что же? — Сиропов с тревогой глянул Борьке в глаза — будто это он, а не Суровцевы, сами того не ведая, бросал неразумный вызов небывалой в истории авиации стихии.

— Летчик сказал, что они все равно полетят. Гроза эта, оказывается, какая-то особенная — она три дня полыхает, не меньше. Такая очень редко бывает. Сейчас она только разгорается. А командир корабля на собственную свадьбу опаздывает. Поэтому и решил рискнуть. А чтобы уговорить начальство выпустить самолет, он вызвался взять на борт ученых, которые грозы изучают. Он их над горами с парашютами сбросит — пусть изучают, как бороться самолетам с разъяренной стихией. Вот ему и разрешили рискнуть. В порядке исключения...

— Рискнуть?! — прошептал Сиропов. — И это называется — рискнуть? А он спросил, что думают об этом его пассажиры? Спросил, спрашиваю?

— Нет, конечно, — спокойно ответил Борька. — Иначе на борту спокойствия не будет. Никак нельзя такое говорить.

— Где Суровцевы? — спросил Сиропов, — Надо их срочно предупредить. Это ж надо — так рисковать!

— Может, не стоит им настроение портить? — хитро спросил Борька. — Как-никак за зефиром в шоколаде летят. Настроились уже, небось, на сладенькое...

— Да о чем ты говоришь, старичок?! — напустился Сиропов на Борьку. — Какой зефир!

Тут, глядишь, вместо зефира молнией полакомишься! И без всякого шоколада. Где шестая стойка?

— А во-он она, — с готовностью показал Борька. — Рядышком с буфетом.

Катю с мамой мы с Борькой заметили уже давно — сразу как только Сиропов принес «Пепси-колу». Они стояли в очереди и ждали начала регистрации.

— А вон и Катя! — показал Сиропову Самохвалов. — Видите — в шапочке «Адидас»? Ах, бедняжка! Стоит себе и ничегошеньки не знает о грозе...

Глянув на часы, Сиропов устремился вперед, расталкивая пассажиров. А мы, поотстав, стали наблюдать издалека. Сиропов, ясное дело, сразу же забыл про нас. Отведя в сторону Кэт с мамой, Сиропов, размахивая руками, стал что-то горячо и быстро говорить им. Мама Суровцевой схватилась за сердце. Сиропов проводил ее до скамейки. Дрожащей рукой Суровцева-мама достала из кошелька билеты и паспорт и протянула их Сиропову, который, глянув на часы, тотчас же бросился в кассу.

— Сдавать понес! — вполголоса завопил Самохвалов. — Гляди — сдава-ать!

Мы стиснули друг другу руки. Вот удача! Кажется, двадцать коробок зефира спасены!

Взмыленный, весь взъерошенный Сиропов вернулся минут через пять и протянул Суровцевой деньги, а потом достал из кармана кассету и стал что-то объяснять, оглядываясь и явно пытаясь выхватить взглядом из толпы нас с Борькой. Суровцева-мама долго трясла руку Сиропова, а напоследок вытерла платком глаза, вконец умиленная добротой своего спасителя, имеющего, к счастью, своих людей в кругах, близких к метеорологии. Наконец Суровцевы прихватили по чемодану и помчались на улицу — ловить такси.

Чемоданы были, видимо, пусты — обе Суровцевы несли их легко, как обувные коробки.

Заметался и Сиропов. До посадки ему оставалось минут десять. Но тут, в очередной раз ожившее радио, выдало нечто необычное. Радиоголос дважды повторил — на русском и узбекском языках:

— Отлетающего в Карши пассажира Сиропова просим срочно подойти к справочному бюро, где вас ожидает телефон.

Сиропов, удивленный неожиданным приглашением, вновь пустился в бега — на этот раз к справочному бюро. Он схватил с готовностью протянутую ему телефонную трубку, и тут... И тут случилось нечто и вовсе фантастическое. То ли дежурная забыла щелкнуть каким-то тумблером, то ли щелкнула, да не тем... Но только разговор Сиропова стал слышен всему аэровокзалу — горластые репродукторы разнесли его повсюду.

— Слушаю вас! — настороженно сказал Сиропов. — Кто это?

Ему ответил торопливый и восторженный щебет:

— Олеженька, — рассыпалась женщина, — Как я рада, что удалось дозвониться до вас! Как ваше самочувствие?

— Да... Но... я... — с трудом выдавил Сиропов, но продолжать ему не дали.

— Представляете, Олеженька, — продолжала женщина. — Час назад я звонила в редакцию и мне сказали, что вы летите в Карши с саженцами... Как это благородно! Как благородно!.. Вот и звоню вам в аэропорт. Спасибо, Леночка помогла, дежуренькая аэропорта по справке. Она у меня, умничка, тоже пайщица в кооперативе. Одна семья... Как не помочь друг другу... Вы меня слышите?

— Т-товарищ Крякина!.. Я... Да... — сказал Сиропов.

— Не будем терять времени, милочка! — решительно остановила Сиропова женщина. — У вас его нет. Быстренько возьмите бумажку и рученьку и приготовьтесь писать... Приготовились? Вот и умничка... Тут мой Рудинька, как узнал куда вы собрались, набросал только сейчас кое-что свеженькое. Записывайте, это вам в Карши пригодится. А то, с чем звонила в редакцию, передам в другой раз. Ладно уж... Вы готовы?

— Д-да! — клацнул зубами Сиропов. — Я п-пишу...

— Передаю по буквам, лапочка! — взвизгнул Крякина и продиктовала:

— Насморк... Атеросклероз... Гангрена,.. Опухоль. Реанимация...

Уже потешался весь аэровокзал, но Сиропов, увы, слышать этого не мог. Он-то полагал, что телефонная каплеь предназначена ему одному. Передав по буквам свеженаписанные частушки юного акына Рудика, Крякина облегченно вздохнула:

— А теперь, Олеженька, проверяйте, — читаю первоисточник...

И прочла:

На горе стоят такси
И мотор заводят.
Пионерский сад в Карши
Все равно посодят!
Подружка моя,
Как платок твой ярок!
Обязательно пошли
Дерево в подарок!

— Д-да... Все верно... — потерянно промямлил Сиропов. — Привет Рудику. Скажете, что молодец. Оч-чень оригинально и оперативно.

Сиропов положил трубку и потер лоб. Но тут снова ожило радио;

— Пассажиров, следующих рейсом сто двадцать пять в Карши, просим пройти на посадку.

Борька положил руку мне на плечо:

— Пора и нам.

И добавил с улыбкой.

— Пока не разразилась гроза над Юнусабадом...

Смеясь, мы побежали к маршрутке. А погода была ужасно летной — лучше и не надо. Такую хорошую погоду аксакалы «Аэрофлота», уж точно, триста лет не помнили. Над головой плескалось голубое небо, а в нем, как в сетке дыня, трепыхалось и слепило глаза аппетитное солнце. И на душе было так хорошо... Так сладко... Как не бывает, даже если съешь в один присест двадцать коробок зефира в шоколаде.

Как говорит Акрам — «Моряку морская вода слаще шербета». И еще — «Если пескарь зарычит — и акула хвост подожмет».

...И ОТ АНДРЕЯ ЛИЧНО!

Мы уже собирались сесть в подошедшую маршрутку, как вдруг Борька сжал мою руку и прошептал:

— Смотри!

К нам подходил мужчина с внушительной связкой коробок зефира в шоколаде. На связке все еще болталась аэрофлотская бирка.

Пока мы пялили глаза на коробки, маршрутка наполнилась и стремительно умчалась. Мужчина с зефиром остался на остановке, и у нас появилась возможность потихоньку сосчитать число коробок. Их было десять. Коробки были красивые, толстенькие. Честно говоря, я и сам не отказался бы от одной из них. Борька, думаю, тоже.

И тут мне пришло в голову такое, что я не выдержал и расхохотался.

— Ты чего? — попятился Борька. — Не заболел?

Я схватил его за руку, увлек в конец остановки и там, шаря в собственных карманах, спросил Борьку:

— У тебя сколько денег?

— Рубль есть. А что?

— Давай сюда. Надо. У меня тоже один остался. Сжав в кулаке рублевки, я подошел к мужчине и спросил:

— Извините, пожалуйста! Вы не могли бы сказать, сколько стоит одна коробочка?

Мужчина прищурился и, не удивившись моему вопросу, ответил так:

— Смотря кому... Если дарить хорошему человеку, то он решит, что и карандаш дорого стоит. Почем стоит, если дарить, не знаю. А почем покупать — могу сказать, извольте. Рубль восемьдесят. Устраивает? — и он добродушно улыбнулся.

— Устраивает! — с готовностью подхватил я. — У нас два рубля есть.

— Целых два рубля?! — восхитился мужчина. — Ого, да вы, мужики, просто буржуи. На коробку вам хватит, поздравляю. Остается купить билет и слетать в очередь. В Москву...

— Понимаете... — Я замялся. — Нам зефир не нужен... Мы его вообще не едим... Нам коробка нужна. Только коробка.

— Только коробка? — удивился мужчина. — Без зефира?

— Ну да... Только коробка. А зефир из нее можно ведь переложить в другие коробки.

Вот два рубля... — и я просительно посмотрел на мужчину и разжал кулак с рублями.

Увидев протянутые ему деньги, мужчина сконфузился.

— Да вы что, мужики! Во даете! Я только пустые коробки не продавал!

— Понимаете, нам очень нужно... Очень-очень! — взмолился я.

Борька молчал. Мое стремление купить за два рубля опустошенную коробку явно не желало находить сочувствия ни в голове его, ни в желудке.

— А зачем тебе пустая? — спросил мужчина. — Если не секрет.

— Это секрет, — сказал я. — Это вопрос чести.

— Вопрос чести?! — протянул мужчина, уже не улыбаясь. — Ну, мужики, это серьезно... А зефир вам, значит, не нужен?

— Нет, конечно! — воскликнул я. — Нам с Борькой сладкое нельзя, а то очень жирные будем, и зубы попортятся.

— Чего-то ты, погляжу, не больно жирный, — покачал головой мужчина. — Тебе, по моему, и тонна зефира не повредила бы для начала.

— А зубы?! — в отчаянии воскликнул я и, широко раскрыв рот, прожамкал:

— Ражве это жубы?

Можно было подумать, что я борюсь с его твердым намерением немедленно скормить мне весь привезенный им зефир.

— Зубы как зубы, — сказал мужчина, участливо оглядывая выставленную ограду зубов.

Он вздохнул:

— Не знаю прямо, что мне с вами, мужики, делать. Прямо за горло взяли. Так и быть, держите свою коробку. Мне все равно только шесть нужно — женщинам в отделе подарить.

Он быстро распаковал связку и протянул нам одну коробку.

— А зефир? — спросил я. — Зефир не возьмете?

— А куда мне его? В карманы, что ли, класть? Нет, вы уж сами как-нибудь им распорядитесь. У мамы зубы хорошие?

— Хорошие.

— Вот пускай мама и съест! Если, конечно, сами не соблазнитесь... — и мужчина, засмеявшись, взял у меня два рубля и, погремев в кармане мелочью, положил на коробку двадцать копеек.

Из его кармана выпал смятый авиабилет. Я поднял билет и протянул мужчине. Он махнул рукой.

— В корзину его! Я по нему сейчас прилетел. Из отпуска.

Я подумал и положил билет в карман.

Ужасно это трудное дело — поздравлять девчонок. За неделю до праздника стали мы ломать голову — как нам девчонок порадовать. За Суровцеву я не волновался — подарочек для нее у меня был готов уже давно. Но как поздравить остальных? И — Наталью Умаровну?.. Ее урок был в этот день первым.

Предложения посыпались самые разные — серьезные и смешные, фантастические и нелепые, скучные и неожиданные. Идею дарить книги мы сразу отвергли. Где найдешь одинаковые книги? А если дарить разные — еще и обидишь кого-нибудь.

Эти девчонки — народ совершенно загадочный, лучше не рисковать. И тут Борька выдвинул идею, которую мы для начала хорошенько высмеяли.

— Что если подарить цветы?! — предложил Самохвалов. — Каждой по розочке. Очень, по-моему, красиво.

— У тебя есть цветник? — спросил я с издевкой. — Что-то не видел под балконом никакого розария. Или пойдешь покупать розы у дяди Сидора Щипахина?

— Не обязательно у него. Наверное, цветы везде продают.

— Розы в марте купить? — возразил я. — Пять рублей штука, никак не меньше.

Борька сощурился и уставился в потолок, беззвучно шевеля губами. Нашевелившись вдоволь, он вздохнул:

— Дорого.

— Еще бы! — кивнул я. — Мой велосипед дешевле стоит.

— Тогда — не розы, — продолжал гнуть свое Самохвалов. — Почему именно розы. Цветы разные бывают. А на розы, и правда, миллион денег надо.

Вот это его счастливое слово «миллион» и стало решающим. В моей памяти тут же всплыла пластинка, которую очень любила слушать моя мама. Любила, потому что она начиналась песней «Миллион алых роз». Иногда мама могла ее по пять раз за вечер ставить, особенно когда папа уезжал в частые свои командировки и в доме становилось как-

то пусто и тоскливо. Мама тогда доставала и ставила эту пластинку и слушала молча, а лицо ее при этом было грустным, но в то же время каким-то светлым и счастливым. Вот тут я и подумал: а что, если нам прокрутить девчонкам и Наталье Умаровне эту песню? Ну, а что касается роз - — так можно три штуки купить и поставить в вазу на стол Натальи Умаровны. Додумать остальное было делом пустяковым. Проигрыватель в зоокабинете есть. Оставалось лишь добыть три розочки и принести из дома пластинку.

Сейчас у нас была еще и целая коробка зефира в шоколаде, упавшая, можно сказать, прямо с неба. А это значит, что каждой девчонке мы положим на парту по зефиру. Что делать с самой коробкой, это я знал - для того и выклянчивал ее. В коробке я собирался также оставить одну зефирку — как и для остальных девчонок. Но главное, там будет лежать «Остров сокровищ» — недаром ведь, поняв все с полуслова, истерзанную Катькой книгу мне отдал в Катта-Караване Андрей Никитенко.

Все и получилось, как мы задумали.

Неумолимый страж Борька Самохвалов стоял у дверей и следил, чтобы девчонки не проникли в кабинет раньше звонка. Здесь все было уже готово к поздравлению. Я поставил пластинку на диск проигрывателя. На парты мы положили для каждой девчонки по открытке, а на нее — по зефиру. На столе Натальи Умаровны пламенели три купленные нами розочки. В последний момент неожиданно появилось очень серьезное добавление к плану. Шестого марта из Еревана вернулся Миша Кузлянов — там шли соревнования, а наш Миша входил в баскетбольную сборную. Мы радовались победе Мишкиной команды, а еще больше тому, что ему, капитану победителей, в Ереване вручили здоровенный букет. Этот-то букет-сноп он и привез в Ташкент, не подозревая, что мы на него покусимся.

— Мишка, будь человеком! — сердито сказал Самохвалов. — Давай поделимся почетному: слава тебе, а цветы — нам. В смысле — девчонкам. Мы бы не просили, но ты пойми — под песню эти твои цветы хорошо пойдут.

Мишка колебался недолго и согласился уступить букет. Хотя вряд ли уступил бы, знай заранее, как неуважительно обойдемся мы с его чемпионским букетом. Потому что, дважды внимательно прослушав песню, мы решили, что не стоит делить цветы на всех девчонок, а лучше разбросать их по полу, положить на подоконники и парты. Так получится почти как в песне. Пусть девчонки прямо по цветам идут — это им под песню, наверное, дико приятно будет.

Я не утерпел и по одному цветку дал скелетам — держать в зубах. Очень красиво получилось. Правда, недавний случай с футболкой, украсившей, по коварной прихоти Ромки Суровцева, одного из стражей классной доски, нашептывал мне, что не стоит связываться со скелетами. Но противостоять искушению было невозможно — иначе, без цветов, эти симпатяги-скелеты смотрелись в праздничном кабинете незваными гостями. Вот почему, решительно сунув им в зубы по цветку, я шепнул им любимую газетную присказку Сиропова;

— Вы уж постарайтесь, братцы-кролики! Поработайте на тираж, старички!

Прозвенел звонок, и Борька, напоследок заглянув в класс и убедившись, что все готово, широко отворил обе створки двери, и я опустил иглу звукоснимателя на заплясавшую пластинку. Девчонки, которые, конечно же, уже вволю успели в коридоре обшухукаться, гадая, что мы для них придумаем, замерли у самого порога. На полу лежали цветы, и была песня...

Миллион, миллион, миллион алых роз
Из окна, из окна, из окна видишь ты...

Осторожно, чтобы не наступить на цветы, девчонки, как во сне, шли к своим партам.

...Но в ее жизни была
Песня безумная роз...

Девчонки не шли, а прямо-таки парили в воздухе, и щеки их горели ярче роз на столе Натальи Умаровны. И пока звучала долгая песня, ни одна из девчонок не села за парту и ни одна не съела свой зефир. А Наталья Умаровна осталась стоять у двери, пока не кончилась песня. И даже не обиделась на нас за цветы в зубах скелетов, вместе со всеми жадно внимавшим словам песни:

Кто влюблен, кто влюблен, кто влюблен, и всерьез —
Свою жизнь для тебя превратит в цветы.

Все, понятно, переглядывались, пытаюсь как-то увязать зефир на парте с неожиданным появлением в классе Кати Суровцевой. Ведь только вчера Марта принесла нам весть, что

Кэт едет за зефиром в Москву. И вот — странное соседство: и Кэт и зефир. Кого-то из них, по идее, не должно сегодня быть.

Но окончилась песня и... девчонки шумно зааплодировали. Нам ли? Алле ли Пугачевой?.. Точно не знаю. Они с шумом и смехом уселись за парты и принялись уплетать свои зефиры, не сводя удивленных глаз с коробки, лежащей перед Суровцевой. Целой коробки! А Катя все не спешила открывать ее, с трудом соображала, что происходит. Первой не выдержала Марта Борисова.

— Кать! — взмолилась она. — Ты бы открыла, а? Интересно ведь. Неужели тебе целая коробка от мальчишек?

— Да вот, целая! — хвастливо отозвалась Суровцева. — А что, завидки берут, что вам по штучке, а мне — целую коробку?

— Открой, Кать! — неумолимо продолжала гнуть свое Марта, и не помышляя обижаться. — Интересно ведь, за что тебя так наши мальчишки отличили,

— Отличили — значит есть за что! — отрезала Катя, и, не открывая коробки, тяжело придавила ее ладонью. Это мне уже не нравилось. Так, чего доброго, девчонки, и впрямь, вообразят, что мы Суровцевой целую коробку отвалили, в то время как даже на столе Натальи Умаровны лежали сейчас только два зефира в шоколаде.

Но тут, незаметно потянувшись с задней парты, коробку ловко выхватила из-под ладони Суровцевой Анка Янковская. Суровцева рванулась было спасти тайну коробки, но — поздно: Анка успела сорвать крышку и все увидели, что в коробке лежит тоже один зефир, а с ним еще и книга.

— «Остров сокровищ»! — объявила Анка и подняла книгу над головой. Книга была ветхой, не переплетенной после выпавших на ее долю бед, а просто перевязанной бечевой крест-накрест, словно бандероль на почте.

Впрочем, и книга, взамен зефира в шоколаде, еще ничего не объяснила нашим девочкам. Их, конечно же, не могла не удивить такая странная начинка коробки. Нетрудно представить, какое впечатление произвела книга на саму Суровцеву. Выскочив из-за парты, она бросилась отнимать книгу у Янковской и, выхватив, с изумлением прочла давно знакомую ей надпись: «Екатерине Суровцевой от мальчиков нашего класса и от Андрея Никитенко лично!» Надо ли говорить, что эта надпись была ей давно знакома. Морща лоб, состроив страдальческое выражение, Суровцева рассматривала и ощупывала книгу так, будто хотела убедиться, что все происходящее ей не приснилось. Из забытья ее вывел голос Марты:

— Что за книга, Кать?

— И почему от какого-то Никитенко? — прибавила Янковская. — У нас ведь нет такого.

— Книга как книга, — растерянно пробурчала Катя и продолжила свою выдумку, чтобы хоть как-то объяснить девочкам, откуда книга, но при этом упрятать подальше истинную причину. — Не видите, что ли — мне подписана... Уже давно... Вон, тут даже год есть... А Андрей... Это я ему почитать давала, Я с ним раньше училась... А он долго не отдавал книжку. А наши мальчики нашли его и отняли книгу. Чтобы... Чтобы сюрприз мне сделать. Праздничный. Вот и все! — заключила Суровцева и даже сумела выдавить из себя подобие улыбки!

— А чего она такая покалеченная? — спросила Анка. — Вон как перевязана вся. Ее только в гипс осталось заковать и переливание крови сделать.

Мама Янковской была медсестрой, поэтому словам Анки не приходилось удивляться. Суровцева и не удивилась. И не дала застигнуть себя врасплох.

— Интересная она очень, — веско сказала Катя. — Ее мы там всем классом по три раза читали — вот она и развалилась, — и Катя положила книгу в свой портфель. Выкручиваться Кэт умела гениально. Но теперь, когда все вроде бы объяснилось, неожиданно возникла новая неприятная ситуация. Потому что Анка вдруг протянула с обидой:

— А почему только Суровцевой сюрприз? Почему только ей книга?

Тут я не выдержал и напустился на Анку с объяснениями — дескать, не дарили мы ей книгу, а помогли вернуть ее же собственную, что была долгие два года в плену у неизвестного злодея и книжного гангстера Андрея Никитенко, как это уже и объяснила всему классу Суровцева. Но горячие мои слова не произвели на Анку ровным счетом никакого действия. Потому что она запальчиво возразила:

— Если бы захотели, могли бы и другим такой же сюрприз сделать.

— Это кому же? — спросил я.

— А хотя бы и мне! — воскликнула Анка и, уперев руки в бока, перевела взгляд на Мишу Кузлянова и зло сощурилась:

— Вот, Мишка наш мне уже полгода «Республику ШКИД» не возвращает. Могли бы отнять и тоже мне подбросить. Чем не сюрприз? Что, Миша, не так, да?

Багровый от смущения, Миша растерялся, залепетал;

— А чо я? А я ничо. Я отдам...

— Вот и отдай! — наступала Анка.

— Поду-у-маешь... — обиженно протянул Кузлянов. — Будто съел я твою республику. Завтра и принесу.

Бедный Мишка! Представляю, как ему было в эти минуты плохо. Ведь человек свой чемпионский букет на девчонок пожертвовал, и на Анку Янковскую, между прочим, тоже. А она его перед всем честным народом похитителем и неотдавалой объявила. Я думал, что разъяренный Мишка, с которого еще не сполз нимб победы, добытый в честной баскетбольной сече в Ереване лишь позавчера, сейчас с гневом хлопнет крышкой парты и бросится собирать с пола, парт и подоконников разъятый на цветы букет, как собирают мастера машину или телевизор из, казалось бы, беспорядочной груды деталей и узлов. Но Мишка оказался молодцом и ничем не выдал своей причастности к узлам и деталям букета.

Его спасла от дальнейших объяснений Марта Борисова.

— Между прочим, — начала она, — могли бы и меня порадовать сюрпризом не хуже. — Ну-ка, Боренька, скажи, какую книжку не возвращаешь мне аж с того еще мая?

Самохвалов ответить не успел. Потому что тут зашумели разом еще несколько девчонок, подсказывая, какого сюрприза хотели бы и они.

Продолжить разгоревшуюся склоку нам не дала Наталья Умаровна. Серdito постучав указкой по столу, она с улыбкой сказала:

— Девочки, прошу внимания! Думаю, что все мы очень благодарны нашим мальчикам за внимание и прекрасные подарки. А об остальном вы сможете поговорить и на переменке. Сейчас я попрошу дежурных быстренько собрать цветы с пола и поставить их в воду. Так... Начнем урок. К доске пойдет... Пойдет.... Балтабаев.

Ну вот! Кому праздник, а кому — у доски отдуваться. Урок я, честно говоря, знал не совсем твердо. Но тут у меня мелькнула озорная мысль.

— Наталья Умаровна, — вкрадчиво начал я. — А можно, по случаю праздника, самому выбрать тему ответа?

Еще не чувствуя подвоха, она кивнула:

— Валяй по случаю праздника! Только не про миллион алых роз — это уже ботаника. А по ботанике мы с девочками вам пять с плюсом ставим!

— Тогда слушайте, — объявил я. — Отряд рукокрылых.

— Ну что ж! — улыбнулась Наталья Умаровна. — Тема, правда, старая. И вовсе не из нашей анатомии, а еще из зоологии. Ну да ладно. Так и быть, порадуй девочек к празднику крепкой памятью. Давай, Володя, ослепи девочек к празднику ярким рассказом о летучих мышах. Освежи-ка нам в памяти пройденный материал.

И я отправился к доске — вешать на гвоздь плакат со скелетом летучей мыши, чтобы порадовать девочек сохранившимися в моей голове сведениями о пяти ее пальцах, обтянутых летательной перепонкой, о рыжей вечернице, ушане и прочих сорока видах и, конечно, об уникальном умении крылатой мыши производить ультразвук, летать и обедать насекомыми в темноте.

Что и говорить: радар у рукокрылой ничуть не хуже, чем у Акрама на его корабле. Эту тему я когда-то уже отвечал на пять... Не знаю, правда, прибавил ли мой вдохновенный праздничный рассказ аппетита девочкам...

...но как говорит Акрам — «У кого качка вызывает ненависть к еде, а у кого — зверский голод». И еще — «Моряк, списавшийся на берег, мечтает о штормах».

ПАЙ-МАЛЬЧИК ВХОДИТ В ОБРАЗ

Весь двор сразу же опознал Борьку Самохвалова — стоило только почтальону раздать свежий номер газеты. Сиропов не лукавил — фотография, сделанная Максом в супермаркете Суровцева, была помещена на третьей странице и изображала Борьку, заботливо примеряющего пятнистый костюмчик малышу. Но главным сюрпризом для нас

была подпись под фотографией, сделанная Сироповым перед отлетом в Карши. Подпись гласила:

«Настоящий тимуровец заботится и о старших, и о младших. Много хлопот у мамы и некогда ей сводить сына в магазин, чтобы купить обнову. Но тимуровцы и тут начеку. И вот уже Борис Самохвалов приходит на помощь в трудную минуту чьей-то маме, чтобы принести радость и соседке, и ее малышу Мише. «Как, Миша-ня, нравится модный костюмчик? Берем или нет?» — спрашивает малыша Борис, и глаза их ярко горят радостью, которую им обоим подарили в магазине...»

Так Борька в одно мгновение прослыл знаменитым во дворе тимуровцем. Все, понятно, стали вспоминать малыша Мишу, но так никто такого соседа и не припомнил. Сам же Борька хранил суровое молчание, был мрачен и зол. Я, понятно, тоже не торопился обнаруживать свою причастность к спектаклю, поставленному главным режиссером Д. П. Суровцевым и его помощниками — О. В. Сироповым и Максом. Пришлось молча переждать, когда, наконец, сами собой поутихнут разговоры вокруг этой фотографии. Правда, вечером того же дня Борьке солидно влетело от собственной мамы. Как ни старался предусмотрительный Борька припрятать газету так, чтобы она не попала маме на глаза, ничего из этого не вышло. Стоило только его маме появиться во дворе, как сидящие на скамейке напротив подъезда бабуся разом загалдели и замахали руками, подзывая к себе Инну Аркадьевну и с готовностью тыча ей в лицо сразу тремя газетами, отнятыми у внуков.

— Поздравляем, Инночка, поздравляем вас! — шумели бабуся. — Ах, какой у вас, оказывается, сынок! Ах, ах!

— Да что случилось-то? — растерялась тетя Инна. — Опять что-нибудь натворил?

— Сюда глядите, сюда, — показывали ей газету, а одну даже подарили.

Придя домой, тетя Инна, вместо похвалы, тут же напустилась на Борьку с упреками. И было отчего. Гора грязной посуды в раковине убедительно свидетельствовала о том, что на кухню с самого утра не ступала нога человека.

— А вот здесь, — потрясала тетя Инна газетой перед Борькиным лицом, — здесь из тебя такого пай-мальчика сотворили, что никто и не поверит мне, если скажу, что ты и родной-то матери помочь не желаешь. А тут, между прочим, написано, что тимуровцы помогают не только младшим, но и старшим тоже. Или ты меня за старшую уже не считаешь?

— Ты не старшая, ты — мама, — виновато пробурчал Борька.

— Неужели трудно вымыть посуду? — не унималась тетя Инна. — Мать целый день в театре, приходит еле живая. И вот — на тебе, родная мамулечка, подарочек: вместо того, чтобы прилечь отдохнуть — становись к раковине и драй усохшую грязь. А ну-ка, давай-ка, входи в образ!

Борька виновато надел мамин фартук и принялся мыть посуду. У его мамы именно это и называлось совсем по-театральному — «войти в образ». Хотя, если по справедливости, то сейчас у раковины с посудой должны были бы стоять, вместо Борьки, — Суровцев, Сиропов и Макс.

Неприятности из-за фотографии продолжились в школе. Марта Борисова сразу же торжественно сказала:

— Ребята, газета помогла нам открыть глаза на Самохвалова. Такого тимуровца проглядели! Предлагаю назначить Бориса Самохвалова Главным Тимуром нашего отряда. Кто «за» — прошу поднять руки.

Руки, конечно, подняли все, и напрасно Борька пытался доказать, что не получится из него Главного Тимура; рядовой — вот это другое дело.

Марта была непреклонна.

— Рядовых тимуровцев у нас навалом, — сказала она. — Нам нужен лидер. Мы давно его искали, а, оказывается, это ты. И не отпирайся, пожалуйста. Ты только начни, а остальные тебе помогут, вот увидишь.

Борька тяжело вздохнул. Наверное, в эту минуту он еще раз явственно услышал строгий мамин указ: «Давай-ка, входи в образ!»

Домой мы шли, как это делали теперь уже нередко, мимо зала игровых автоматов. На этот раз мы застали там удивившую нас картину. Хурсанд-бобо и дядя Сидор Щипахин из соседнего тира, вооружившись ломиком, разводным ключом и отверткой, возились у автомата «Кран».

— Ремонтируете? — спросил я.

— Демонтируем! — радостно сообщил дядя Сидор Щипахин.

Хурсанд-бобо, не в пример дяде Сидору Щипахину, никакого восторга в связи с избавлением от «Крана» не высказывал. Похоже, что лично ему он никаких особых неприятностей не доставлял.

— Это... в смысле... снимаете, что ли? — полюбопытствовал Борька.

Хурсанд-бобо кивнул, продолжая деловито откручивать гайку, крепившую к полу одну из четырех ножек «Крана», а дядя Сидор Щипахин с ликованием объяснил:

— Распоряжение сверху пришло — списать эту штуку в отставку ввиду ее страшной педагогической вредности! Очень опасный это автомат. Вся ваша школа против него письмо в контору накатала. Вот и демонтируем!

— Куда ж теперь? В металлолом?

— Ну да! — вздрогнул дядя Сидор Щипахин, и в его глазах заметались, как мошकारа, знакомые нам с Борькой недобрые огоньки. — Найдем как-нибудь вещице применение. Вы бы лучше помогли, чем языком попусту чесать.

— А что нужно делать? — спросил Борька. — В нем явно начинал просыпаться Главный Тимур класса. Пай-мальчик, похоже, решил как можно скорее войти в образ.

— Погрузить надобно эту штуковину, — объяснил дядя Сидор Щипахин. — Ее с четырех углов поднимать следует, чтоб не побить.

У выхода из зала уже стояла знакомая всему нашему двору тележка. В ней дядя Сидор Щипахин свозил отовсюду свои находки — прямым домом.

— Кати сюда платформу! — деловито распорядился он, кивая в сторону тележки, и Борька, не мешкая, живо подкатил ее к «Крану», с ножек которого дядя Сидор Щипахин успел свинтить все четыре гаечных копыта. Мы осторожно поставили игровой автомат на тележку, и Сидор Щипахин, взявшись за ее ручку, счастливо выдохнул:

— Ну, с богом! — и, легонько подтолкнув тележку, он, бережно выкатил ее из зала и свернул на дорожку, которая вела к нашему дому.

— Куда везете? — спросил я, едва поспевая за все набравшей обороты тележкой. — В контору?

— В контору, — подтвердил с усмешкой дядя Сидор Щипахин. — Там эта сиротка у меня лучше родной дочери жить будет. Не дам в обиду.

— Так вы домой везете? - К себе домой?

— А куда же еще? Не слышал, что ли — списана эта бандура.

Я с ненавистью поглядел на Борьку. Эх ты! А еще, называется, Главный Тимур! Нашел кому помогать. Теперь Ромка Суворцев с Шакалом у Щипахина играть будут, монеты свои к нему приносить. И ему хорошо, Да и им тоже — в соседний подъезд хоть в домашних тапочках забегать можно.

Улучив момент, я потянул Самохвалова за руку и мы поотстали. Не хватало только помогать дяде Сидору Щипахину поднимать к нему на этаж новую его добычу. Впрочем, вряд ли наше исчезновение могло сильно огорчить его. В подъезде у него был помощник посильнее нас с Борькой. Лифт! Тележка Щипахина входила в лифт с ручкой вместе. Он бы и не заметил нашего отсутствия. Облапошил он нас гениально!

Борька виновато глянул на меня и обронил:

— Кабы я знал...

— Кабы!.. Кабы!.. — передразнил я. Но видя, как огорчен Борька случившимся, сказал:

— Ладно, кончай убиваться. Все равно, выходит, мы победили. «Кран»-то убрать приказали. Слышал, что в конторе по письму из школы решили? Опасная это и вредная игрушка...

— Это Леопард Самсоныч письмо написал! — уверенно заявил Борька. — А все учителя подписались. Как думаешь?..

— Точно так же, — кивнул я. — И не думай, что дядя Сидор Щипахин другого мнения. Уж он-то лучше нас с тобой знает, кого ему благодарить за ценную обнову.

Домой мы шли молча, думая об одном: ну почему так получается, что, если делаешь хорошее дело, то кому-то, случайному, от этого особенно хорошо? И — наоборот...

Как говорит Акрам — «Если хорошо обедает рыба, то потом и человеку сытно». И еще — «Волна в борт корабля лупит, а морской болезнью за него матрос отдувается».

ЖАР-ПТИЦА НАНИМАЕТ КамАЗ

С той поры, как мы с Борьбой втайне от своих родителей соединили лазом наши подвалы — будто станции двух линий метро переходом, — возникла потребность и в секретном сигнале. Нужно был придумать, как давать знать друг другу о необходимости срочно спешить «на связь» — в подвал. И придумали.. Папиной электродрелью с толстым и длинным сверлом я пробурил дырочку в тонкой кирпичной стенке балкона. Эту стенку у нас занимали самодельные книжные полки, и дырочку я сделал там, где ее надежно прикрывали мои книги. Такую же полку сделал у себя в этом месте и Борька. Стоило Борьке или мне втолкнуть карандаш в скважину, как книга выдвигалась из стройного ряда и тем самым давала знать, что ты срочно нужен другу. Правда, этот способ имел свои неудобства — нужно было хотя бы дважды в час незаметно поглядывать на полку. Ничего не поделаешь — лучшего способа мы пока не придумали...

Вечером я смотрел любимую свою передачу «Что? Где? Когда?», и вдруг явственно услышал глухой стук на балконе. Выскользнув на балкон, я увидел лежащую на полу книгу. Место, которое она занимала на полке, пустовало. Все ясно: Борька так поддел карандашом книгу, что она и на полке не устояла. Я понял, что срочно нужен Самохвалову, и, подняв крышку люка, спустился по лесенке в подвал. Борька уже поджидал меня там. Глаза его горели нетерпением.

— Ты чего так поздно вызываешь? — прошептал я сердито. — Все дома: у телевизора сидят... Говори скорее — что у тебя.

Борька в ответ развернул газету и показал объявление, обведенное красным фломастером.

— Читай! — показал он. — Я случайно его заметил. Мама велела все прошлогодние газеты и журналы связать, чтобы сдать на книжные абонементы, а тут, гляжу, такое вот объявление. Ты читай, читай. Вот, в «Вечерке»...

Объявление как объявление. Киностудия извещала горожан, что «...для съемок нового фильма срочно требуются предметы быта двадцатых-пятидесятых годов. Вещи будут с благодарностью и за хорошую цену куплены в неограниченном количестве студией в качестве реквизита...».

— Ну и что? — равнодушно бросил я. — И за этим ты звал меня ночью? Чтобы прочесть прошлогоднее объявление?

— Ты ничего не понял! — жарко зашептал Борька. — Это тебе ясно, что объявление старое. Потому что оно в газете... А если его вырезать?

— Вырезать? — спросил я, все еще не понимая, куда клонит Борька.

— Ну да! — ликовал Самохвалов. — Вырезать и приклеить! Догадываешься, куда?..

— Такие вопросы ты бы лучше клубу знатоков задавал, — сказал я. — Больно хитроумные.

— Ну так слушай, если туго соображаешь, — горячо шептал Борька. — Давай повесим его на дверь в подъезде дяди Сидора Щипахина! Представляешь, что будет?

Тут уж нужно было быть айсбергом, чтобы не растаять, и царевной-несмеяной — чтобы не расхохотаться.

— Ну, как идея?! — Борька и не скрывал ликования. — Годится? Будет знать, как игровые автоматы домой свозить. — Борька понизил голос и рассказал:

— А знаешь, что он еще учудил?

— Ну?

— Видал песок в песочнице?

— Еще бы. Это же ваш песок. Только куда он исчез — непонятно. Не собаки же его съели!

Песок, как и ванну, привезли для Самохваловых из ЖЭКа, но, поскольку тетя Инна решила отложить ремонт до тепла, песок и остался дожидаться весны в просторной детской песочнице. Лежал он там себе преспокойно. Но две недели назад заметили мы, что куча в песочнице пошла на убыль. И вот теперь Борька узнал, в чем тут дело.

— Бабуся со второго этажа — та, что все время на балконе у окна сидит, — заметила... Щипахин песок носит, Щипахин! — доказывал Борька.

— Куда носит?

— Бабуся говорит — в свой подъезд.

— К себе, значит... Может, у него тоже ремонт? — предположил я.

— Может. Но при чем тут наш песок? И почему его надо забирать ночью? Так с чужим

добром только Жар-птица поступала. Да и та — в сказке.

— Нашел, с кем сравнить Жар-птицу! — не выдержал я. — Где ты видал Жар-птицу, чтобы она на мусорках рухлядью промышляла?..

Утром мы незаметно приделали вырезку из газеты у подъезда дяди Сидора Щипахина. Во дворе стоял теннисный стол, и мы принялись играть, незаметно наблюдая за подъездом. В свой традиционный ежедневный подворный обход с тележкой дядя Сидор Щипахин отпирался не позднее девяти часов утра — это мы знали хорошо. Он и на этот раз не изменил строго заведенному правилу. Выкатив тележку из лифта, Щипахин остановился у нашего объявления — мы постарались поместить его так, чтобы оно не могло остаться незамеченным. Заметку дядя Сидор Щипахин читал долго, а может, просто перечитывал несколько раз. Наконец он достал из кармана платок и вытер вспотевший от волнения лоб.

— Гляди, как разволновался, — шепнул Борька, делая вид, что готовится сделать подачу. Я оглянулся. Дядя Сидор Щипахин развернул тележку, вкатил ее обратно в лифт, и помчался наверх.

— Видал?! — Борька не скрывал радости. — Ключула рыбка. Ой, Володька, что сейчас бу-удет!

Не прошло и минуты, как дядя Сидор Щипахин вновь выскочил из подъезда. Волосы его были всклокочены, движения суетливы и смешны. Он не шел, а прямо-таки бежал.

Не успели мы обменяться и десятью подачами, как вдруг в наш двор, грозно рыча и изрыгая густые клубы дыма, вкатил огромный КамАЗ и стал уверенно подбираться к подъезду. Приглядевшись, мы увидели на сиденье рядом с водителем дядю Сидора Щипахина. Все ясно! Он, и вправду, поверил объявлению и, спеша опередить всех, помчался на дорогу ловить технику!.. У подъезда дядя Сидор спрыгнул с высокой подножки и, оглядевшись, замахал нам руками. Мы подошли. Дядя Сидор, тяжело дыша, взволнованно взмолился:

— Тут... Ребятки... Такое дело... Помочь надо.. Погрузить всякую мелочовку... А я вам за это на автомате дам поиграть. Двадцать туров. Бесплатно. Вы же его вчера сами видели — отлично работает.

— Не-е, — уныло протянул Борька. — Мы никак не можем, мы заняты.

— Да вы что мне тут болтаете! — разъярился дядя Сидор. — Бьют себе колотушкой по мячику и уверяют, что шибко заняты. Постыдились бы врать-то.

— А мы к чемпионату школьному готовимся, — спокойно ответил Самохвалов. — Сегодня первый тур, надо как следует потренироваться. Честь класса...

Из кабины высунулся усатый водитель и сердито закричал:

— Эй, хозяин! Так нечестно. Сам сказал — работы на полчаса, а сам с пацанами лясы точишь. Я так не могу, мне ехать надо.

— Да погоди ты! — завопил дядя Сидор Щипахин. — Видишь — помочь не хотят... Никакого уважения к старшим. И кто таких воспитывает...

— Кончай, хозяин! — басовито остановил его погонщик КамАЗа. — Ты меня сюда, кажись, не на педсовет позвал. Давай, дядя, дело делай, а то щас пары разведу и укачу. Так мне твой магарыч себе дороже обойдется.

Дядя Сидор Щипахин с тоской оглядел пустынный двор и, махнув рукой, полетел наверх. Вскоре он спустил вниз первую тележку, доверху груженную всякой всячиной, и спешно подкатил ее к борту машины. Наверх полетели диковинные сокровища нашего соседа — закопченный самовар, дырявая паранджа, кумган с отбитым носиком, четыре разноцветных абажура...

Лишь когда гора хлама, наполнив кузов, показала наконец свою макушку, дядя Сидор Щипахин успокоился. Уставший и порядком вспотевший, дядя Сидор был бледен. Загнав тележку в подъезд, он взобрался в кабину и водитель запустил мотор.

Бедняга Пирамидон, мирно вертевшийся близ машины, жалобно заскулил и, поджав хвост, стремглав ринулся от зарывавшего хищника и в испуге забился под теннисный стол. Автомобиль, победно помахивая дымом, как хвостом, выкатил со двора и исчез вместе с собственным грозным рыком. Только тут мы дали волю смеху. Побросав ракетки на стол, мы и сами плюхнулись на него, не в силах устоять на ногах от душившего нас веселья.

— Пред... Пред... ставляешь... что сей... сейчас б...будет? — хохотал Борька... — А он... А он им: а к... как же объявление?.. Ой, не могу...

Было ясно, что не пройдет и часа, как злой дядя Сидор Щипахин пригонит громилу КамАЗ со своим грузом обратно. Но прошел час, и веселье наше сменилось удивлением. Дядя Сидор не возвращался. Его не было и до той секунды, оставаться после которой дома

означало неминуемое опоздание. Сгорая от неудовлетворенного любопытства, мы поспешили в школу, так и не дождавшись благодетеля киностудии, отправившегося туда с тремя тоннами отборного реквизита...

Насилу дождавшись звонка с последнего урока, мы побежали домой. На балконе дяди Сидора Щипахина горел свет, и мы поняли, что он все-таки вернулся. На скамейке, как обычно, сидели верные ангелы-хранители двора — старушки, цепко ощупывая взглядом каждого, кто проходил мимо них. Их мастерское, отшлифованное годами терпеливой работы над собой умение — мгновенно распознавать не только чужака, но даже настроение и намерения коренного населения, аборигенов дома — вполне могло бы заинтересовать «Аэрофлот», а может быть — и министерство обороны. Я уверен, что для наших скамейковых бабушек самое плевое дело — невооруженным взглядом узреть, что покоится в багажнике подрулившего автомобиля. а что — в голове у суетливо входящего в подъезд незнакомца.

Мы подошли к их наблюдательному посту с удобной спинкой, и я спросил:

— КамАЗ приезжал?

Ответ отличался от ответа в любом справочном бюро лишь тем, что за него не надо было платить.

— Утречком был, — услышали мы. — А как уехал, так больше и не возвратался.

— А дядя Сидор?

— У себя отдыхает. Совсем больной вернулся, совсем больно-ой... — запричитали бабушки. — Что с человеком сделали! А здоровый ведь был мужчина...

— Больной? — переспросил я. — А откуда вы знаете?

— А он будто пьяный пришел — все ноги у него заплетались. И бурчал про себя что-то такое интересное.

— Что бурчал? — продолжал допытываться я у караульных любителей.

— Убили, — говорит он, — меня. Без ножичка зарезали. Ограбили и всего добра лишили... — За сердце он держался. Видно, заболел человек, худо ему. А что случилось — кой знает...

Отойдя в сторону, я предложил Борьке:

— Давай заглянем к нему.

Не пустит, — покачал головой Борька. — Мы же утром грузить отказались.

— Пустит! — уверенно сказал я. — Принесем что-нибудь — и пустит.

— Сейчас придумаем, — сказал я. — Пошли скорей... Встречаемся у меня в подвале.

Но напрасно я думал, что легко будет в нашем подвале сыскать что-нибудь интересное для такой Жар-птицы как дядя Сидор Щипахин. Переезжая из Катта-Каравана, мы оставили там всю рухлядь.

— Может, у меня посмотрим? — предложил Борька, и мы юркнули в лаз.

Ого! Борька явно не знал, какие сокровища таит их подвал. Тут в беспорядке громоздились старые утюги, грелка, чемоданы и даже трехколесный велосипед, на котором Борька катался, когда еще ходил в детский сад! Этот велосипед, а также утюг без шнура и грелку без пробки мы и прихватили с собой.

Входя в подъезд дяди Сидора, мы заметили, что объявление сорвано, болтались одни лохмотья.

— Вишь, как разделался с ним! — кивнул Борька...

Мы позвонили. Щипахин загремел цепочкой и открыл дверь. Голова его была перевязана мокрым полотенцем, а глаза воспалены. Щипахин болезненно поморщился:

— Чем обязан? Кажись, просил больше ко мне не заходить.

Мы показали велосипед, утюг и грелку.

— Вот — думали, может, вам пригодится, — сказал Борька. — Вещи хорошие.

— Продаете, что ли? — насторожился Щипахин.

— Ну что вы! Так принесли. Зачем, думаем, хорошим вещам пропадать.

— Ну, тогда проходите! — повеселел дядя Сидор, и мы опустили в щель турникета заранее заготовленные пятаки. Из-за плотно прикрытой двери спальни доносились чьи-то возбужденные голоса.

— Там у меня ребята балуют, — сказал дядя Сидор. — Ну-ка, что у вас? — и стал осматривать принесенные нами вещи, а мы получили возможность оглядеться.

Комната, что и говорить, сильно опустела, недосчитывала многих вещей из тех, что видели мы здесь, когда пришли впервые. Было ясно, что КамАЗ не вернулся.

— А где все остальное? — участливо спросил я.

Дядя Сидор Щипахин замахал руками и лицо его болезненно перекошилось.

— Ой, ребята, лучше и не спрашивайте! — вздохнул он. — Такая досада, такой убыток... Тут кто-то объявление повесил, что студия реквизит для фильма ищет. А у меня его — сами знаете сколько. Вот и решил помочь киностудии. Очень я кино уважаю.

— Так, значит, утром вы туда повезли... это... реквизит? — невинно спросил Самохвалов.

— Туда, туда... — горестно вздохнул Щипахин. — Приезжаю, а они на меня как на полоумного смотрят.

— Вы, — говорят, — товарищ, вернитесь поскорее домой и на календарь поглядите — какой нынче год. Объявление-то, оказывается, еще в прошлом году было напечатано. Одно никак не возьму в толк — какой болван, толком не разобравшись, пришпандорил его в подъезде?.. Ой, как пострада-а-а-л...

— А где же весь реквизит? — деловито осведомился я. — Приняли его все-таки киношники?

— Да чтоб у них все пленки засветились! — выругался дядя Сидор Щипахин. — Я с этим чертовым КаМАЗом истинно в капкан угодил. Шофер попался злющий, как дьявол. Видит ведь, черт, что ошибка вышла, что назад везти надо — и уперся хуже осла: не повезу, говорит, и все тут! Слово за слово, поругались мы с ним малость, а он — хватъ какую-то ручку — тут кузов и перевернулся и опрокинулся. Весь реквизит на землю и попадал. Я было к нему с кулаками. Куда там! Нажал на свои педали и удрал.

— А как же вы? — спросил Борька.

— Слушайте дальше. Тут уж все эти кинозвезды жалеть меня стали. «Вы, говорят, товарищ, пострадали по недоразумению. Поэтому, так и быть, заберем вашу отборную рухлядь на склад. Авось, когда-нибудь что-нибудь сгодится для съемок, а сейчас все это нам — как кинотеатру открытые окна. Это как бы вроде вашему Пирамидону — да пятая нога. Тут их главный по реквизиту пришел и говорит, грабитель:

— Я вам за всю эту кучу целых сорок рублей наличными дам.

После таких оскорбительных слов я чуть драться не полез. Виданное ли дело — за такой роскошный подбор этих... как это... предметов быта, можно сказать — фотографии эпохи — да какие-то сорок рублей предлагать? Я, конечно, сразу отказался. Но тогда мне велели немедленно очистить проезд. А где я им еще одну машину возьму? Где?.. Вот и пришлось уступить. Еще и на склад помог все перетаскать, за это он мне, как грузчику, еще накинул. А устал... Ну как последняя собака. Ох, беда! Убыток. Один убыток... Как теперь его возверну?.. — Дядя Сидор Щипахин, держась за поясицу, подошел к двери в спальню и толкнул ее ногой. Дверь открылась, и мы увидели разгоряченных игрой Ромку Суровцева и Шакала, наклонившихся над «Краном».

— Эй вы! — сердито окликнул игроков дядя Сидор. — Ваше время вытекло, я следил. Гоните денежки и можете еще играть.

Ромка с Шакалом равнодушно скользнули по нашим с Борькой лицам. Им явно было не до нас. Ромка протянул дяде Сидору очередной оброк и вернулся к автомату, прикрыв за собой дверь.

— На время играют?! — удивился я.

— А я новый сервис придумал, — объяснил дядя Сидор. — Цепь на постоянную замкнул. Ничего для себя, все — для народа. Для человечества... Плати рубль и играй целый час. Очень это игроку удобно и соблазнительно. Погодите, у меня эта штука еще поработает на личный бюджет Сидора Щипахина. Она у меня двадцать четыре часа в сутки вкалывать научится! — Щипахин сердито сжал кулаки. Глаза его мечтательно сощурились. Выплыв из сладостного оцепенения, он предложил нам, кивнув на дверь, за которой вновь слышалась возня Ромки и Шакала:

— А вы тоже очередь занимайте. Очень интересная игра. И дешевле получается — вы сами посчитайте. Большая это вам будет экономия.

— Кому дешевле, а кому и нет, — сочувственно протянул я. — За час можно все призы переловить.

— Не переловите! — усмехнулся дядя Сидор. — У меня все призы гвоздями приколочены — и мыло, и игрушки — все.

— А как же тогда выиграть? — воскликнул Борька.

— У меня другой принцип, — веско разъяснил дядя Сидор. — Хватанул крюком приз — вот и считай себе, что победил, так сказать, условного противника, в плен его взял. Как это говорят? Главное — не победить, а участвовать. Верно говорю? Вы приходите... Приходи-

те... — дядя Сидор, приговаривая это, легонько подталкивал нас к входной двери. — Только смотрите, никому ни слова об этой игрушке. А будете болтать — не пуцу.

Уже в коридоре через приоткрытую дверь в ванную комнату, я увидел, что ванна доверху полна песку. Ванна была прикрыта фанерой, но один уголок сдвинулся...

На улице я сказал Борьке:

— Знаешь, а бабуся была права — песок у него, в ванне он его прячет.

— В ванне? Здорово!.. Слушай, а если бы в ванне у него уже было что-нибудь?..

— Не волнуйся! — усмехнулся я. — За дядю Сидора Щипахина будь спок. Он бы тогда засыпал ваш песок во все кастрюли, в чайник и даже в карманы пальто, которое летом все равно, висит без всякого дела в шкафу. Понял?..

Как говорит Акрам — «Трюм пустоты не любит». И еще — «У акулы в брюхе найдешь все, кроме сытости».

КРИЗИС НА ПОЧВЕ КРЯКИНА

Выбравшись на улицу, стали мы с Борькой размышлять — почему Ромка Суровцев так спокойно отпустил нас? Почему не набросился с кулаками?

Борька сказал:

— А я знаю — почему. Просто они ему ничего про кассету не сказали.

— Вот-вот! — подхватил я. — И знаешь, почему не сказали? Да просто потому, что и сами пока не прослушали, что там у нас записано. Неужели Сиропов ничего не сказал в аэропорту?

— Не знаю. Может, и сказал. А может, просто так отдал, чтобы не подумали, что это он нас и подговорил незаметно включить диктофон.

— Он бы нам, кстати, и сейчас не помешал, у Щипахина.

— А там-то он нам зачем?

— Чтоб знали, что он автомат стащил и у себя держит.

— А что! — восторженно воскликнул я. — Хорошая тема для заметки! Погоди, как рубрика эта называется?

— «Можно ли об этом молчать?» — напомнил Борька. В голосе его не было ни капли энтузиазма.

— Ты что?! — возмутился я. — Считаешь, что это неинтересно? Это ж отличная тема для заметки. Давай напишем!

Самохвалов пожал плечами:

— Боюсь как бы он снова не сказал, что это тема для взрослой газеты.

— Ничего подобного! — запротестовал я. — Для самой что ни на есть детской. Айда творить. Пошли ко мне.

Я предложил пойти ко мне, потому что у папы в шкафу была огромная стопка белой бумаги — точно такой, на которой, как мы заметили, писали в редакции Сиропов и Маратик. Я достал бумагу, листков пять протянул Борьке, столько же оставил себе, и мы уселись в разных углах моей комнаты, чтобы не мешать друг другу. Не прошло и минуты, как вдруг Борька подходит ко мне и спрашивает:

— Володь, а еще бумага есть?

— А тебе зачем? — не понял я.

— Заметку писать.

— Так я же дал.

— Кончилась уже. Еще давай.

— Кончилась? — изумился я. — Ты чем там пишешь? Космической ракетой, что ли? Ишь, разогнался... А я еще и не начал.

Я достал было еще листков пять, но Борька засопел:

— Еще давай, не жадничай.

— Столько? — показал я, вынимая стопку с мизинец толщиной.

— Мало. Еще давай. Я над словом работаю.

— Может, тебе столько? — рассвирепел я и вынул стопку с кулак.

— В самый раз! — кивнул Борька и не давая мне опомниться, выхватил стопку и спокойно отправился в свой угол. Я проводил его удивленным взглядом. Ну, писатель! Роман он, что ли, задумал накатать про дядю Сидора Щипахина? Чтоб с продолжением

печатали... Интересно, как он его назовет?.. Примерно так — «Тайна игрового автомата» или «Руки прочь от народной игрушки!». И тут я мысленно поругал себя. Чего это я за Борьку названия придумываю? Пусть сам голову ломает над заметкой. Или романом... Смотри на что у него бумаги хватит. А мне свой вариант писать надо. Чей лучше получится — тот и отнесем Сиропову, а подпишем — «Юнкор Игрек». И я погрузился в сочинение заметки о том, как бывший барахольщик («бывший» — потому что прожорливый кузов КамАЗа пожрал почти все его сокровища!) дядя Сидор Щипахин установил дома игровой автомат и доит его, как корову, обирая мальчишек двора. Я не добрался и до середины заметки, как меня остановил радостный вздох Самохвалова:

— Уф-ф-ф, готово!

Я поднял голову:

— Ты чего?

— Написал! — торжественно провозгласил Борька, победно потрясая листком. Хочешь прочитаю?

— Что-то больно быстро... — сердито заметил я. — Бумагой вооружился чуть ли не на год, а управился за десять минут.

— Вся кончилась, если хочешь знать! — гордо сообщил Борька. — На последнем листке едва успел дописать.

— На последнем?! — изумился я. — Да там же штук триста было! Ты что же — все исписал?

— Все! — ликовал Борька. — Я, знаешь, как над словом работал! Аж страшно! Как Сиропов нас учил. Он же говорил нам: «Ребята, работайте над словом, как волы. Если не, получается, — в корзину заметку, в корзину! И — начинайте снова».

Я приподнялся и пошел к Борьке, издали показывая на истерзанную им стопку:

— Так ты... Это все... В корзину?

— Конечно! — подтвердил Борька. — Точно как Сиропов говорил. Чтоб беспощадным быть к себе. Художником Слова с большой буквы! Знаешь, каким я был беспощадным!

— К себе? — поспешил спросить я. — Или к бумаге? Она-то тут при чем? Ну-ка, поглядим, как ты над словом работал.

— Гляди! — обрадовался Борька. — Только с самого начала, И он быстро перевернул стопку, и на первом листке я прочел одно слово: «Мы». Большого обнаружить на нем не смогли бы даже радары летучей мыши. На следующем листке стояла только одна буква — «Я». Следуя логике, можно было легко предположить, что третий листок будет и вовсе чистым. Увы! На нем значилось: «В нашем дворе живет...» Следующие листки Борька употребил на то, чтобы перетасовать слова; «Живет в нашем дворе...», «Живет у нас во дворе...», «Во дворе у нас...», «У нас живет...», «Во дворе живет у нас...» Надо отдать должное Борькиной добросовестности — он честно изобразил на бумаге все верные варианты. Еще немного, и у него могли бы получиться и такие — «У живет дворе во...», «Во у дворе живет...», «Нас во живет у...», ну и так далее. Но Самохвалову было не до фальсификаций, потому что следующая его мысль давала возможность мгновенно истребить еще полтора десятка листков. Мысль была такой — «Мне хочется рассказать о страшном преступлении, которое...»

Все было ясно. Борька легко разделался бы таким образом и с годовой продукцией писчебумажной фабрики.

Итоговая его заметка состояла из пяти предложений, в которые он, впрочем, сумел запихать всю суть происшествия с игровым автоматом. Заметку я похвалил, а побежденную Борькой стопку протянул Борьке со словами:

— Это ты лучше с собой заberi и Сиропову покажи, чтобы знал, какой у него послушный юнкор.

Я легко представлял себе, как оценит папа такую самоотверженную работу над словом, если увидит попусту искореженную бумагу.

Честно говоря, моя заметка мало чем отличалась от Борькиной. Да и могло ли быть иначе — писали-то мы с ним об одном. Разве что мне удалось уложить всю работу на одном листке... Мы решили не выбирать и не сливать наши заметки в одну, а отнести Сиропову обе. Пусть, сам решит, какую печатать.

К Сиропову мы смогли поехать только в среду. Встретил он нас с всегдашним своим радушием:

— Привет, старикашечки! Чем порадуете благодарного читателя?

Прочитав наши заметки, он нахмурился:

— Опять вы, братцы-кролики, не в ту степь забрели. Ну зачем вам этот фельетон? Поверьте старому зубру, юнкор не должен начинать с фельетона. Всеу свое время. Надо сначала освоить другие жанры. Почему бы вам не повернуть эту тему по-другому. Ведь сам собой просится интересный ход.

И Сиропов изложил, как, по его мнению, следовало «подать» факты.

— Этот ваш дядя Сидор Щипахин, — растолковывал нам Сиропов, — в сущности, неплохой мужик и делает, можно сказать, доброе дело. Во-первых, он не мусор подбирает, как вы тут пишете, а чувствует себя хозяином, не дает кануть в Лету вещам, которые могут еще сгодиться. Ясно вам? Теперь — во-вторых... Во-вторых, он у вас самый, можно сказать, ребячий комиссар. Дворовый вожатый. Общественный борец за ребячий досуг. Эти ваши Ромка и Шакал могли бы вечером хулиганить, курить, или, чего доброго, винцо потягивать. А дядя Сидор их в это время, можно сказать, педагогически оригинально охватил. Отвлёк от вредных привычек и... и... в общем — сбил, так сказать, ориентацию на антиобщественные поступки. Вот ведь как по-научному получается. Верно говорю?

Дядя Сидор прямо-таки на глазах вырастал в доброго гения двора. Возразить Сиропову было трудно. Прав был Борька — не стоило затевать заметку. Рано нам, наверное, писать фельетоны.

— Но ведь он этот автомат домой притащил... — робко попытался я доказать хоть что-нибудь. — А автомат — государственный.

— Но вы же сами говорите, что автомат списали, — возразил Сиропов. — Значит, договорился. Почему я знаю, как было дело. Это все еще надо проверить как следует.

— Вот и проверьте! — обрадовался я.

— Проверю... — вздохнул Сиропов. — Проверю как-нибудь. И вообще, всякие игры, автоматы там и модели — это вовсе не по моему отделу. Это по отделу техники. Да бросьте вы к шуту эту историю с автоматом. Пусть ею народный контроль занимается. Что вы все норовите из чужого сада яблоки рвать, будто в своем их мало?.. У меня для вас, между прочим, есть задание. Очень срочное и очень интересное! Могу доверить только таким шустрякам, как вы. Интервью надо срочно взять у знаменитости. И знаете у кого?.. — Сиропов таинственно понизил голос и стрельнул глазами, готовясь удивить нас.

Не успел!

В кабинет прямо-таки вбежала заведующая отделом писем, потрясая над головой бумажкой с жирным красным заголовком.

— Танцуйте, Олег Васильевич! — воскликнула она. - Вам - международная телеграмма!

— Международная?! — Сиропов привстал от удивления. — Это откуда же?

— Из Болгарии. Похоже на стихи.

— Стихи? Ну-ка, ну-ка, дайте-ка сюда...

Сиропов схватил телеграмму и, глянув текст, в изнеможении откинулся на спинку кресла, выдохнув тяжко:

— Братцы, она меня погубит. Тогда аж в аэропорту достала, а теперь вот — еще и из-за границы... Послушайте, — Сиропов нервно захихикал, — да от нее мне и в космосе спасу не будет. Она же и в Центр управления полетами пролезет!

Сгорая от любопытства, мы забежали за спину Сиропова, чтобы прочесть телеграмму вместе с ним.

Международная телеграмма была от неутомимой Крякиной. Еще позавчера, в понедельник, выйдя в очередной раз на связь с Сироповым и плеснув ему в уши очередной ушат частушек многоцелевого фольклориста Рудика, Крякина предупредила, что отбывает на неделю в служебную командировку в Болгарию — знакомиться с тамошним опытом строительства кооперативных домов. Рудика она брала с собой. Похоже, что зарубежная поездка вдохновила юнкора-заочника Рудика Крякина на прорыв в новые сферы.

Международная гласила:

«На горе вопит карнай зпт Бургас нас встречает тчк только тот зпт кто вносит пай зпт хату получает вскл подружка моя вскл отчего ты сникла впрс начинают строить дом с нулевого цикла вскл»

Сиропов протянул мне телеграмму и слабым, каким-то обескровленным голосом попросил:

— Там... в шкафу... Папка лежит... Полное собрание частушек Рудика... Пристрой туда, пожалуйста... На сегодня я, кажется, готов!

Борька напомнил:

— А интервью? Вы же хотели нас послать к знаменитости...

Сиропов полулежал в кресле, закрыв глаза и безвольно свесив руки. Если бы в эту минуту в кабинет вошел редактор, он бы непременно решил, что нужно немедленно звонить в «Скорую».

— Сейчас... Сейчас, старичок... — прошептал он. — Дайте отдышаться. Вы же видите — у меня глубокий международный кризис на почве Крякина... Так я, братцы-кролики, и сознание могу потерять. Эх, все равно не поможет. Она мне эти целебные частушки внутривенно будет вводить... Ой, не могу... Сейчас пройдет.. — по бледному лицу Сиропова слонялась странная улыбка.

Наконец он шумно вздохнул и, как ни в чем не бывало, вскочил и деловито заходил по кабинету, приговаривая:

— Ладно! Хохмы в сторону! Тут вот какое дело. Приехал на кинофестиваль сам Ролан Быков! Да-да, Бармалей... Он самый. Нужно попытаться встретиться с ним. Очень хочется напечатать интервью со знаменитым режиссером и актером.

— А разве он отказывается? — округлил глаза Самохвалов.

— Встретиться с ним очень трудно. Ему же житья никакого нет, ему шашлык некогда кушать. То в жюри сидит, то его в школу везут или во Дворец пионеров. Поймать бы его надо и вопросы задать.

— А в редакцию его нельзя пригласить? — спросил я.

— Куда там! — махнул рукой Сиропов. — Я ему уже в гостиницу звонил, но он наотрез отказался. Не могу, говорит. Занят, говорит, по горло, по лысину. Я уже и Маратика к нему в гостиницу посылал. Маратика! Гордость нашу! Золотое перо! Железное терпение! Он семнадцать раз ходил, а попасть так и не смог. Не принял его Ролан-ака. Занят. Народу у него всегда полно. Черт, бармалеи ненасытные! Не дают человеку одному побыть!..

— А как же мы его заставим тогда? — растерялся я. — Если он... по горло... Если даже сам Маратик... Не говоря уже про шашлык...

— А вы подумайте, стариканы мои, голову поломайте, как вам его расспросить, пока он в Ташкенте остановился. Это, если хотите, проверка на профессиональную пригодность. Интервью — это вам не шара-бара.

— А какие вопросы задавать?

— Ничего себе! — усмехнулся Сиропов. — Неужели у вас к самому Ролану Быкову вопросов не найдется?.. Ну, про то, как он сниматься начал... Какие планы у него... Про смешные эпизоды... Э, да чего я вам подсказываю?! Вы до него только доберитесь — он вам сам сто блокнотов надиктует. Грузчика еще наймете — ответы уносить... Маратик тоже пока не теряет надежды. Вот и поглядим, кто кому фитиль поставит — вы ему, или он вам...

Как говорит Акрам — «Паруснику дай только ветер поймать». И еще — «Зачем матросу весло, если его корабль везет?»

Но, с другой стороны, интервью — это вам не борькино «Нас во живет у дворе... И даже не крякинское «На горе вопит карнай...». И еще, с третьей стороны — у парусника есть чем ветер ловить... А весло пригодится, если кораблю взбредет в голову тонуть. Так ведь?

КРАХ ОПЕРАЦИИ «ИНТЕРВЬЮ ВЕКА»

Борька потирал руки.

— Теперь мы покажем этому хвостуну-Маратику, кто есть кто! — хорохорился он. — Слышал, что Сиропов про него сказал? Семнадцать раз в гостиницу ходил — и все зря.

— Думаешь, нам повезет больше? — ухмыльнулся я.

— Уверен. Главное — хорошенько все продумать, найти слабые места у противника. Я не выдержал и рассмеялся.

— Говори, да не заговаривайся. Сказал тоже — противник... Придумаешь...

— Ну это я так, фигурально, — выкрутился Борька. — В смысле — разобраться надо, где да что. Вот увидишь: что-нибудь придумаем.

Мы выскользнули из лифта. Мартовское солнце гарцевало на облаке, легонько по-стегивая его теплым ветерком. Облаку было весело, и оно металось под горячим седоком, будто желало сбросить солнце на небо. Хорошо! Совсем весна!

И только на душе у меня стояла, в лучшем случае, поздняя осень. Наивный человек

этот Борька Самохвалов. Интересно, как он собирается выполнить задание Сиропова, если Быков в принципе никого не принимает?

— Пошли в гостиницу! — распорядился Борька. — Вон же она, рукой подать. Только дорогу и перейти.

— Сейчас? — удивился я наивности Борьки. — у тебя где уши были? Сказано же тебе — он или в жюри сидит, или со зрителями.

Но Борька был невозмутим.

— С чего ты взял, что я собираюсь сейчас с ним беседовать? — насмешливо сказал он. — Думать идем, ду-у-мать. Понятно?

Я послушно поплелся за Борькой, предоставив ему право показать мне, что он понимает под словом «думать».

Гостиница «Ташкент» была в двухстах шагах от редакции, и уже через три минуты мы входили в просторное, как баскетбольное поле, фойе. Острым взглядом Борька зацепил табличку «Администратор» — и, словно лассо на нее накинув, стал неумолимо подтягиваться туда. Массивную фигуру скучающей женщины в цветастом платье успешно заслоняла не менее массивная табличка — «Мест нет». Борька потоптался малость и, розовея от смущения или дерзости, сунул голову в окошечко.

— Ой! — воскликнула женщина, очнувшись от дремоты и явно радуясь возможности хоть как-то развеять скуку. — Что за аленький цветочек к нам пожаловал? Тебе чего здесь надо?

— Мне? — серьезно спросил Борька. Похоже, он, угодив головой в окошечко, начал мучительно вспоминать — зачем он здесь. — Ах, да... Нам узнать надо, где живет товарищ Быков. В каком номере.

— Ах, только узнать? — добродушно улыбнулась регистраторша. Это у нас просто. Как, говорите, фамилия вашего товарища?

— Быков. Товарищ Быков.

Женщина забегала пальцем по журналу, припевая чуть слышно:

— Быков... Быков... Быков... Быков... Быков...

Мы терпеливо ждали.

— Так! — остановился палец. — Есть Быков. И Быкова тоже есть. Сто двенадцатый номер. На втором этаже. Можете пройти к нему.

— Прямо сейчас?! — ахнул Борька. — Можно?

— А почему бы и нет? — пожала плечами регистраторша. — До одиннадцати вечера посторонним вход не возбраняется. А вот потом уж — будьте добры очистить помещение.

Забыв поблагодарить администраторшу, мы со всех ног бросились по лестнице на второй этаж, не веря в такую быструю и легкую удачу; Сто двенадцатый оказался заперт. Тяжело дыша, мы стояли у двери и размышляли, как нам быть дальше.

— Уехал... — вздохнул Борька. — Интересно, а Быкова — это кто?

— Дочка, наверное, — сказал я. — Разве ты не знаешь, что у всех знаменитых артистов дети тоже в кино снимаются? С отцом приехала — точно тебе говорю!

Мы спустились вниз — не стоять же у дверей, как стоят скелеты у доски в нашем зоокабинете. На стене прямо над нами висела «Схема эвакуации проживающих в гостинице в случае пожара».

— Погорела наша с тобой затея, — загрустил Борька. — Хотя постой!.. Тэк-с! Будем действовать по моему плану. И можешь считать, что Маратику мы уже вставили фитиль!

— Уже? — хмыкнул я. — Интересно.

Но Борька смерил меня презрительным взглядом и сказал голосом, в котором слышались сироповские нотки:

— Не веришь! Тогда смотри и учись. Пока я живой. Начинаем операцию «Интервью века»!

— Объясни толком...

— Так-так... погоди! — бубнил Борька, изучая схему. — Все ясно: двести двадцать четвертый!

Он обернулся ко мне:

— Ну, теперь-то ты хоть что-нибудь понял? Двести двадцать четвертый! Ясно?

Что могло быть ясно? Двести двадцать четвертый — это и вовсе третий этаж. На кой он нам, если нам нужен сто двенадцатый?

— А ты на схему внимательнее погляди, — подсказал Борька. — Ничего не видишь?

Двести двадцать четвертый на схеме завис аккуратнo над заветным сто двенадцатым.

— То-то и оно! — ликовал Борька. — Вот оно — решение задачки! Такое ни одному Маратику в голову не придет. Ишь ты — семнадцать раз ходил к Быкову! Ничего, мы придем только раз, но наверняка, — пообещал Самохвалов.

— Что ты хочешь этим сказать? — похолодел я от догадки.

— То самое! — подмигнул Борька. — Спустимся к нему в одиннадцать на балкон. С балкона третьего этажа.

— Из двести двадцать четвертого номера? — спросил я — А кто нас туда пустит?

— Это уже второй вопрос, — успокоил меня Борька. — Главное тут что? Ты же сам слышал — посетителей из номеров в одиннадцать вытюривают, и значит, если мы ровно в одиннадцать спустимся к нему, — деваться ему будет некуда.

— А нас самих не вытюрят? — усмехнулся я.

— Придем за полчаса и все успеем повернуть. А теперь — побежали в двести двадцать четвертый! Надо их подготовить к вечерней операции! — и, не давая мне опомниться, Борька вновь понесся вскачь по лестнице. Делать нечего — я устремился вслед за ним. Вскоре мы стояли у двери, и Борька, подмигнув мне, решительно постучал. Дверь открыл парень в спортивном трико. Через отворенную дверь я увидел два гоночных велосипеда и догадался, что в номере остановились участники соревнований.

— Физкульт-привет! — сказал парень. — Вы — кто?

Самохвалов, похоже, только того и ждал. Мне оставалось лишь удивляться его актерским способностям. Да и чему удивляться? Тому, что сын актрисы — и сам актер? А может, это у них в семье наследственное?.. Борька явно вошел в роль. Он всплеснул руками, отступил на шаг назад и, выкатив изумленные глаза, рассыпался в извинениях:

— Ах, простите, пожалуйста! Какое досадное недоразумение!

— Ничего! — сказал парень. — Вы откуда?

— Мы снизу! — подхватил Борька, тыча пальцем в пол. — Мы прямо под вами живем, мы этажом ошиблись. А дверь — ну точно как у нас. Извините, пожалуйста... — и Борька, схватив меня за руку, потащил к лестнице, приговаривая:

— Пойдем... У нас же второй этаж...

Парень сочувственно глядел нам вслед. Уже у самой лестницы Борька напоследок крикнул еще раз:

— Извините... Обознались этажом...

— Ничего-ничего! — повторил парень и приветственно помахал рукой, будто с пьедестала почета отвечал на радостные вопли болельщиков.

Мы спустились вниз, выбежали на улицу и только тут Борька дал мне отдышаться. Сам он будто светился изнутри.

— Теперь он нас запомнил! — потирал руки Борька.

Я пожал плечами. Борька явно сочинил спектакль с непонятной, запутанной интригой. Но поскольку я уже успел согласиться на скромную роль исполнителя в этом его спектакле, мне лишь оставалось подчиняться буйной прихоти режиссера.

Первый акт спектакля мы начали в двадцать два ноль-ноль. Сославшись на усталость, я объявил родителям, что отправляюсь спать, и, улучив момент, незаметно выскользнул на балкон, где, тихонько затворив за собой крышку люка, через подвал пробрался к Борьке. Первый акт облегчался тем, что Борькина мама уехала на три дня в гастрольную поездку по Ферганской области, Борька был в доме один. Мне же оставалось надеяться лишь на то, что в ближайшие три часа я, спящий, не понадобится родителям...

До гостиницы мы домчались в полчаса, и скоро входили в знакомое нам фойе. В ранце за спиной у Борьки лежали две авторучки, два блокнота и целый набор веревок. Прихватил Борька и две простыни, связав их концы узлом. Самохвалов уверил меня, что почти во всех приключенческих романах настоящие, уважающие себя герои успешно пользуются исключительно этим видом транспорта для тайного передвижения по вертикали.

Когда стрелка на больших часах в фойе дрогнула и показала без пяти минут одиннадцать, Борька решительно шепнул: «Пора!» и твердым шагом стал подниматься по лестнице. Он мог бы идти еще тверже — толстый ковер, устилавший лестницу, скрадывал шаги. Скоро мы стояли у знакомой нам двери в двести двадцать четвертый.

— Стучим? — шепотом спросил Борька. На мгновение мне показалось, что, выскажи я сейчас и малейшее сомнение, Самохвалов немедленно поворотит оглобли на Юнусабад. Но я ничем не выдал «режиссеру» своих мыслей, и тогда Борька робко постучал. За дверью стояла тишина. Борька постучал еще. Заскрипела кровать, послышалось глухое ворчание, мягкое шлепанье ног.

Дверь открыл тот же парень, которому мы утром дали возможность привыкнуть к себе... Сонно щурясь от яркой лампочки в коридоре, парень недовольно поморщился:

— Опять этажом обознались? Ну, вы даете! Вы что, считать разучились? Вам — на второй. Топайте, топайте... Режим ломаете, а мне выспаться надо — утром старт.

Он хотел было захлопнуть дверь, но тут Борька горячо стал объяснять:

— Не обознались мы! У нас, можно сказать, происшествие. Чрезвычайное!

Велосипедист придержал дверь, недовольно спросил:

— Что случилось? Только короче.

Борьке только того и надо.

— Дверь у нас захлопнулась... Английский замок... А ключ — внутри.

— А при чем тут я?! — велосипедист, похоже, начинал терять терпение. — Обратитесь к работникам гостиницы. Пусть замок ломают... За ваш счет...

— Обратились уже, — махнул рукой Борька. — Говорят, теперь у нас только один выход — спускаться с балкона третьего этажа. Не поможете?..

— Че-го-о-о?! — изумился велосипедист. — Вот еще! Я только ночью на чужие балконы не лазил. Не, пацаны, я — пас...

— Да, погодите! — остановил его Борька. — Я ведь в другом смысле. Мы сами полезем, сами. Вы только разрешите.

— А сумеете? — сощурился спортсмен.

— Еще как... Сумеем!.. — затараторил Борька, радуясь, что спектакль идет по его плану. — Мы ведь... это... на гимнастику ходим... А это нам — вообще чепуха.

— Тогда входите, — пригласил велосипедист и впустил нас в номер. Мы прошли на балкон и, перегнувшись, убедились, что в сто двенадцатом темно. Все ясно: докучливые посетители покинули номер и знаменитый артист отдыхает.

— Вы спите себе на здоровье, — сказал Борька велосипедисту. — Мы сами управимся и вам не помешаем.

— Ничего, ничего! — сказал тот и с головой нырнул под одеяло, спасаясь от могучего храпа своего товарища. Мы привязали один конец простыни к стальному барьеру балкона, а второй сбросили. Хвост связки из двух простыней болтался теперь куда ниже балкона второго этажа.

Можно было начинать второй акт спектакля.

— Давай! — мигнул мне Борька. — Полезай первый.

— Лучше давай сперва ты, — отбоярился я. — А я за тобой. Знаю я вас, режиссеров! Все вам не так. Лезь лучше первым...

Борька не стал со мной препираться. Не снимая ранца со спины, он ухватился за тугую жгут простыни и бесстрашно заскользил в черноту. Жаль, что велосипедист улегся спать. Глядя на Борьку, он бы сразу поверил, что это настоящий акробат. Через несколько секунд Борька стоял на заветном балконе, и мне оставалось только последовать его примеру. Спустившись вниз и глянув в окно, я убедился, что был неправ, полагая, что в номере темно. Настольная лампа бросала прицельный свет на книгу в руках лежащего в кровати мужчины.

— Читает, — шепнул Борька. — Хорошо, что не спит.

— Вижу, что не обедает, — огрызнулся я. Неприятно ведь слышать такие вещи. Будто я и сам не вижу, что читает. Это в Борьке не Борька, а режиссер укреплялся... Впрочем, время и место для ссоры были самыми неподходящими, и я миролюбиво шепнул:

— Надо стучать.

Мгновение нашего триумфа над любимчиком Сиропова Маратиком было близко как никогда — только руку протянуть и постучать. Фитиль для Маратика уже тлел...

Фитиль уже тлел, и Борька потянул к нему руку... и постучал. Было видно, как вздрогнул мужчина и, заслонив книгой лампу, стал вглядываться в окно.

Борька постучал еще раз и жалобно протянул:

— Товарищ Быков, это мы...

Неясно, на что рассчитывал Борька, но только мужчина поднялся и тихонько подошел к окну, с удивлением, а, может, и испугом разглядывая наши темные силуэты.

— Товарищ Быков, — повторил Борька, — мы только на пять минут... Откройте, пожалуйста.

Мужчина отодвинул щеколду и, все еще придерживая дверь рукой, тихо спросил:

— Вы, собственно, к кому?

— Это сто двенадцатый? — полюбопытствовал Борька. — Мы не промахнулись?

— Он самый.

— Вы — товарищ Быков?

Удивление хозяина номера заметно возросло, и он повторил:

— Он самый...

— Здравствуйте, товарищ Быков! — обрадованно выпалил Борька. — Мы так мечтали встретиться с вами!

— Тише!.. Тише, — зашикал хозяин, кивая в сторону второй кровати. — Дочку разбудите. Я ее с собой взял — Ташкент показать...

Борька, ликуя, толкнул меня локтем:

— Видал! Я же говорил тебе, что он с дочкой приехал. Только не видно ничего.

Мы вошли в комнату, полумрак которой скрадывало лишь одно световое пятно от настольной лампы.

— Вы только не удивляйтесь, — захлебнулся в счастливом шепоте Борька. — Днем ведь вас никак не поймать. А нам позарез нужно получить у вас ответы на вопросы.

— Чьи вопросы-то? — усмехнулся Быков.

— Газеты, — веско ответил Борька.

— Судя по времени, газета ваша называется «Ночной Ташкент»...

— Не-е, — протянул Борька. — У нас детская газета.

— Странно! — пожал плечами Быков. — Никогда не думал, что могу представлять интерес для детской газеты. Взрослой — давал интервью... А вот чтобы детской... Гм-м... Странно все это... И почему такая таинственность?..

Но нам с Борькой было не до разъяснений таких тонкостей. Поняв, что героя интервью мы все-таки заполучили, мы вытащили из ранца Самохвалова блокноты и ручки и, не давая хозяину номера опомниться, обрушили на него свои вопросы. Быков, как и положено крупному режиссеру и актеру, дарил мгновенные ответы.

— Когда вы начали снимать?

— Еще учась на первом курсе геодезического института.

— Какая роль вам нравится больше всего?

— Роль отца этой вот прелестной дочурки. На профессию тоже не жалуюсь.

— Расскажите о самом смешном случае во время съемок.

— Охотно. Их много. Ну вот вам, на выбор, один. Однажды установили мы треногу и начали съемку, дело было, доложу вам, на морском берегу. Только приложился я к окуляру — а тут тренога как закачалась да как пошла от меня. Ну, думаю, землетрясение века началось! Ничего подобного! Представьте себе — по недосмотру установили треногу прямехонько на огромную морскую черепаху, зарывшуюся в песок. А у треноги копыта острые, стальные — вот они черепахе и не понравились, и пошла она себе вместе с треногой на потеху всей группе.

— А что вы любите снимать больше всего?

— Разумеется, местность.

— В смысле — землю, пейзаж?

— Для детской газеты, в принципе, можно сказать и так...

— Какие качества вы считаете главными для человека вашей профессии?

— Готовность к лишениям походной жизни... Глазомер... Общительность... Любовь к природе...

— Ваш девиз?

— Ни дня без съемок.

— Сможет ли Бармалей сдать экзамены в медицинский институт и выучиться на Айболита?

— Сможет, если теодолит победит Анатолия Карпова и станет чемпионом мира по шахматам.

— Не повторяет ли ваша дочь ваших ошибок?

— К счастью, не повторяет. Как видите, в отличие от меня, она не беседует сейчас с вами, а сладко спит.

— Какой фильм вы мечтаете увидеть в качестве зрителя?

— О геодезистах.

— Что бы вы хотели пожелать нашим юным читателям?

— Зоркости теодолита, устойчивости треноги, правдивости карты и наконец — завидной настойчивости их юнкоров, получивших это интервью столь необычным способом.

На этом мы с Борькой посчитали беседу оконченной и, побросав в ранец орудия

интервью, стали шепотом прощаться.

— Вы даже не представляете себе, товарищ Быков, как мы вам благодарны, — прочувствованно молвил Борька. — А интервью с вами мы завтра же в газету отнесем.

Быков развел руками — дескать, помог чем мог. Лица же его мы так и не разглядели толком. Ну да ладно! Главное — ответы надежно покоились в блокнотах.

Мы выскользнули из коридора и помчались вниз. Швейцар в фойе изумленно уставился на нас и заворчал:

— Что за такие полуночники? Половина двенадцатого... Непорядок...

Когда, проникнув через лаз в свой подвал, я осторожно приподнял крышку люка, в доме царила тишина и темнота. Родители спали. Оставалось спокойненько, на одних носочках, пробраться к себе.

Утречком мы набело переписали вопросы и ответы и, радуясь их полновесности, поехали к Сиропову.

Правда, в подъезде у меня случилась маленькая, можно сказать техническая, заминка. Выходя из подъезда, я вдруг кубарем полетел на землю от чьей-то подножки. Подняться мне не дал Ромка Суровцев, который тут же тяжело оседлал меня, приговаривая злобно:

— У, гад! Где копия?..

Я все понял. Суровцев-старший наконец-то прослушал кассету и ударил в колокола. С трудом высвобождаясь из-под грузной Ромкиной туши, я прохрипел:

— Нету копии... Не переписали...

— Врешь, гад! — свирепел Ромка. — Пр-р-редатель! Гони кассету! Я те уши оторву, если не отдашь. И Борьке тоже...

Послышались спасительные дробные шаги на лестнице. Кто-то спускался вниз. Ромка отпустил меня и убежал. Тут из Борькиного подъезда выбежал Шакал. Ого, облава на обоих сразу!

Было ясно, что отныне «солдат удачи» будет выжимать из нас копию разоблачительной кассеты. Ничего, пусть потревожатся... Жаль только, что копии мы так и не успели снять. Правда, в это они не поверят...

Заранее предвидя триумф и ликование и готовя себя к заслуженной похвале, мы ступили из лифта на этаж редакции и вдруг угодили в великую суету. Все сотрудники редакции выбегали из своих кабинетов и, неся впереди себя стул, спешили в кабинет редактора.

Можно было подумать, что это стулья неумолимо тащат за собой газетчиков, а вовсе не наоборот.

Когда Сиропов вернулся к себе за третьим стулом, Борька, раздосадованный тем, что Сиропов не обращает на нас равным счетом никакого внимания, схватил его за руку и закричал:

— Мы интервью принесли.

Сиропов с досадой высвободил руку и побежал было со стулом, по дважды проложенному маршруту, но, сделав шагов пять, вдруг остановился и, поставив стул на пол, вернулся к нам и спросил:

— Какое интервью?

Борька зарделся от удовольствия:

— С Быковым!

— А не врете? — сощурился Сиропов.

— Вот еще! — обиделся Борька. — Ночью взяли, когда у него в номере никого не было. Только дочь.

— Дочь? — удивился Сиропов. — А разве он в Ташкенте с дочерью?

— С дочерью. Он и про нее сказал. Говорит, что это лучшая его роль... Мы тут записали.

Сиропов испуганно выхватил протянутые ему Борькой листки и, не читая, спросил, как бы обращая вопрос к самому себе:

— Странно... Зачем же он вам отвечал, если сейчас и сам к нам прибудет?

— Сам? — ахнул я. — Сюда?

— Ну да, — подтвердил Сиропов. — Его вчера лично редактор пригласил — на встречу с журналистами и юнкорами.

— И он согласился? — ревниво сощурился Борька.

— Через десять минут будет.

Видя наши вытянутые лица, Сиропов сказал:

— Но вы все равно молодцы! Слов нет — молодцы. Ладно, после встречи с Роланом Быковым вы мне расскажете, как сумели все-таки попасть к нему в гостиницу «Узбекистан»?..

— Мы с ним в «Ташкенте» беседовали. На втором этаже, — сказал я.

— В «Ташкенте»?! — Сиропов отшатнулся от нас и изумленно переводил взгляд с меня на Борьку. — По-вашему, — хохотнул Сиропов, — он остановился сразу в обеих гостиницах? Оригинально...

— Ничего не в обеих, — обиделся теперь уже я. За Борьку мне стало горько. Ведь человек — р-раз! — и придумал такое, что даже супер-юнкору Маратику — кавалеру трех почетных грамот газеты, обладателю двадцати двух вырезок собственных заметок, лауреату конкурса на лучшую подпись под фотографией и уже едва ли не владельцу почетного звания народного юнкора республики, аксакала юнкоровского движения — оказалось не под силу. А Борьку вместо похвалы еще и вышучивают. Ну, не обидно ли?.. И я напомнил про листок: — Интервью-то взято!..

Но тут Сиропов стал почему-то хохотать не сдерживая себя, и даже к стенке коридора привалился, чтобы не сползти на пол.

— Ин... — заикаясь, смеялся он. — Ин... тер... вью... О-хо-хо! Да весь Ташкент... знает... хо-хо... что Быков остановился в «Узбекистане».. Ин... ха!.. тер... ха!.. вью!..

— Вчера вы сами сказали нам, что он остановился в «Ташкенте», — напомнил я.

— Правильно! — подтвердил Сиропов. — В Ташкенте, а не в «Ташкенте». Без кавычек, ясно?! В смысле — в городе. Интересно... Ха-ха!.. кого же вы там отыскиали? Да в одном Ташкенте сто Быковых!.. Почитаю, обязательно почитаю! — и Сиропов, сложив наши листки, которые мы по обыкновению подписали «Юнкор Игрек», сунул их во внутренний карман своего нового синего вельветового костюма и, подхватив реактивный стул, слился с ним и умчался.

Мы стояли в коридоре — оглушенные, потрясенные, обалдевшие. Борька виновато развел руками:

— Ерунда какая-то... Ты что-нибудь понимаешь?

Я зло покосился на Борьку:

— Кое-что начинаю... Эх ты, режиссер-альпинист! Куда же ты меня ночью водил? С ума можно сойти с тобой...

Если бы в эту минуту Борька мог одолжить хвост у Пирамидона, ему было бы что поджать.

— Ладно, — кисло выдавил я. — Интервью века отменяется! Пошли в гостиницу к велосипедисту — простыни спасать. Декорации то есть... А то ты завтра будешь и сам давать мамане своей интервью — куда простыни дел.

Можно было, конечно, остаться и повидать Быкова — теперь уже наверняка того самого. Но вдруг Сиропов захочет посмешить гостя и прочтет ему наше с ним «интервью»?..

Мы уныло поплелись в гостиницу, уже понимая, что произошло. Но в фойе я все-таки не выдержал и подошел к окошку знакомой нам регистраторши:

— Посмотрите, пожалуйста, еще раз сто двенадцатый...

— Быков проживает, — отозвалась вскоре регистраторша.

— А там не записано — кто он. Где работает? — с надеждой спросил я.

— Все зафиксировано, — кивнула она. — Все как положено... Вот, пожалуйста — Быков Василий Карпович... Начальник геодезической экспедиции... Прибыл на зональный семинар геодезистов.

«Ну и что с того! — подумал я. — Все равно человек очень интересный».

Как говорит Акрам — «Доверяй локатору, но гляди в оба». А еще — «Поспешись — айсберг насмешишь!» И еще: «Якорю — и тому не безразлично, на каком дне лежать».

ШАРОВЫЕ МОЛНИИ И МИННОЕ ПОЛЕ

Между тем дело шло к звонку на первый урок. Первый урок последнего дня перед весенними каникулами. Злые друг на друга и вконец расстроенные громовой неудачей, мы поспешили в школу и вошли в вестибюль вместе со звонком.

Первым уроком сегодня была физика. Это еще ничего. Сегодня, слава каникулам, не

среда, а значит нас не будет дразнить яичница. Это было бы весьма некстати — в хлопотах и поездках мы, конечно же, не успели пообедать.

У дверей класса, в коридоре, почему-то стояла парта. Обогнув ее, мы вошли в класс. Урок уже начался.

— Проходите! — сухо кивнул Николай Алексеевич и, поспешив к своему месту, мы вдруг с удивлением обнаружили, что нашей с Борькой парты... нет. Нет как не было, и только зияет зазор, где она стояла.

— Садитесь же! — с издевкой пригласил Николай Алексеевич. — Не мешайте вести урок.

— Но... — протянул я. — Но... Наша парта...

— Ваше место? — выкрикнул Николай Алексеевич, простирая сухонькую руку со сверлящим и негодующим указательным пальцем. — Вот и садитесь как хотите. Безобразники какие!.. Знаю я ваши штуки! Парту в коридор вытащили, и еще глумятся. Комедию, понимаешь, устроили. После урока к Леопарду Самсонычу пойдете!.. — Николай Алексеевич нервно ходил вдоль доски, бросая на нас с Борькой высоковольтные взгляды. Его зрочки, казалось, сейчас превратятся в шаровые молнии и, выполняя волю разгневанного учителя, полетят за нами вдогонку.

Только сейчас мы поняли, что за парта встретилась нам в коридоре. Эта была наша с Борькой парта. Но кому понадобилось вытаскивать ее в коридор? Ерунда какая-то...

— Можно, мы занесем? — смиренно спросил Борька, косясь в сторожу двери и избегая встречи с шаровой молнией.

— Нетушки, голубчик! — запротестовал Николай Алексеевич. — Вы этак мне урок в балаган превратите. Идите-ка лучше туда, к своей парте, и сидите там. А дверь можете открыть...

Делать было нечего. Мы поплелись к двери, раскрыли обе створки и, придвинув к двери парту со стороны коридора, сели за нее, ловя насмешливые взгляды наших товарищей. По лицу Кати Суровцевой прогуливалось, как по бульвару, откровенно разодетое в пух и прах - Ликование.

Вдруг кто-то тронул меня за плечо. Обернулся — Наталья Умаровна. В глазах — изумление.

— Вы чего это тут? За дверь выставили? Оригинально... А парту-то зачем наказывать!..

Я устало вздохнул. Ну что мы сейчас можем доказать? Наталья Умаровна ушла, ворча:

— Горе, а не класс на мою голову. Цирк какой-то...

Добродушного нашего старичка Николая Алексеича было просто не узнать. И куда только подевались его всегдашнее лукавство, шутки, вдохновение, обычно бросавшие его в несметную подсобку, откуда он доставал удивительные приборы и поражал нас волшебными опытами. Скучным, бесцветным, совсем незнакомым голосом рассказал он нам тему, а потом начал опрос, и до конца урока не вставал со стула.

Прозвенел звонок, мы внесли парту в класс, поставили на место и уставились на Николая Алексеевича, ожидая, что сейчас он выполнит свою угрозу и ответит нас к директору. Но Николай Алексеевич устало махнул нам рукой и, сгорбившись, поплелся в подсобку. Мы переглянулись. Что такое? Что все это значит? Кому понадобилось вытаскивать в коридор нашу парту? Почему так подавлен Николай Алексеевич?

Ну и дела. Тут — каникулы! Казалось бы, выкинь из головы школу — и думай о веселых вещах. Как же, выкинешь... Вопросы — один другого сложнее — поднимались из глубины нас самих, как молчаливые, притопленные бомбы. Шевельнись — взорвутся. Не шевелись — и взорвешься сам. От нетерпения. От любопытства. От жалости...

Бр-р-р! Незавидный выбор: шаровые молнии или минное поле...

В вестибюле Лена Авралова вывешивала огромный лист ватмана — план на весенние каникулы.

— Смотри! — показал Борька, ткнув палец в середину листа. — Знакомые все лица!

В плане значилось — «Книжкина неделя. Встреча с писателями, поэтами и журналистами детской газеты».

— Опять Сиропов? — спросил я вожатую.

Лена покровительственно объяснила:

— Олег Васильевич согласился организовать данное мероприятие и пригласить к нам творческий актив. Видимо, будут и они сами...

«Надо не забыть», — подумал я, запоминая дату и время встречи. На каникулы это было уже второе по счету дело. Учительница по литературе велела нам написать к первому

апреля сочинение «Моя заветная мечта», остальные же учителя смилостивились и задания не дали.

А из головы все не выходила парта и ужасно грустные в конце урока глаза физика.

Как говорит Акрам — «Плывут в порт, чтобы мечтать о море». И еще — «Моряк и на суше моряк. Море его берегу в долг дает, а забирает с процентами».

Еще Акрам говорит: «Чужой якорь на дно утянет».

Эту присказку брата мне пришлось вспомнить, когда, играя у третьего подъезда, мы нашли на тротуаре какой-то ключ. Борька положил его в карман, и мы преспокойно отправились играть в теннис — на победителя. За столом властвовал Ромка Суровцев. Он играл уже пятый раз подряд, обыгрывая всех. Нелегко сейчас приходилось и Борьке. При счете четырнадцать - одиннадцать в пользу Ромки подача перешла к Борьке. Подав по диагонали стола стремительный шарик, вяло отбитый Ромкой, Борька решил испробовать свой излюбленный прием: топ— спин. Ловко вильнув ракеткой, он прямо-таки из-под стола вывинтил шарик и послал его высоко над сеткой на сторону Ромки. Но увидеть, куда пришелся шарик, ни Борьке, ни Ромке не довелось. Потому что истошный крик дяди Сидора Щипахина, вспоровший тишину двора как консервную банку, заставил всех нас отвлечься от тенниса и уставиться на кричавшего.

Дядя Сидор метался от скамейки с бабусями к подъезду и обратно, иступленно выкрикивая одно и то же:

— Обокрали... Ключ утащили... Ой, беда!..

Он шарил во всех карманах и, не находя ключа, хватался за голову и продолжал выкрикивать свое:

— Прямо из кармана... Обокрасть хотят...

Скоро вокруг дяди Сидора собралась изрядная толпа сочувствующих и он уже в который раз повторял свои жуткие подозрения, смысл которых сводился к тому, что неизвестные похитители, выкрав ключ, теперь позарятся и на дверь его квартиры, а значит его имущество и жизнь — в серьезной опасности.

Заметив, что Борька нервно рыщет в кармане, отыскивая подобранный нами на тротуаре ключ, я сразу же сообразил, что это, вероятно, и есть «похищенный грабителями» ключ дяди Сидора. Но представив себе, что разразится, если Борька невинно предъявит сейчас ключ убитому горем дяде Сидору, я стремительно подскочил к Борьке и успел шепнуть:

— Не показывай...

Борькина рука будто умерла. Он поднял на меня огромные глаза и я прочитал в них отчаяние. Руки из кармана Борька не вынимал. Но я понимал, что, если и вынет, то только с намертво зажатым в пальцах ключом. Уж тогда-то дядя Сидор, чего доброго, живо ославит его на весь двор, а может, даже обвинит в том, что Самохвалов покушается на его «антиквариат». Поди докажи, что нет, если мы уже дважды побывали у него. Вроде как бы высматривали особо ценную рухлядь...

Поняв, что может произойти непоправимое и что надо спасти положение, я вплеп в хор путаных и бессвязных советов и утешений, на которые сейчас не скупились соседи, и свой вопль.

— Надо замок сменить! — крикнул я, и все почему-то умолкли, а дядя Сидор замер, будто мое предложение застигло его врасплох. Но тут все заволновались и стали говорить, что верно, что, сменив замок, можно сто раз начихать на потерянный ключ и на грабителей, которые, конечно же, уже сейчас готовят мешки и точат ножи, чтобы разделаться с ни в чем не повинной квартирой дяди Сидора.

— Верно! — повеселел дядя Сидор. — Но как же его сменить, если дверь заперта? Это ж, получается, ломать ее надо... Это ж, выходит, и дверь менять надо... Это ж, получается, сумасшедшие деньги... — дядя Сидор взвинчивал себя, как жаворонок, сверлящий синеву неба.

— А если ее изнутри сперва открыть? — хитро подсказал я. — Тогда и дверь ломать не надобно. Замок-то я ваш видел, он изнутри легко отпирается.

— А как я теперь в эту самую внутрь попаду? — чесал затылок дядя Сидор. — Я его и не запер вовсе. Захлопнул — и все! Вышел-то всего ничего, мусор вынести. А как теперь попасть? Ты ж меня пипеткой через замочную скважину в квартиру не капнешь. Чай, я не капля...

— А если по карнизу? — показал я. — Вон — положить доску из окна подъезда на карниз балкона. А там у вас, хорошо, окно открыто, р-раз — и через балкон к двери.

— Ого! — присвистнул дядя Сидор. — Это ж тебе третий этаж, а я, чай, не циркач.

— Подумаешь, третий этаж, — гнул я свое. — Я вон читал, один голодный каскадер в Америке на крышу стоэтажного дома за три часа забрался — и ничего, а тут даже лезть не надо, по доске два шага — и там!.. Что и говорить: после того, как Борька заставил меня ночью тайно спуститься с третьего этажа гостиницы на балкон второго, эта дневная, да к тому же вполне легальная операция казалась мне и вовсе невинной забавой.

Мой уверенный тон, похоже, вселил в дядю Сидора Щипахина какую-то надежду; взгляд его заметался по толпе, и вдруг, остановив его на Ромке Суровцеве, дядя Сидор просиял и воскликнул:

— Ромашка! Может, ты и слазишь?

Суровцев побледнел и замахал руками:

— Да вы что! Я высоты боюсь. С детства...

— Вот еще!.. — обиделся дядя Сидор. — Неуж, струсил? А ведь я тебя, братец, кажется, не обижал. Или не выручишь?

Ромка пугливо и проворно ввинтился в толпу, как дождевой червь, слегка потревоженный лопатой рыбака. Следом за ним утонул и Шакал. Толпа гудела.

— Ну вот! — горестно развел руками дядя Сидор. — Только ломать и осталось. Сам-то я ни в жисть туда не залезу. В мои-то годы трюки откалывать...

— Доску найдете? — спросил я.

— Есть доски! — кивнул дядя Сидор. — В сарайчике.

— Тащите сюда. Сейчас сделаем! Как в цирке...

Дядя Сидор с недоверием поглядел на меня, но мгновение спустя помчался к старенькому гаражу, служившему музеем для его бесчисленных коллекций. Вскоре он принес широкую доску метра в два длиной. По такой доске ловкач и на трехколесном велосипеде проехал бы. Если, конечно, сумеет поднять велосипед на... передние дыбы! Не забыл и пилу. Мы быстро отхватили пилой угол доски, рассчитав так, чтобы она плотно легла на боковой карниз балкона, выпиравший на ширину кирпича, и поспешили в подъезд — к окну, откуда и собирались проложить к балкону мост. Когда доска легла на карниз и я собирался было ступить на нее, чтобы спасти дверь дяди Сидора, меня потянул за руку Борька.

— Дай мне! — твердо сказал он. — Я полезу. Если не ошибаюсь, это я — Главный Тимур. Не так ли? А значит первая попытка — за мной. — И, сощурился, он сурово и глубоко посмотрел на меня. Я понял его замысел и, не споря, отступил.

В успехе Борькиной экспедиции я ни на миг не сомневался. Борька в четыре секунды дошел до балкона, ухватился за подоконник и, сложившись пополам как перочинный ножик, перевалился в квартиру под шумные аплодисменты затаивших дыхание болельщиков. Вскоре входная дверь отворилась, и, потрясенный стремительностью операции, дядя Сидор заключил спасителя в объятия. Высвободившись из них, Борька смущенно залепетал:

— Ну что вы... Это же так просто... На физкультуре мы еще и не такое проделываем.

И словно спохватившись, Борька полез в карман, достал найденный нами на тротуаре ключ и протянул дяде Сидору:

— Вот ваш ключ. Ваш?

Дядя Сидор как-то странно дернулся и дрожащей рукой пугливо потянулся к ключу.

— Мой!.. Мой, братцы! — воскликнул он. — Это что же такое происходит? Выходит, я его дома оставил, а дверь просто захлопнул?

— Ничего подобного, — хмуро возразил Борька. — Вы же видели, я его из кармана достал — он около подъезда валялся.

— Так это ты его нашел? — изумился дядя Сидор. — Чего ж сразу не отдал? Зачем тогда этот смертельный номер?

— Затем! — отрезал Борька. — После того, что вы сказали про ключ, куда безопаснее было лезть через балкон, чем просто отдать его...

Тут счастью дяди Сидора и вовсе не стало предела. Шутка ли — и дверь спасена, и на замок можно не разоряться. А больше всего радовался дядя Сидор своей рассеянности. Ведь, не найдись ключ — немалые бы ему сейчас предстояли хлопоты с замком.

Помаленьку зеваки начали расходиться. Дядя Сидор поманил нас с Борькой в квартиру и закрыл дверь. Лицо его дышало любовью.

— Хотите с автоматом поиграть? — спросил он. — Целый час... И денег не надо! —

щедро раскошелливался он.

— Не, — покачал головой Борька. — Мы же за так, за бесплатно. При чем тут автомат?

Дядя Сидор развел руками и открыл нам дверь. Мы спустились вниз, как вдруг дядя Сидор вновь отворил дверь и гулко крикнул нам:

— Эй, пацаны, на секундочку!..

Мы поднялись к нему, и дядя Сидор, подмигнув Борьке, спросил:

— Песок нужен?

— Песок? — растерялся Борька. — Зачем?

— Как это — зачем? Не притворяйтесь. Вы же ванную собираетесь переделывать. Кто ж про то не знает.

— Не сейчас, — сказал Борька. — К лету...

— Пусть к лету, — остановил его дядя Сидор. — Все равно ведь песок нужен. Так слушай — я вам свой отдам. Не покупайте, ладно? Хоть сейчас берите ведра — и несите к себе.

— А куда... Куда нести? — бубнил сбитый с толку Борька. — Не домой же. А в песочнице уже был. Да только кончился весь. Наверное, малыши пироги из него пекли, да так потихоньку и растащили. — Борька чудом сохранял способность еще и шутить...

— Вот чудак! — огорчился дядя Сидор. — Не хочешь в песочницу — сыпь в ванну! У вас же ванна в подъезде протухает.

— Не выйдет! — отрезал Борька. — Там Пирамидон живет.

— Как знаешь! — развел руками дядя Сидор. — Я ж как лучше хотел... Помочь...

— А можно, песок у вас пока полежит? — подсказал я. — До лета.

— Это можно! — просиял дядя Сидор. — Ты мамке своей так и передай — пушай за песок не думает. Я его для вас схороню. Дядя Сидор благодарность понимает. Он за добро всегда добром лупит...

Когда мы вышли из подъезда, дядя Сидор крикнул с балкона:

— А хотите, я про вас в газету благодарность напишу, а на гонорарий вам ящик пепси-колы поставлю?

— Не надо пепси! — запротестовал Борька. — Лучше песок сохраните, ладно?

— Забито! — царственно поднял ладонь счастливый дядя Сидор. — Жалую, так сказать, песок с собственного плеча!

Как говорит Акрам — «Если хочешь остаться у разбитого корыта — поймай золотую рыбку».

Но с другой стороны, можно ведь найти способ не прогадать: просто отпустить золотую рыбку восвояси и ничего не просить у нее взамен. Ни корыта, ни трона...

МОЯ ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА

Признайтесь честно: у вас есть заветная мечта? Еще бы! Конечно, есть. Только, наверное, на то она и заветная, чтобы потихоньку знать о ней самому и спокойно выращивать — как, к примеру, кактус на солнечном окне.

Большая мечта — она ведь трудная и колкая.

Хорошая мечта — она долго зреет.

А тут — на тебе: пиши сочинение «Моя заветная мечта». Доставай свою мечту и виляй ею перед всеми — будто это и вовсе не мечта, а шуба с ламой или футболка с визгливой надписью. Это уже не заветная, а какая-то фирменная мечта получается...

Моя мечта? А пожалуйста. Могу и на выбор...

Хочу, чтоб владыка морей Нептун поскорее Акраму увольнительную на берег подписал: давно не виделись.

Хочу, чтоб появилась наконец-то в газете хоть одна заметка юнкора Игрек.

Хочу, чтоб мисс Кэт Суровцева вдруг захотела своими руками отремонтировать связку страниц «Острова сокровищ».

Хочу, чтоб Леопард Самсонович вылил в арык бочку нечестной краски. Правда, арык жалко...

Хочу, чтоб дядя Сидор Щипахин сам перенес ночью песок из ванны обратно в песочницу.

Хочу, чтоб пылесос Натальи Умаровны пополнил коллекцию дяди Сидора Щипахина.
Хочу, чтоб чья-нибудь мама во дворе разрешила взять Пирамидона домой.
Хочу, чтобы Шакал пожил хоть неделю в зимующей в подъезде ванне — вместо Пирамидона.

Хочу хоть разочек увидеть в какой-нибудь очереди Динэра Петровича.

Хорошо бы когда-нибудь подарить маме Борьки Самохвалова такую шубу, как у Катьки Суровцевой. У них и размер-то одинаковый!..

Вот бы обставить Ромку Суровцева в теннис со счетом 21:0!

А еще неплохо бы поговорить с настоящим Роланом Быковым. Можно даже без блокнота...

Чтоб никогда не подгорала яичница у Николая Алексеевича.

Чтобы мама не мечтала о японском телевизоре...

...а папа — не обещал ей когда-нибудь достать его.

Очень хочу, чтобы Борька никогда не поссорился со мной. До самой пенсии. И потом тоже...

Мечтаю, чтобы Олег Сиропов решился получить квартиру в другом кооперативе.

Конечно же, хочу, чтобы пионер-акын Рудик Крякин хоть раз доказал, что он — не легенда, а действительно живой человек.

Ну разве все это не мечта?

И разве это — не сочинение?

И разве можно за эти 19 желаний получить что-нибудь дельное, кроме экстренного вызова отца в школу? Между прочим, — действительно члена родительского комитета...

У Акрама тоже есть мечта. Он о ней так говорит: «Настоящая мечта сбывается не однажды, а все время, незаметно». И еще: «Мечту надо работать. Мечту надо ставить как парус».

СБЫЛАСЬ МЕЧТА № 19 !

Неужели и вовсе так заведено, что сбывается только последняя мечта?.. Ну не чудеса ли! Приходим с Борькой в школу на открытие книжкиной недели, а у входа нас караулит типографская афиша с уточнениями, сделанными красным фломастером: «Всем! Всем! Всем! У нас в гостях проездом с Чиланзара на Каракамыш — юный поэт-международник Рудольф Крякин (г. Ташкент). В программе — новые частушки, ответы на вопросы, моментальное выполнение литературного заказа в присутствии заказчика, раздача автографов, литературная консультация на местах».

Вот так сюрприз! Мы, конечно же, поспешили в зал, недоумевая: что это за новая приставка появилась у Крякина? Международник... Ну да! Все понятно. Он же недавно был с мамой в Болгарии по ее кооперативным делам. Ловко! И афишу они ловко напечатали. На ней даже фотография Рудика уместилась. На нас покровительственно смотрел с афиши пухлощекий мальчишка лет тринадцати, с волосами, спускавшимися до плеч. Он стоял, опираясь правой ногой на пишущую машинку, в каретке которой трепыхался лист бумаги с бессмертным началом: «На горе стоит...». Это был явно фамильный герб Рудика. Широкое горло Крякина прикрывала бабочка. Такая бабочка вполне могла бы лишить покоя Наталью Умаровну — до поры, пока не стала бы украшением зоокабинета. Ловкач-фотограф умудрился впечатать в это место самую настоящую бабочку, сфотографированную отдельно от Крякина. Ее могучие крылья, видимо, должны были символизировать полет

творческой фантазии поэта-международника. Похоже, фотограф тоже состоял в кооперативе Крякиной, а может, и не только он.

Зал был жидковат, но человек двести все-таки пришли на встречу.

Ровно в час в актовЫй зал вошли в сопровождении нашей Лены Авраловой Олег Сиропов в знакомом нам синем вельвете, худощавая женщина с тонким длинным носом, чем-то напоминающим указку, которой Наталья Умаровна таранила богатырскую сосульку, а замыкал процессию мальчишка в пальто, в мохнатой шапке и с красным шарфом, туго пеленавшим горло. Свободный конец шарфа, перекинутый через плечо, плескался за спиной, как шлейф короля. Лена Авралова вполне могла бы организовать пару октябрят, чтобы они страховали конец шарфа от контакта с полом.

Гостей встретили аплодисментами. Они прошли на сцену, где их ждал стол с тремя микрофонами. Женщина наклонилась к Рудик и что-то прошептала. Рудик послушно кивнул, расстегнул пальто, но снимать его не стал, потом он стянул с головы шапку, которую с готовностью выхватила у него Авралова и положила на колени. Олег Сиропов взял микрофон и устало сказал:

— Со мной, думаю, уже все знакомы. Да и вообще, ребята, я сегодня пришел только как конференсье, чтобы представить вам вашего сверстника — юного поэта Рудольфа Крякина.

Все вновь заплодировали, и Рудик, а вместе с ним и мама, синхронно раскланялись.

— Рудольф, — продолжил Сиропов, — успешно совмещает учебу с глубоким погружением в пучину творчества. Но, думаю, подробнее и интереснее о жизненном пути юного поэта, о его вылазках на Парнас расскажет его самый близкий друг — мама, Маргарита Павловна Крякина.

Микрофоном овладела мама Рудика и сказала, обращаясь к знаменитому сыну:

— Рудик! Детка! Не открывай ротик. Здесь холодно.

Потом она повернулась к залу и объяснила:

— Рудинька с детства рос болезненным мальчиком, страдал стафилококком, и поэтому ему нельзя простывать — очень хрупкое у него горлышко. Поэтому я и не разрешаю ему снимать пальто в этой стуже...

Хороша стужа! — подумал я. — Сама-то она довольствуется сарафаном.

Крякина полезла в сумку и достала толстую амбарную книгу — похожую я видел у школьного завхоза.

— А сейчас, — объявила Крякина, — я, с позволения Рудички, познакомлю вас с новыми его произведениями. Это так интересно... Так талантливо... Так смешно!.. Я их всем своим пайщикам в правлении читаю. И, уверяю вас, все хохочут до икоты. Да мне и уважаемый товарищ Сиропов не даст соврать, что Рудик — явление!

Сиропов кивнул, храня на лице каменное выражение. На таком лице скульптор мог бы высекать что угодно.

Крякина отворила журнал и, давась от смеха, начала читать частушки. Все они были нам уже знакомы по «Полному собранию частушек...», хранившемуся в кабинете Сиропова. На сороковой частушке, где Рудик пытался увязать котлован под девятиэтажный кооперативный дом улучшенной планировки — с необходимостью тщательно продумывать каждый пункт годового плана работы дирекции школы, я не выдержал и крикнул:

— Крякина давай! Автора просим к микрофону!

Тут уже все затопали ногами и закричали:

— Автора! Автора!

Крякина, побледнев, отступила назад и щуплым своим тельцем закрыла Рудика от летевших в него увесистых выкриков. Наконец она пришла в себя и взволнованно выговорила в микрофон:

— Да-да!.. Мне понятно ваше законное желание услышать любимшегося поэта, так сказать, живьем. Но поймите, детки, Рудик сегодня нельзя открывать рот. Врач ему прописал профилактическое молчание для укрепления голосовых связок... Если хотите — я включу для вас магнитофон. Вот, у меня здесь весь Рудинька записан... Двадцать девять кассет... — из бездонной сумки Крякиной выполз магнитофон. — Двое суток звучания!

Повисла тишина.

— Где электрик? — властно спросила Крякина. — Позовите радиста, нужен усилитель. Сейчас... Сейчас вы услышите Рудичку живьем...

Зал дружно затопал, отвергая магнитофон. Положение спас Сиропов, спешно выкрикнувший:

— Тихо! Переходим к следующему вопросу повестки. Тут накопились ваши заказы, и

пока мама Рудольфа любезно знакомила вас с новинками его поэзии, сам Рудольф не терял времени даром и успел выполнить все ваши заказы. Разрешите огласить частушки, рожденные только что под сводами этого зала. Все они ярко отражают волнующие вас внутришкольные вопросы и проблемы, содержащиеся в записках. Можете использовать эти частушки на своих школьных вечерах, Рудольф шепнул мне сейчас, что дает вам на это свое любезное согласие...

Все притихли, и Сиропов, подвинув к себе гору листков, которые передал ему с самым равнодушным видом скорострельный Рудик, вдохновенно прочел:

Пилят на горе ольху,
Сыплются опилки.
Вот пусть овчарка сама и сдаст
Обнаруженные бутылки!

Без яичницы к обеду,
Как снежинка, упаду.
Принесу-ка я-ка в школу
Из дому сковороду.

Подружка моя.
Скоро будет лето,
А в кабинете зоологии пылесос
Чуть не слопал двух скелетов.

Я мысленно аплодировал Рудуку. Он был просто феноменален. В шестидесяти трех четверостишиях он, можно сказать, в мгновение ока и прочно увязал все мыслимые стихии — грозы, ливни, цунами, Бермудский треугольник и Марианскую впадину, а также фауну и флору планеты, включая вымершие рептилии, — с заданиями на дом, пребыванием у доски и вызовами родителей в школу. Самое забавное, что все это было действительно смешно. Дочитав последнюю частушку, Сиропов устало сказал:

— Вот и все! До новых встреч! А нас с Рудольфом сегодня ждут любители поэзии еще в двух школах. Так что мы поспешим...

Гости поднялись со стульев, зашумел и зал. Но тут вдруг, перекрывая общий шум, раздался громкий голос:

— Минуточку!..

С заднего ряда поднялся тишайший наш Николай Алексеевич. Вот бы не подумал, что он может говорить так громко.

— В чем дело, товарищ? — спросила Крякина. — Если вы по вопросу автографа, то Рудинька готов. Приятно, что такой пожилой человек тоже увлекается поэзией.

— Вот именно! По вопросу автографа! — подтвердил Николай Алексеевич и стал быстро пробиваться к сцене. Взяв микрофон, он, заметно волнуясь, сказал:

— Там, на афише, обещаны ответы на вопросы... Вот я и хочу задать вопрос. Только не поэту Крякину, а самому залу. Так сказать, пользуясь случаем... Дело в том, что в последний день занятий кто-то... кто-то оставил автограф у меня в кабинете. У меня в коробочке... В подсобке... лежали медали. Фронтонные медали. Они пропали. Все одиннадцать... Я не знаю, кто это сделал да и не стремлюсь знать. Я прошу вернуть их на место, если кто из вас пошутил. Кабинет я оставляю открытым на все каникулы. — И каким-то изменившимся, погрубевшим голосом он добавил:

— Очень прошу...

Николай Алексеевич положил микрофон на стол и стремительно вышел из зала. Мы сидели оглушенные услышанным. У Николая Алексеевича пропали медали? Значит, он фронтоник, герой?! А мы, дураки, улыбались его яичнице...

А как ушли гости, я и не заметил.

Акрам говорит: «Не всё то корабль, что плывет». И еще — «Цену суше узнаешь в море».

«ГОТОВЬТЕ ЦУНАМИ!»

Больше всех, как мне показалось, был обескуражен услышанным Борька Самохвалов. Как же! Он, Главный Тимур, даже и не подозревал, что наш Николай Алексеевич — герой. А как узнаешь, если человек ходит в скромном пиджаке, а медали свои, оказывается, стесняется надевать. И вот еще новость — пропали... Кто же это мог сделать? А ведь точно — кто-то похозяйничал в тот день в кабинете физики. Ведь и наша с Борькой парта почему-то оказалась в коридоре. Понятно теперь, почему Николай Алексеевич в тот день был таким хмурым.

Я думал обо всем этом, когда мы в толпе выбирались из зала, где нас зарядили новой порцией частушек Рудика Крякина. Борька тоже был мрачен и растерян. Но когда мы наконец выбрались на улицу, он вдруг сказал такое, что заставило меня остановиться.

— Знаешь... — уронил Борька. — Я, кажется, видел эти медали.

— В подсобке?! — удивился я. — Ты заходил туда.

— Ну что ты... Я их у дяди Сидора видел... Когда через балкон к нему лез... Они на столе лежали. Я еще подумал — что за новости, откуда у Щипахина медали?

— А ты их посчитал? Не одиннадцать?

— Вот еще. Откуда ж я знал, что считать надо.

Я ужаснулся. Жизнь наша с Борькой, помимо нашей воли, то и дело бросала нас к дяде Сидору Щипахину. Он, словно магнит, притягивал к себе нас, как металлические песчинки. Но вот новая задача. Откуда у него все-таки появились вдруг эти медали? Он и в школе-то был лишь раз. В январе, когда стекло побежал на пятерку обменивать. Да и как с ним говорить о медалях?

Но другого выхода не было, и мы решили пойти к дяде Сидору, надеясь на добрый прием. Что ни говори, Борька спас его дверь и замок...

Дядя Сидор Щипахин встретил нас у двери с улыбкой:

— Знаю, за песком пожаловали! Решили не ждать до лета. Угадал?

— Не угадали, — мотнул головой Борька. — Мы про медали спросить хотели.

— Медали? — насторожился дядя Сидор. — Какие еще медали?

— А те, что у вас на столе лежат. Сейчас Николай Алексеевич, физик наш, объявил в школе, что у него пропали медали.

Дядя Сидор побледнел и отступил.

— А к-какие пропали? Сколько штук?

— Одиннадцать.

— И у меня одиннадцать, — испуганно уронил дядя Сидор. — Что же это такое?

— Одиннадцать? — обрадовался я. — Вы нашли ведь их, да?

— Как бы не так. Их Ромка со своим дружкой принесли. Купить предлагают. Или чтоб так договориться: мне — их коллекция, а они — на автомате год бесплатно играть будут.

— Коллекция?! — вспыхнул Борька. — Какая еще коллекция?

— Ромка сказал, что давно собирает медали... С первого класса... А теперь, говорит, они ему ни к чему.

— Давайте сюда медали! — заторопился Борька. — Мы в школу сбегает, Николаю Алексеичу их покажем. Может, признает...

Дядя Сидор протестующе затряс рукой:

— Не-нет... Только не у меня... Я сейчас... сейчас... — Он пробежал через свой автомат в комнату, не забыв бросить в него очередной пятак, и вскоре мы увидели а руках бархатную тряпицу, в которой позвякивали медали. Руки дяди Сидора тряслись.

— Я... сейчас... — бормотал он. — Все Ромке отдам... Они за них мно-о-о-го рублей просили... Вот у них потом и забирайте! А я!.. Я... В эти игры не играю... У меня и свои коллекции есть. Честные. Я их вот этими руками собирал. Пусть сами и выкручиваются теперь...

Хлопнув дверью, дядя Сидор спрятал медали в карман и побежал в подъезд Суровцевых.

— Как думаешь, — спросил я. — Отдадут?

— Должны отнести, — согласился Борька. — Дядя Сидор-то им с Шакалом скажет сейчас, что это уже не тайна. Отнесут и тихонько на место положат. Я так думаю...

Мы вышли во двор, и тут меня позвала мама.

— Тебе из редакции звонили! — крикнула она с балкона. — Очень срочное дело.

— Пошли, — сказал я Борьке. — Это Сиропов.

— Не может быть. Он же с Крякиным дальше поехал. Турне у них сегодня.

Борька оказался прав. Это был не Сиропов. Звонили из секретариата.

— Ой, какие вы молодцы, что сами позвонили! — обрадовалась незнакомая нам девушка. — Тут, понимаете, какое дело. Случайно мы нашли на столе, у Сиропова ваше интервью с Быковым. Дадим на первое апреля! Это будет целый номер смешных случаев, недоразумений, розыгрышей, ну вы понимаете... А я сейчас прочла и увидела, что нет имени-отчества вашего Быкова. Вы что — забыли или не знаете?

— Знаем... — растерянно уронил я. — А разве... Разве вы это напечатаете?

— Конечно! Это же самый интересный материал номера! Настоящий гвоздь! И чего Сиропов его прятал — ума не приложу. Мы и вводу написали — как все у вас вышло. В общем — здорово! Молодцы, Игреки! Отличная шутка... Ну так как же с именем?

— Василий Карпович он... — безвольно диктовал я. — Да, геодезист...

— Спасибо! И обязательно приходите — буду вас ждать!

Девушка положила трубку, а я все держал свою трубку в руке, от растерянности не зная, что делать и как сказать о новости Борьке. Я почему-то сомневался, что он обрадуется.

Звонок в дверь прервал мои раздумья. Почтальон. Телеграмма... Из Владивостока. От Акрама!

— Мама! Мама!..

ПРИЛЕТАЮ ВЕЧЕРОМ ДЛИТЕЛЬНЫЙ ОТПУСК ТЧК. ГОТОВЬТЕ ЦУНАМИ ШАМΠΑНСКОГО ВСКЛ АКРАМ ТИХООКЕАНСКИЙ»

Мама всплеснула руками, испачканными в муке, и принялась вытирать ими заблестевшие глаза.

— Папе позвони! — заторопила она меня, изучая телеграмму.

— Хоп! — воскликнул я, бросаясь к телефону.

— Гляди! — показала она. — Он ее в восемь утра дал. Значит, уже в пути.

Наконец-то приезжает Акрам! Вот здорово! Но как же быть с медалями?

Интересно, понесли ли их Ромка с Шакалом в школу? А если нет?.. Что нам делать тогда?

Погоди, погоди... Как говорит Акрам? «Готовьте цунами!»

ФЕЙСОМ ПО ТЕЙБЛУ, ИЛИ ВЫЕЗДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПЕДСОВЕТА

Легко сказать — готовьте цунами.

Про то, как его готовить, ни в одной поваренной книге не прочтешь. Цунами — это ведь вам не лагман и не борщ. Цунами — это скандал. И не только на море. А скандал кто любит?

— Пошли варить цунами! — мигнул я Борьке.

— Я спать хочу, — честно признался Самохвалов, — Какое еще цунами!

— К Ромке пошли. К Шакалу пошли. Скажем, что все знаем.

— А это им уже без тебя Щипахин сказал.

— А если не сказал? Вот взял — и не сказал. Отдал — и делайте, что хотите. Айда...

Ромка, как обычно, царил у теннисного стола, вышибая очередников одного за другим.

— Тебе чего? — нахмурился он, поймав мой взгляд.

— Пойдем к гаражам, — спокойно сказал я. — Разговор есть.

Мы отошли и я сказал:

— Медали надо вернуть. Нехорошо.

Ромка положил мне на плечи тяжелые свои ладони и полюбопытствовал:

— Хочешь в морду?

— Я медали хочу... Чтоб ты вернул.

— И я тоже, — подтвердил Борька.

— Понимаю! — кивнул Ромка. — Ты тоже в морду хочешь. Сейчас мы вам это организуем! — и он замахал рукой:

— Шакал, иди скорей, дело есть! Проект!..

Подбежал Шакал и Ромка спросил его:

— Сэр, у вас случайно рука не чешется? Есть редкая возможность устранить зуд.

Шакал, противно хихикая, стал надвигаться на меня, поплеывая на ладони.

— Учти, Ромка! — предупредил я. — Вечером из Владивостока брат приезжает. Моряк.

Мастер спорта. Если будете тянуть — он вас отдубасит, как акулу на палубе. Я не шучу.

— Ах, как я испугался! — засмеялся Суровцев. — Прямо-таки сегодня специально и приезжает? Ты эту басню лучше своему Пирамидону расскажи.

И тут Борька спросил Ромку:

— Кассета с копией нужна? Та самая...

— погоди! — остановил Суровцев Шакала. — Из малышей, кажется, хлынула информация. Стало быть, есть все-таки копия? Переписали все-таки? Где она?

— В швейцарском банке! — сказал я. — Очень надежно.

— Когда вернете?

— Если хотите — поменяем. На медали. Мы их сами хозяину вернем.

Ромка задумался и зло процедил:

— А если у нас нет медалей?

— Значит не будет и кассеты. Мы ее завтра Леопарду Самсонычу отнесем. Пусть послушает, что там твой батя про него говорит. Пожалуйста, мы не навязываемся.

У Ромки округлились глаза.

— Ты что! — зарычал он. — Обалдел, да? Мне же через месяц школу кончать. Всю малину мне оборвать хочешь?!

— Тогда давай медали.

Шакал упер руки в бока и процедил:

— Да что ты с ними, Ромчел, цацкаешься? Фейсом их по тейблу — и весь им ай лав ю! Мордой, говорю, об стол — и все дела!

— Да погоди ты! — цыкнул на Шакала Суровцев. — Тебе-то что. А на меня у них целая кассета намотана. Запросто можно подзалететь с папашей вместе.

Шакал развел руками:

— Тогда зачем шуметь? Махни ее на железки, пока, они согласны. Пусть потом что хотят говорят. Не пойман — не вор. Еще на них самих и подумают. Соглашайся.

— Тащите... кассету... — мрачно выдавил Ромка. — Щас поменяемся. Я тоже сюда их вынесу.

Я мельком глянул на Борьку. Что делать? Никакой копии у нас ведь и в помине нет. Борька все понял.

— Не-е... — протянул Самохвалов. — Здесь не пойдет. Это не серьезно.. Давайте лучше ко мне.

— Зачем же домой? — закапризничал Ромка. — А мамаша?

— Мама в театре. Никого нет.

— Ол райт! — согласился Ромка. — Сейчас придем к тебе. Отпирай свою кибитку.

Ромка с Шакалом пошли за медалями, а мы побежали к Самохвалову, путем лихорадочно размышляя, что бы нам теперь предпринять. Положение, честно говоря, было безвыходным. Ведь, поняв, что кассеты у нас нет, Ромка не отдаст и медали. Мы так ничего и не успели придумать, как в дверь позвонили Суровцев с верзилкой Шакалом. Они осторожно вошли в квартиру, заглянули в спальню, на кухню и балкон, и только убедившись, что, кроме нас с Борькой, в доме никого нет, Ромка достал из кармана уже знакомую нам тряпицу, не раскрывая ее, позвенел медалями и сказал:

— Ну...

Мы молчали, замерев как политые в мороз водой из шланга.

— Ну! — повторил Ромка. — Гоните кассету. Есть она у вас или нет?

Я оцепенело молчал.

— Есть! — уронил Борька. — Есть кассета... Она... Она... В подвале!

— Ну так доставай скорее. Чего тянешь резину? Ступай в свой швейцарский банк.

— Сейчас... достану... — пролепетал Борька и, пятясь, ушел на балкон и нырнул в подвал.

Прошло минуты три, а Борька все не выходил. Ромка начинал терять терпение.

— Ну чего ты там? — крикнул он. — Забыл, что ли, где лежит?

Борька высунулся из люка и виновато сообщил:

— Не забыл... Просто тут света нет, темно... Володька, возьми спички на кухне, у плиты... Иди сюда, посветишь.

Начиная смутно догадываться, что Борька успел что-то придумать, я схватил спички, быстро спустился к Борьке в подвал и начал, для вида, жечь спичку за спичкой. Наконец, взбешенный Ромка склонился над люком и закричал:

— Эй, только честно: есть кассета или нет?

Я молча продолжал жечь спички.

— Значит — есть! — заключил Ромка. — Учтите, мы вас отсюда не выпустим, пока не получим кассету. Мамаша во сколько придет?

— В десять, — честно ответил Борька.

— Вот и прекрасно! — заключил Суровцев. — Нам спешить некуда. Сидите в своем швейцарском банке, пока не найдете.

Он сбросил нам в подвал еще два блока спичек, которые увидел на кухне. В каждом из них было по пятьсот спичек, и жечь их можно было до конца учебного года.

— Привет! — засмеялся Ромка и со страшным стуком захлопнул люк. По скрежету над головой мы поняли, что он поставил на крышку люка стул и сел.

Я зажег спичку. Тусклый свет выхватил счастливое лицо Борьки.

— Ты все понял? — радостно зашептал он.

— Все, — вздохнул я. — Сидим в каменном мешке.

— Вот чудак! — растормошил меня Самохвалов. — Для чего ж мы с тобой лаз рыли? Давай, лезь к себе — и быстро в школу, за Николаем Алексеичем.

Услышав это, я чуть не упал от изумления. Наконец, придя в себя, прошептал:

— Ты... Борька... Ты — гений!.. Представляешь, со-о-всем забыл. Думал, что нам теперь здесь капут — пока мама твоя не придет... Слушай, побежали вместе!

— Нельзя, — отклонил Борька. — А вдруг они поднимут крышку — что, мол, да как? Нет, я здесь побуду.

Борька был прав. Кто-то должен был усыплять бдительность Ромки и Шакала. Я нырнул в лаз и через мгновение поднял крышку люка в своем подвале.

Мама была на кухне. Увидев меня, спешно выходящего с балкона, она вскинула удивленные глаза:

— Разве ты дома?

— А где же еще... — пробурчал я, пробиваясь к двери.

— погоди! — заволновалась мама. — Ты куда? Помоги хоть пельмени налепить — ведь Акрам сейчас приедет. Будь человеком!

— Сейчас... сейчас... — механически повторял я, выкатывая велосипед в подъезд. Мама тарачила на меня глаза, ничего не понимая и просыпая муку на палас.

— Я быстро...

В школу я мчал, думая лишь о том, чтобы Николай Алексеевич был там. Я увидел его издали, еще въезжая во двор. Физик стоял в группе учителей, был с ними и директор школы Леопард Самсонович Мانتюш-Бабайкин. Выбора у меня не было. Подлетев к учителям, я спрыгнул с велосипеда и, тяжело дыша, потянул за рукав Николая Алексеевича.

— Скорее! Там... Медали... А то уйдут!

— Медали?! — вздрогнул физик. — Уйдут? — Он перевел растерянный взгляд на директора:

— О чем он, Леопард Самсонович?

— Говори толком! — сердито сказал директор. — Что случилось? Где медали?

— У Самохвалова... В третьем доме...

— У Самохвалова! — всплеснула руками Наталья Умаровна. — Какой ужас! Кто бы мог подумать! А такой, казалось бы, хороший мальчик... Ох, горе ты горькое... Вот она — безотцовщина!

Я хлопал глазами, силясь понять, о чем это толкует Наталья Умаровна. По ней и вовсе выходило, что медали стащил Борька. И сообразив наконец, это, я вскричал:

— Вы не поняли... В смысле — не у Самохвалова, а у него дома! А сам Борька сейчас в плену сидит... В подвале... Они его не выпускают.

Видимо, я все-таки объяснял по-прежнему путано. Учителя переглядывались. Какой подвал? Какой плен?

— Может, мальчик нездоров? — покосился Леопард Самсонович на Наталью Умаровну. — Переутомился малость. Знаете, после третьей четверти это иногда случается...

— Да здоров я, здоров! — в отчаянии закричал я. — Идемте скорее! Говорю же вам — там Борька в плену. А медали у Ромки и у Шакала. Скорее надо! Ну, пожалуйста...

— Пожалуй, надо пойти, — сказала Наталья Умаровна. — Вы идете, Николай Алексеевич?

— Ну конечно, конечно... — закивал физик.

— Я тоже пойду! — сказал Леопард Самсонович и, глянув на Лену Авралову, прибавил: — И вам, Леночка, тоже советую присоединиться к нам. Разберемся на месте, что

происходит.

От школы до нас ходу быстрым шагом — минут восемь. Но мне казалось, что мы идем целую вечность. Я кружил на велосипеде и нервно поторапливал группу спасателей:

— Скорее... Скорее...

Николай Алексеич быстро устал от спешной ходьбы, и я предложил ему сесть на багажник. Так и повез...

Мы уже подходили к дому, как вдруг я увидел — из подрулившего к подъезду такси выходит с чемоданом Акрам! Приехал! Приехал через два часа после телеграммы... Да, недаром мама спешила с пельменями. Акрам уже ступил в подъезд, когда я догнал его и, дав Николаю Алексеичу сойти с багажника, повис на шее Акрама.

— Акрам! Брат!

Но в ту же секунду я замахал всем рукой:

— Скорее!.. Сюда!.. Сюда!.. — и первым взбежал по ступенькам к нашей двери и позвонил.

Бедная мама! Ее изумление и растерянность не имели границ. На пороге стояли Леопард Самсоныч, Наталья Умаровна, Николай Алексеич, Лена Авралова и — Акрам с чемоданом!

— Гости... д-дорогие! — испуганно отступила назад мама. — П-проходите...

Но гости не спешили входить.

— Что за шутки? — глянул на меня Леопард Самсонович. — Ты же вел нас к Самохвалову, а не к Балтабаеву! — и, повернувшись к маме, развел руками.

— Вы уж простите нас. Недоразумение вышло... Мы, впрочем, так и думали.

— Да проходите же! — приглашала растерянная мама. — Очень хорошо... что... недоразумение... Вот — радость у нас. Акрам приехал. Старший мой.. Проходите. Мы сейчас... пельмени...

Учителя мялись у порога, не решаясь войти.

— Скорее же! — не выдержал я. — погоди, мама!.. Пельмени потом... У нас тут совсем другое дело, — и я чуть ли не силком заставил гостей войти в дом и пройти на балкон. Мама повисла было на шее Акрама, но я схватил брата за руку и взмолился:

— Акрам, миленький, ты нам страшно нужен! Пойдем на балкон... Мама, имей совесть — дело же у нас!

Бедная мама в изнеможении опустилась на стул, а Акрам, разводя руками, поплелся за мной на балкон. Я включил свет в подвале, поднял крышку и первым спустился по лестнице вниз.

— Скорее! — пригласил я. — А то будет поздно.

— Да тут у вас действительно цунами... — пробормотал Акрам.

Пока удивленные гости безропотно спускались в подвал, я подбежал к лазу и окликнул друга:

— Борька, живой?

— Живо-ой! — хохотнул Самохвалов. — Два раза уже открывали и спрашивали — нашли ли мы кассету.

— Держись! Подмога идет!

Вконец смирившись с моими странными просьбами, Наталья Умаровна, Лена Авралова и все остальные отважно полезли в лаз — теперь уже в подвал Самохвалова. Когда все были в сборе, я постучал крышку люка:

— Эй, на палубе! Открывай...

Заскрипел стул, крышка заныла, приподнялась и со стуком отвалилась. В подвал хлынул свет.

— Что, нашел все-таки? — засмеялся Шакал. — То-то же. Давай вылазь.

— Иду! — крикнул я и шепнул Акраму:

— Выйдешь первым...

Не задавая лишних вопросов, Акрам взбежал по лестнице, как по трапу. На балконе стояла тишина.

— Мамочка-а-а! — застонал вдруг Шакал. — Эт-то...кто... это?..

— Брат! — крикнул я из подвала. — Мой брат. Моряк. Вы же хотели с ним познакомиться... Вот и знакомьтесь!

Я высунулся из люка и увидел, что Ромка с Шакалом стоят вжавшись что есть сил в углы балкона и не сводя с Акрама выпученных от страха глаз. Их широко распахнутые рты говорили о том, что дружки надолго и всерьез потеряли дар речи.

— Ну, как кассета? — подмигнул я. — Погодите, это только ее начало. Сейчас включим и продолжение.

Один за другим вышли из подвала Леопард Самсонович, Наталья Умаровна, Лена Авралова и Николай Алексеевич. Увидев физика, Ромка трясущимися руками с трудом достал из кармана звенящую тряпицу и протянул Николаю Алексеевичу.

— Я... — выдавил из себя Ромка. — Я- Я... Я...

Николай Алексеевич развернул тряпицу и, увидев медали, просиял.

— Мои... — уронил он дрогнувшим голосом. — Родненькие!.. Это вот — за Севастополь... Эта — за Киев... А вот — и за взятие Берлина.

— Это когда вы фашистов фейсом по тейблу? — спросил я, искоса поглядывая на Ромку Суровцева. Но Ромка, похоже, ничего сейчас не слышал. Отвисшая челюсть и выпученные глаза хорошо говорили о том, что его фейсу сейчас не мог бы повредить и тейбл. Дальше просто некуда.

Но тут пришла очередь удивляться и нам. Потому что из люка высунулась голова мамы.

— Вы здесь? — сказала она. — Вот не думала, что у нас две квартиры, а не одна. Чудеса! Да что случилось-то, объясните хоть,..

— Все оч-чень хорошо, — вздохнул Леопард Самсонович. — Медали нашлись... Это — самое главное. А эти вот молодчики, — он кивнул на Ромку с Шакалом, — сейчас немного придут в себя, выспятся, подумают, а завтра в десять придут ко мне на беседу. Вам все ясно?

— В...в...в...в...в...в...сь...о...о... — простучали зубами Шакал и Ромка.

Наступила очередь мамы удивлять нас.

— Леопард Самсонович, — обратилась она к директору, — тут к вам пришли.

— Ко мне? Сюда? Кто? — удивился Мانتюш-Бабайкин.

— А почему я знаю. В дверь сейчас позвонили, я и открыла. А она и спрашивает:

— У вас директор школы? Мне, — говорит, — сейчас в школе сказали, что он пошел в третий дом... Ну, а тут бабусеньки на скамейке подсказали... Очень у нее дело срочное...

Ну и денек! Мы с Борькой и за тонну зефира в шоколаде ни за что не догадались бы, что из темного люка подвала к нам сейчас выйдет...

Нет, не Баба-Яга, и даже не плакат со скелетом летучей мыши.

Кря-ки-на!

Да, да — Крякина! Мама Рудика — собственной персоной...

Мы с Борькой живо обратились в такие же статуи, какими все еще продолжали оставаться Ромка с Шакалом. И не удивительно. По всем подсчетам она должна была в эти минуты только завершать третий за сегодняшний день рассказ об этапах творческого пути Рудика... Мы узнали Крякину сразу же, как только из люка высунулась тощая острая указка ее носа. Высунув голову из люка подвала, как из подводной лодки, Крякина, будто перископ, заозиралась и настороженно спросила:

— Сиропов не с вами?.. Надеюсь, этого коварного обманщика вы сюда не позвали?

Убедившись, что Олега Сиропова с нами нет, Крякина вылезла из люка теперь уже вся и, порывшись в знакомой нам сумке, извлекла из нее внушительный альбом с толстой бархатной обложкой. Прижав альбом к груди, она вся обратилась в улыбку.

Распаренное, розовое лицо Маргариты Павловны, расстегнутый плащ говорили о том, что денек ей выпал горячий. Она резко дергала головой, выхватывая взглядом каждого из нас, словно нервная клушка, растерявшая цыплят, и даже делала какое-то клевательное движение носом. Крякина то и дело поправляла упрямо сползающие очки, которые — исключительно благодаря бдительному носу — не падали на пол. Но самое любопытное — она ежеминутно делала странное движение плечами, набрасывая на них упрямо сползающий назад плащ. Можно было подумать, что полы плаща обшиты тяжелым стальным поясом и поэтому неудержимо стягивают плащ с Крякиной. Но каждый раз, чувствуя, что плащ ее покидает, Маргарита Павловна делала молниеносное круговое движение лопатками и загулявший плащ, словно морская волна, вновь послушно набегал на плечи, чтобы тотчас же отхлынуть. «Наверное, у нее на лопатках классные бицепсы», — подумал я. Впрочем, я не удивился бы, узнав, что шея Крякиной закреплена сначала на подшипнике, а уже потом и на плечах. Голова Маргариты Павловны умела вертеться не хуже мигалки на панцире милицейской машины.

— Леопардичек Самсонович! — сладко пропела она. — Дружочек! Вы уж простите меня... Совсем забыла...

— Что забыли?
— Автограф ваш получить. Бесценный автограф.
— По-моему, автографы раздавал поэт, а не я. Я стихов-то не пишу.
— Дружочек, не откажите! — взмолилась Крякина. — Это у Рудика альбом отзывов... Вот... Вот сюда напишите о встрече. Пару теплых слов. А вот и рученька... Или лучше фломастер? — и не давая ему опомниться, Крякина тяжело распахнула альбом с толстыми картонными листами. Альбом расстелился зеркально чистым разворотом.

— Что же написать? — смутился Леопард Самсоныч.

— Дружочек, хоть пару слов! — проворковала Крякина. — А если вам надо расшириться жильем... Ну, там — прибавление в семействе или еще мало ли чего — вы не обижайте, приходите ко мне в правление...

Директор виновато пожал плечами и написал: «Спасибо за встречу! Мантюш-Бабайкин». Он уже собирался захлопнуть альбом, как вдруг я почувствовал, что у меня наконец-то оттаял язык.

— А мы тоже были на встрече! — воскликнул я. — Можно и нам автограф?..

— Ах, какая ты милашка! — восхитилась Крякина, — Пиши, душечка, пиши!.. Тебе сколько лет, дружочек?

— Четырнадцать.

— Ничего... Еще вырастешь... А как жениться надумаешь — тоже с пайком заглядывай, помогу гнездышко кооперативненькое организовать.

Я нацелил фломастер и скоро заскользил им по зеркалу альбомного листа:

На ольхе растет томат,
Под ольхой — скамейка.
Рудика — катта рахмат
И — салом алейкум!

Крякина ревниво перевела взгляд с частушки на меня:

— Ты тоже пишешь стихи?

— Немножко.

— Молодец. Приходи к Рудиньке — он тебя проконсультирует. Пока сыровато... Но в целом — неплохо!

Она спрятала альбом в сумку и уже собиралась нырнуть обратно в люк,

— Погодите, — остановил я Крякину, — Тут и дверь есть.

Крякина хлопнула себя по лбу и рассмеялась:

— Ой, действительно!..

Уже у двери я спросил ее:

— А что с Сироповым? Вы же вместе из школы уехали.

Крякина негодуя затрясла головой:

— Не напоминай мне это имя, мальчик. Он водил меня за нос целые сутки. Вчера его уволили из газеты, он там больше не работает. Это выплыло совершенно случайно. И — молчал... Целый день молчал! Эх!..

— А как вы узнали? — удивился я.

— Очень просто. После второй конференции у Рудика заболело горлышко, и я повезла его домой. По дороге, в такси, у него скоростно сложились семь новых частушек — про все сегодняшние события. Я из дома сразу же позвонила в редакцию, по горячим следам... Вот тут меня и огорошили. Оказывается, Сиропова уже два дня как уволили. Представляете?! Говорят, что случайным он у них человеком оказался. Долго они терпели его фокусы и спектакли. И вот — решили больше не задерживать. Каков, а? А еще к моему Рудиньке в учителя лез! У, интриган! Теперь он, говорят, перешел на работу по призванию. На лимонадный завод, референтом директора.

Я не удивился этой новости. После сироповской заметки про Кису, которую он окрестил Зорькой, и нелепой съемки в магазине мы с Борькой уже не шибко ломились к Олегу в ученики. Огорчил он нас и тем, что наш Быков ему «не показался». Ему ведь только знаменитостей подавай!

Крякина, тяжело вздохнув, ступила в подъезд. Медленно, на цыпочках — прямо как хрупкие, хрустальные балерины — вышли в подъезд и Ромка с Шакалом.

— А теперь прошу всех к нам на пельмени! — заулыбалась мама. — Отметим приезд Акрама. Вы уж не отказывайтесь, Леопард Самсоныч, не обижайте...

— А я что?.. Я — всегда пожалуйста, — согласился директор, — Страсть как уважаю пельмени.

И все полезли обратно в люк.

Пельмени — в шестнадцать-то рук! — мы налепили минут за пять, и скоро все уже сидели за столом. Николай Алексеевич, по общему требованию, смущаясь, прикрепил медали к пиджаку. На его груди они победно звенели, как колокола.

Тут пришел и папа.

Всем налили шампанского, а нам с Борькой — томатного сока. Леопард Самсонович поднял бокал и сказал, улыбаясь:

— Товарищи! Выездное заседание педсовета объявляю открытым! Пусть каждый скажет в прениях что-нибудь одно. Лично мой доклад тоже состоит из одной фразы. Вот она: «Школа — везде. Выходя из одной школы, тут же попадаешь в другую Школу, где уроки дает жизнь, а отметки она ставит не в дневнике, а в судьбе».

Лена Авралова сказала:

— Все мы наглядно видим, что, несмотря на отдельные недостатки, у нас в школе отличные дети и отличный коллектив!

Николай Алексеевич сказал:

— Сердце — не медаль, его в шкатулку не спрячешь. Но зато не украдут.

Наталья Умаровна сказала:

— Поднимаю тост за юного изобретателя, который когда-нибудь придумает волшебный пылесос-проблемосос. Чтобы все проблемы сами решались!

Мама сказала:

— Давайте за то, чтобы людей соединяли не только подвалы!

Папа сказал:

— Пусть всегда будет Школа!

Борька сказал:

— А я бы придумал пылесос от того изобретателя. Ведь скучно жить станет!

Я кивнул:

— Согласен с предыдущим оратором!

Акрам сказал:

— Как говорят и мыслят мой братишка Володя и мой друг Борис — скука страшнее Бермудского треугольника. И еще — «Самую гениальную кнопку нажимает человек», И еще — «Чтобы встретиться друзьям, — вовсе не обязательно назначать свидание на дне Марианской впадины».

— Стоп-стоп! — вскричал директор. — Это уже целых три мысли, а не одна.

— Одна! — с улыбкой возразил Акрам. — Но с тремя головами.

